

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 1

2008

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Зайцев М. В.</i> Проведение выборов гласных Саратовской городской думы в 1893–1913 гг.	2
<i>Карнишин В. Ю.</i> Местное управление губерний Поволжья накануне Февральской революции	12
<i>Вострикова В. В.</i> Российские либералы о роли государства в общественном развитии	20
<i>Леонов М. И.</i> «Дело Оболенского» (Боевая организация и террористы)	28

ФИЛОСОФИЯ

<i>Горюнов А. В.</i> О неединственности логики предикатов.....	37
<i>Рябова М. Э.</i> Человек как субъект усложняющихся коммуникаций	50
<i>Шикина Т. С.</i> Формирование диалога в истории российской социальной философии	58
<i>Сушков С. В.</i> Сознание и деятельность в свете постклассической интерпретации социальности	65

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Жаткин Д. Н.</i> Ономастикон А. А. Дельвига: опыт лексикографического осмысления (материалы к «Словарю языка А. А. Дельвига»).....	71
<i>Родионова О. С.</i> К вопросу о единицах членения текста	81
<i>Маслова Ж. Н.</i> Перифраза в поэтике Иосифа Бродского (опыт исследования в контексте лингвофилософии).....	85
<i>Хижняк С. П.</i> Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии)	92
<i>Гуляйкина С. О.</i> Социо- и психолингвистические аспекты изучения манипуляций	100
Аннотации	107
Сведения об авторах	111

ИСТОРИЯ

УДК 9(470.44–25) «1893/1913»

М. В. Зайцев

ПРОВЕДЕНИЕ ВЫБОРОВ ГЛАСНЫХ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1893–1913 гг.

Рассматривается функционирование муниципальной избирательной системы России, закреплённой Городовым положением 1892 г., на примере выборов в Саратовскую городскую думу. На основании разнообразных источников (включая архивные документы) анализируются данные о количестве саратовских избирателей, их явке, организационно-технической стороне голосования. Одно из важнейших наблюдений, сделанных в исследовании, касается складывания в среде саратовских избирателей предвыборных блоков или «партий».

Выборы в органы городского самоуправления России представляются интересной, но пока еще относительно новой для исторической науки темой. К настоящему моменту создано немного специальных работ, где идет речь о городской избирательной системе на рубеже XIX–XX вв. Подобные исследования в основном базируются на статистических данных, охватывающих выборы в большинстве городов Европейской России, и оперируют средними показателями, касающимися количества избирателей, их доли в населении и т.д. [1, 2]. С другой стороны, в последние годы все чаще появляются труды (преимущественно диссертационные), в контексте которых рассматриваются муниципальные выборы в отдельных крупных городских поселениях или регионах [3–10]. Однако многие города и местности России еще не охвачены исследованиями подобного рода.

В частности, проведение выборов в Саратовскую городскую думу на рубеже XIX–XX вв. пока не достаточно изучено специалистами. В коллективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья» коротко сообщается о реорганизации городских органов в Саратове в результате реформы 1870 г., перечисляются предметы их ведения и основы избирательной системы, а также констатируется изменение избирательной системы по Городовому положению 1892 г. [11]. Одна из статей А. В. Воронежцева содержит анализ важнейших изменений, произошедших с городской избирательной системой после утверждения Городового положения 1892 г., а также описание организации городских выборов в Саратове в 1890–1910-х гг. и рассмотрение сословного состава избирателей, участвовавших в голосовании 1893 г. [12]. Результаты исследований А. В. Воронежцева с некоторыми дополнениями и уточнениями были изложены и в научно-популярной книге «Местное самоуправление Саратова: история и современность» [13].

Этими примерами практически исчерпываются работы, затрагивающие проведение городских выборов в Саратове в 1893–1917 гг., в связи с чем очевидна необходимость дальнейшего всестороннего исследования данной проблемы. В статье рассматриваются важнейшие особенности выборов в Саратовскую городскую думу по Городовому положению 1892 г.

Утвержденное 11 июня 1892 г. Городовое положение сохранило основы городского самоуправления в России, оставив в неприкосновенности его структуру и функции. Наиболее значительные изменения, привнесенные новым законом, заключались в усилении контроля государственной власти над городскими органами, увеличении численности гласных думы для городов с населением свыше 100 тыс. человек с 72 до 80, а также в реорганизации системы городских выборов. Отныне избирательные права получали лишь владельцы недвижимого имущества, оцененного в сумму не менее (для городов с населением свыше 100 тыс. человек) 1500 руб., а также лица и учреждения, содержащие в городе торгово-промышленное предприятие, требующее выборки свидетельств первой или второй гильдии. Изменилась и организационная сторона выборов. Все избиратели теперь должны были голосовать в одном избирательном собрании, а не в трех куриях, как ранее. При многочисленности электората закон разрешал делить город на избирательные участки, оставляя этот вопрос на усмотрение городских дум [14].

Введение новых принципов привело к уменьшению количества лиц, пользующихся избирательными правами на выборах в городскую думу. Если накануне издания Городового положения 1892 г. общая численность избирателей в Саратове равнялась 7156, то после принятия этого закона их количество сократилось до 1145 [23, 24]. В дальнейшем абсолютное число избирателей увеличивалось в связи с ростом населения города и к моменту последних дореволюционных выборов в Саратовскую городскую думу (1913) оно составило 2834 человека (см. табл. 1). При этом число избирателей, вносившихся управой в официальные списки, значительно сокращалось еще до выборов в связи с тем, что лица, имевшие значительные долги перед городом по налогам и сборам, по закону лишались права участия в голосовании. Процент должников мог быть довольно велик. Например, на выборах 1909 г. после исключения недоимщиков из списков избирателей их число сократилось с 2563 до 1884, а в 1913 г. – с 2834 до 2320 человек [16, л. 230 об., 25].

Таблица 1

Количество избирателей Саратова по Городовому положению 11 июня 1892 г. [15, 16, л. 163–169, 170–215, 17–22]

Год выборов	Население Саратова (на 1 января указанного года)	Численность официально зарегистрированных избирателей	Доля всех избирателей в населении города (%)
1893	118 067	1145	0,97
1897	129 514	1191	0,92
1901	143 431	1448	1,01
1905	202 849	2343	1,16
1909	215 201	2563	1,19
1913	241 545	2834	1,17

В 1893–1901 гг. все саратовские избиратели голосовали в одном собрании. Это вызывало большие неудобства, т.к. в связи со значительным числом электората техническая сторона выборов была сопряжена с определенными проблемами. Даже с учетом высокой степени абсентеизма избирателей на выборы в этот период являлось по 300–400 человек (см. табл. 2). Голосование такой массы людей, собранных в помещении городской думы, проходило

медленно и в достаточно дискомфортных условиях. Идея о разделении города на избирательные участки обсуждалась городской думой уже в период подготовки выборов 1893 и 1897 гг., но она не получила поддержки большинства гласных. Известный саратовский общественный деятель и гласный думы (1879–1917) И. Я. Славин объяснял это в своих мемуарах тем, что «правое крыло... городской думы опасалось, что выборы по участкам могут ввести в состав гласных нежелательные и в высшей степени для него неудобные элементы» [26]. Только в конце 1904 г. была, наконец, признана необходимость производить выборы гласных на 1905–1908 гг. по двум участкам.

Таблица 2

Явка избирателей на городские выборы
(в скобках – количество голосов) [28–36]

Год	Первоначальные выборы						Дополнительные выборы			
	Первый день		Второй день		Третий день		Первый день		Второй день	
1893	321 (343)		260 (281)		–		258 (275)		166 (181)	
1897	379 (410)		319 (343)		229 (252)		312 (337)		–	
1901	490 (543)		450 (504)		405 (454)		351 (398)		218 (253)	
1905	274 (286)	228 (238)	226 (238)	147 (157)	–	–	203 (213)	162 (167)	–	103 (109)
1909	245 (252)	210 (219)	177 (182)	141 (149)	–	–	181 (189)	168 (177)	–	–
1913	345 (363)	280 (293)	218 (232)	170 (175)	–	–	–	162 (169)	–	–

В январе 1905 г. дума утвердила «Инструкцию для производства выборов в гласные Саратовской городской думы и кандидатов к ним на четырехлетие 1905–1908 гг.». Эта же инструкция практически без изменений была впоследствии принята к выборам 1909 и 1913 гг. Она представляет собой любопытный документ, позволяющий составить представление об организации городских выборов в Саратове в 1905–1913 гг. При ее создании дума опиралась на действующее российское законодательство, в первую очередь на соответствующие статьи Городового положения 1892 г.

Инструкция констатировала деление избирательного собрания для выборов гласных Саратовской городской думы и кандидатов к ним на участки, количество которых определялось думой и утверждалось Губернским по городским и земским делам присутствием. Точное число участков не указывалось, поскольку гласные предвидели дальнейший рост количества городских избирателей и соответствующее увеличение числа участков. Перед выборами, даты которых устанавливались управой и утверждались губернатором, составлялись списки лиц и учреждений, имеющих право участия в голосовании. Эти списки (отдельно по каждому из участков) должны были опубликовываться в местной периодической печати не позднее чем за три месяца до выборов, после чего в них могли вноситься дополнения и изменения по обоснованным и законным заявкам горожан. Исправленные и утвержденные списки избирателей опубликовывались не позднее чем за месяц до выборов. Кроме того, избирателям каждого участка предоставлялось право сходить перед выборами на предварительные собрания для обсуждения кандидатур в гласные.

За три недели до голосования в городской управе избирателям начинали выдаваться именные входные билеты на выборы, а также особые печатные бланки, в которых можно было указывать лиц, предлагаемых к баллотировке. На основе этих предложений управа и дума составляли списки кандидатов не позднее чем за 8 дней до созыва избирательного собрания первого участка. Эти списки, в которых кандидаты располагались по числу поданных за них голосов, отпечатывались типографским способом, а затем вывешивались на стенах в здании думы и выдавались желающим. На выборах сначала баллотировались претенденты из списка, но если этого было недостаточно для избрания всего положенного числа гласных и кандидатов в гласные, то могли предлагаться и другие кандидатуры из числа избирателей, присутствовавших в собрании. Как минимум за три дня до голосования городские власти должны были сделать еще одно специальное объявление о нем в печати, а также разослать избирателям специальные приглашения, где указывалось место, день и час явки. Собрание для баллотировки считалось действительным, если количество явившихся избирателей превышало число подлежащих избранию гласных и кандидатов к ним.

В день выборов избиратели по билетам являлись в помещение городской думы и регистрировались. Председательствующий в собрании городской голова зачитывал статьи Городового положения, определявшие условия обладания избирательными правами, и напоминал собравшимся об ответственности за незаконное участие в баллотировке. Затем избиратели получали шары для голосования. В зале собрания находилось несколько баллотировочных ящиков, внутри которых было два отделения, считавшихся условно «белым» и «черным» («за» и «против»). На каждом ящике вывешивался ярлык, где было написано полное имя кандидата, а также его социальный или профессиональный статус. Баллотировка осуществлялась сериями: в первой серии баллотировались несколько лиц из начала списка кандидатов, затем следующие по списку и т.д. После окончания баллотировки председатель лично осуществлял подсчет «белых» и «черных» шаров под наблюдением всех присутствующих. Кандидат, набравший абсолютное большинство голосов прибывших на собрание избирателей, считался избранным в гласные. Между лицами, получившими равное число голосов, выбор решался посредством жребия. Если первоначальные выборы не заканчивались избранием необходимого числа гласных и кандидатов к ним, городской голова должен был распорядиться о назначении вторичных выборов. При этом входные билеты, выданные избирателям накануне первичных выборов, сохраняли свое действие и на последующих собраниях по тому же избирательному участку. Обжаловать результаты выборов в случае нарушения процедуры все желающие могли в течение 7 дней со дня их окончания [27].

Зафиксированные в инструкции принципы организации выборов в общих чертах действовали и в избирательных кампаниях 1893, 1897 и 1901 гг. Подготовка к ним всегда начиналась с составления списка избирателей, который публиковался в «Саратовских губернских ведомостях», причем вместе со списком избирателей объявлялась и дата начала выборов. В день голосования, после регистрации избирателей, городской голова открывал избирательное собрание ознакомлением присутствующих с важнейшими статьями закона, касающимися выборов. Голосование осуществлялось сериями путем опускания шаров в баллотировочные ящики и т.д. Таким образом, утвер-

жденная в 1905 г. инструкция закрепила выработанные на практике принципы организации выборов, установила деление города на избирательные участки и внесла ясность в некоторые технические моменты.

Чтобы повысить явку избирателей, управа старалась назначать начало выборов на выходные дни, но голосование никогда в один день не заканчивалось. В таких случаях назначалось избирательное собрание на следующий день (иногда и на третий), но и этого бывало недостаточно, чтобы избрать полный состав гласных думы. Поэтому с интервалом в несколько дней назначались дополнительные выборы.

Таблица 2 демонстрирует данные об участии саратовцев в избирательных кампаниях 1893–1913 гг. (за 1905–1913 гг. отдельно по каждому из избирательных участков). Обращает на себя внимание тот факт, что максимальная активность электората всегда приходилась на первый день основных выборов, затем происходил спад, но дополнительные выборы могли снова «подстегнуть» избирательский интерес. Любопытно, что разделение города на участки совпало с понижением относительной активности избирателей. В 1893 г. напрямую или через доверенных лиц в первый день голосования участниками выборов стали 343 избирателя, что составляло почти 30 % всего электората. На выборах 1897 г. этот показатель достиг 34,4 %, а в 1901 г. – 37,5 %. В 1905 г. в сумме по двум участкам в первый день явилось 502 человека. Это больше, чем на выборах 1901 г., всего на 12 человек, притом что количество официально зарегистрированных избирателей за эти четыре года выросло почти на 900 (см. табл. 1). Количество человек, принявших участие в выборах, в первый день даже сократилось и составило всего 22,4 %. Выборы 1909 г. характеризуются еще более высокой степенью абсентеизма; и только в 1913 г. избирательная активность несколько возросла: в первый день голосования в выборах приняли участие 656 человек, что составило более 23 % всего электората.

Избирательные кампании 1893–1913 гг. почти всегда заканчивались избранием полного состава городской думы (80 человек). Исключение составляют выборы 1909 г., когда по двум участкам в сумме было избрано всего 56 гласных. Дело в том, что перед этими выборами коронная администрация потребовала, чтобы на дополнительных городских выборах не баллотировались лица, забаллотированные на выборах первоначальных, как это практиковалось ранее. Результатом стал недобор почти трети состава думы. Поскольку Городовое положение устанавливало минимальный размер численности думы в две трети от ее общего состава, основной орган саратовского городского общественного управления в 1909–1913 гг. существовал в «усеченном» виде. Это обстоятельство, естественно, осложняло работу думы, поскольку одним и тем же гласным приходилось работать в двух, трех или четырех комиссиях. Зачастую заседания общего состава думы и комиссий срывались из-за неявки достаточного количества гласных, в связи с чем задерживалось осуществление многих важных для города мероприятий.

Это обстоятельство заставило Саратовскую городскую думу накануне выборов 1913 г. обратиться к министру внутренних дел Н. А. Маклакову со специальным ходатайством об изменении порядка выборов гласных думы. Во-первых, речь шла о том, чтобы к баллотировке на дополнительных выборах допускались лица, забаллотированные на первоначальном голосовании. Во-вторых, предлагалось, если и на первоначальных, и на дополнительных

выборах не будет выбрано полного комплекта гласных абсолютным большинством голосов, зачислить в гласные лиц, получивших относительное большинство голосов. Ходатайство настолько ярко характеризует городскую избирательную систему, что целесообразно привести выдержку из него:

«В каждом городе при выборах гласных бывает несколько групп избирателей или партий. Каждая из партий на первоначальных выборах старается провести исключительно свой список гласных, а в этот список обыкновенно включают лишь тех, кто безусловно разделяет ее программу. И только в том случае, когда это не удастся, когда на первоначальных выборах ни один партийный список не пройдет полностью, наступает момент для соглашения. В прежнее время в результате такого соглашения очень часто лица, забаллотированные на первоначальных выборах, на дополнительных выборах получали такое большинство, какое редко кто получал на первоначальных выборах. И это вполне естественно, так как в таких случаях главную роль играет не принадлежность к той или другой партии, а личное достоинство, личная репутация того или другого лица, объединяющего вокруг своего имени избирателей различных партий. Если не допускать баллотировки на дополнительных выборах тех, кто баллотировался и не был избран на выборах первоначальных, то дальнейшие выборы становятся крайне затруднительны: все выдающиеся кандидаты в гласные обыкновенно вносятся каждой партией в тот избирательный список, который баллотировался на первоначальных выборах. Таким образом, на дополнительных выборах решительно некого выбирать; примером этому могут служить прошлые выборы 1909 г.: на первоначальных выборах баллотировалось 94 лица и было избрано 27 гласных, на дополнительных баллотировалось 44 лица и еле-еле, с большим трудом были выбраны 3, а 8 гласных и 8 к ним кандидатов так и не могли быть выбраны (имеются в виду выборы в Саратове по первому участку. – М. З.). Но и те, которые были выбраны на дополнительных выборах, выбирались, например во 2-м избирательном участке, крайне незначительным большинством – всего 58 шарами, в то время как на первоначальных выборах были лица, получившие по 120 избирательных шаров, не попавшие в гласные.

Во всех странах при выборах допускаются перебаллотировки, и дополнительные выборы вплоть до 1909 г., т.е. до последних выборов, имели характер перебаллотировок. Соображения Правительствующего Сената, что в короткий срок между первоначальными и дополнительными выборами ни лица баллотирующиеся, ни мнения о них избирателей не могут измениться, совершенно не применимы в данном случае. Меняются не лица и не мнения о них избирателей, а условия, при которых они избираются; и при допущении перебаллотировок на дополнительных выборах в гласные Городской Думы избираются не худшие, а лучшие элементы лишь случайно, благодаря партийным счетам, не попавшие в гласные на первоначальных выборах, несмотря на всю их опытность, знание дела и личные их качества. По отношению к выборам в Государственную Думу уже действует тот порядок выборов, о котором ходатайствует в настоящее время Саратовская Городская Дума: лицо, не избранное на первоначальных выборах, может быть выбрано на дополнительных выборах даже и в том случае, если получит не абсолютное, а относительное большинство и притом при закрытой баллотировке шарами. И если достоинству членов Государственной Думы не противоречит то обстоятельство, что, забаллотированные на первоначальных выборах, они могут балло-

тироваться на выборах дополнительных и даже могут быть избраны относительным большинством шаров, то тем менее такой порядок выборов может противоречить достоинству гласных Городской Думы» [37].

Ответ МВД на это ходатайство пока обнаружить не удалось, но так или иначе выборы 1913 г. закончились избранием полного состава гласных. Любопытно упомянутое в ходатайстве существование «групп избирателей или партий». Термин «партия» в таком значении употреблялся уже в 1880-е гг. Такие «партии» являлись, по существу, неформальными объединениями нескольких десятков или сотен избирателей, принадлежавших, как правило, к одной социальной категории и поддерживавших на выборах «своих» кандидатов. Никакого организационного оформления подобные «партии» не имели. Вместе с тем к началу XX в. предвыборные объединения избирателей приобрели довольно большое значение. Помимо этого, в рассматриваемый период словами «партия» или «фракция» стали называть также группы гласных в самой городской думе. Как и «партии» избирателей, «партии» гласных не имели четко оформленной организации и представляли собой довольно аморфные группы лиц, объединенных схожими интересами и взглядами на роль городского общественного управления. Одна из таких «партий» упоминается в периодической печати того времени и некоторых источниках под названием «стародумцы». Стародумцами именовалась группа гласных, пришедших в думу, как правило, еще в период 1870–1880-х гг. и продолжавших избираться на новые сроки уже после введения Городового положения 1892 г. Накануне выборов 1913 г. газета «Саратовский вестник» так определяла суть группы стародумцев: «Эта партия характеризуется словом: верхне-базарная. Ее составляют богатые купцы и торговцы <...> промышленники и крупные домовладельцы. Их интересы – имущественные и торговые. Сплочены они биржей. Их программа: никаких новых налогов и «переоценок ценностей» в прямом и переносном смысле слова. За это они борются в думе» [38].

Постепенно сформировалось и противостоящее стародумцам крыло, которое называлось «новодумцы» (или «прогрессисты»). К этой группе гласных относились в основном представители либеральной саратовской интеллигенции, пришедшие в думу после реформы 1892 г.

К 1909–1913 гг. указанное крыло имело достаточно определенную программу, которая была изложена в адресованной избирателям предвыборной брошюре. Программа состояла из двух частей. Первая часть – «желательные изменения в действующем Городовом положении» – указывала на необходимость расширения избирательных прав «до пределов общего и равного» как для мужчин, так и для женщин; увеличения самостоятельности городского самоуправления и независимости от опеки администрации; увеличения контроля со стороны думы за действиями управы и городского головы; освобождения городов от расходов на общегосударственные нужды; выделения города в самостоятельную земскую единицу. Вторая часть включала «ближайшие и насущные задачи» собственно саратовского городского самоуправления. К ним относились замена прежней системы выборов шарами баллотировкой путем подачи избирательных бюллетеней (с возможностью для избирателей не присутствовать на выборах лично); изыскание новых источников доходов и устранение дефицитов городского бюджета; благоустройство окраин города; удовлетворение «нужд трудящихся масс населения» (открытие

биржи труда и бюро бесплатной юридической помощи, устройство дешевых квартир и ночлежных домов); «установление постоянной связи между избирателями и гласными городской думы» и т.д. [39].

На наш взгляд, с одной стороны, рассмотренная программа, включавшая ряд действительно важных для города положений, носила несколько политизированный и даже демагогический характер. Например, изменение действующего Городового положения явно находилось вне компетенции городского самоуправления, поэтому вряд ли уместно было поднимать этот вопрос в обращении к избирателям перед городскими выборами. С другой стороны, очевидная забота новодумцев об интересах окраин и «трудящихся масс населения» была проявлением вполне здравого поиска «своего» избирателя, т.е. той части электората, которая могла принести им успех на выборах.

К началу XX в. все отчетливее проявлялась прямая связь между отдельными категориями избирателей и группами гласных, готовых выражать интересы этих категорий. Наиболее показательны в этом отношении выборы 1913 г. Городская пресса начала освещать избирательную кампанию уже на стадии проведения предвыборных собраний, где обсуждались кандидатуры, образовывались избирательные блоки и согласовывались программы. Количество участников таких собраний могло достигать 200–250 человек. «Саратовский вестник» условно подразделял избирателей Саратова на пять групп: «стародумскую, группу третьего элемента, группу демократическую, мещанскую и старообрядческую». Обозреватель газеты считал, что победу на грядущих выборах одержат стародумцы, которые придут на выборы «крепкой, сплоченной массой», в связи с чем их противникам также «надо действовать сплоченно и единодушно, чтобы если не вполне одолеть врага, то хоть отвоевать себе побольше мест». К противникам стародумцев корреспондент «Саратовского вестника» относил все остальные четыре группы избирателей. «Группу третьего элемента», по его словам, составляли «лица свободных профессий: инженеры, врачи, адвокаты, служащие разного рода и т.д.». Программа «третьего элемента» была противоположна стародумской, т.е. заключалась в стремлении к реформам городского хозяйства. Так как группа была невелика по численности, ей приходилось искать союза с другими силами для проведения своих кандидатов. Ближайшими возможными союзниками для этой «партии» была группа «прогрессивных окраинных избирателей». «Представители этой группы – жители окраин. И как таковые – обойдены во всем: у них нет ни мостовых, ни электрического (а иногда и керосинового) освещения, ни канализации. Трамвай задел их лишь частью. Спасаться от пыли, гулять они должны идти в центр. <...> Театры, библиотека, аудитория – все не для них. Даже и школы, не говоря уже о гимназиях и реальных училищах, такие школы, как двухклассные и четырехклассные училища, далеки от них. Благоустраивается центр, один центр, а окраины, неся налоги, играют роль париев. Их забывают, игнорируют. И забытые, они дают громадный процент заболеваний и смертности. Стародумцы сделали их прогрессистами». Далее шла мещанская группа, которая не имела самостоятельной программы и примыкала частично к окраинной группе, а частично к группе «третьего элемента». Наконец, небольшая по численности старообрядческая группа также должна была примкнуть, как ожидал автор газетного обзора, к «прогрессивным окраинным избирателям» [38, 40].

В период выборов между стародумцами и новодумцами разворачивалась интересная и подчас острая борьба, успех в которой мог сопутствовать как той, так и другой стороне. После выборов 1909 г. губернатор С. С. Татищев сообщал министру внутренних дел П. А. Столыпину, что в Саратовскую думу на новое четырехлетие было избрано 34 «правых» и 22 «прогрессиста, примыкающих к конституционно-демократической партии» [41]. На следующих выборах победу праздновала уже другая группа: в 1913 г. согласно подсчетам «Саратовского вестника» из новодумцев было избрано 36 гласных, из стародумцев – 20, а еще 17 человек фигурировали в списках обоих блоков [42].

Таким образом, городская избирательная система в Саратове претерпела на рубеже XIX–XX вв. существенную эволюцию. На основе Городового положения 1892 г. и с учетом местной специфики саратовский муниципалитет постепенно вырабатывал четкие принципы организации выборов в городскую думу. Применение этих принципов на практике иногда встречало некоторые затруднения, но главная цель (формирование распорядительного органа городского общественного управления, способного выполнять возложенные на него функции) неуклонно достигалась. Еще одним важным фактором стало формирование среди избирателей и в самой городской думе двух конкурирующих общественно-политических блоков, которые придерживались различных концепций развития городского хозяйства.

Список литературы

1. **Нардова, В. А.** Первые выборы в городские думы по избирательному закону 1892 г. / В. А. Нардова // Проблемы социально-экономической истории России. – СПб., 1991. – С. 224–236.
2. **Нардова, В. А.** Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / В. А. Нардова. – СПб., 1994.
3. **Апкаримова, Е. Ю.** Городское самоуправление на Среднем Урале в последней трети XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Апкаримова. – Екатеринбург, 1999.
4. **Заманова, Г. Р.** Городское самоуправление в Казани (1870–1904 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. Р. Заманова. – Казань, 2002.
5. **Ковалева, М. В.** Орловская городская дума (1787–1913 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. В. Ковалева. – Орел, 2003.
6. **Макаревич, М. Л.** Городская дума г. Санкт-Петербурга в 1904–1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Л. Макаревич. – СПб., 2005.
7. **Материкин, А. В.** Царицынская городская дума (1870–1914 гг.): опыт функционирования городского общественного управления : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Материкин. – Волгоград, 2006.
8. **Писарькова, Л. Ф.** Московская городская дума: 1863–1917 гг. / Л. Ф. Писарькова. – М., 1998.
9. **Полянина, О. А.** Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.) / О. А. Полянина. – Уфа, 2006.
10. **Попов, П. А.** Городское самоуправление Воронежа (1870–1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / П. А. Попов. – Воронеж, 2005.
11. Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). – Саратов, 1995. – Т. 2. – Ч. 1.
12. **Воронежцев, А. В.** Саратовская городская дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века) / А. В. Воронежцев // Саратовский краеведческий сборник. – Саратов, 2002. – С. 34–44.

13. Местное самоуправление Саратова: история и современность / под ред. проф. В. Н. Данилова. – Саратов, 2006. – С. 51–70.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 12. – СПб., 1895. – С. 437–440.
15. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1328. Л. 78.
16. ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 780.
17. Алфавитный список избирателей города Саратова на четырехлетие 1905–1908 гг. 1-й избирательный участок. – Саратов, 1905. – С. 11–102.
18. Алфавитный список избирателей города Саратова на четырехлетие 1905–1908 гг. 2-й избирательный участок. – Саратов, 1905. – С. 11–106.
19. Алфавитный список избирателей города Саратова на четырехлетие 1909–1912 гг. 1-й избирательный участок. – Саратов, 1908. – С. 10–106.
20. Алфавитный список избирателей города Саратова на четырехлетие 1909–1912 гг. 2-й избирательный участок. – Саратов, 1908. – С. 10–118.
21. Саратовские губернские ведомости. – 1892. – № 96 (10 декабря). – С. 3–6.
22. Саратовские губернские ведомости. – 1900. – № 100 (31 декабря). – С. 1–6.
23. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 929. Л. 1–969
24. Саратовские губернские ведомости. – 1892. – № 96 (10 декабря). – С. 3–6.
25. ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 442. Л. 116 об.
26. **Славин, И. Я.** Минувшее – пережитое / И. Я. Славин // Волга. – 1998. – № 8. – С. 107.
27. Инструкция для производства выборов в гласные Саратовской городской думы и в кандидаты к ним на четырехлетие 1905–1908 гг. // Постановления Саратовской городской думы за 1905 г. – Саратов, 1909. – С. 25–31, 35.
28. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4312. Л. 99–158.
29. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1025. Л. 13–172.
30. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1787. Л. 81–94.
31. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2733. Л. 2–16 об.
32. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2734. Л. 2–10.
33. Журналы Саратовской городской думы. 1897 год. – 1897. – № 1. – С. 5–44.
34. Саратовский вестник. – 1913. – № 75 (2 апреля). – С. 4.
35. Саратовский вестник. – 1913. – № 125 (11 июня). – С. 4.
36. Саратовский вестник. – 1913. – № 142 (2 июля). – С. 4.
37. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3650. Л. 2 об. – 3 об.
38. Саратовский вестник. – 1913. – № 50 (2 марта). – С. 3.
39. От новодумцев к городским избирателям. – Саратов, 1913. – С. 1–8.
40. Саратовский вестник. – 1913. – № 58 (12 марта). – С. 4–5.
41. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2586. Л. 245.
42. Саратовский вестник. – 1913. – № 142 (2 июля). – С. 4.

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГУБЕРНИЙ ПОВОЛЖЬЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье рассматривается ряд аспектов деятельности местных властей средневожских губерний в период Первой мировой войны. Отражены дефекты системы государственного управления в контексте нарастания кризисных явлений в экономической и социальной сферах.

Сохраняющаяся острота в дискуссиях на страницах периодических и научных изданий в год 90-летия Февральской и Октябрьской революций по-прежнему отражает умонастроения части современного общества, предлагающего различные интерпретации переходного периода в прошлом и настоящем. Призывы отойти от политизированности оценок и дефиниций не всегда остаются услышанными и в академической среде. Между тем осмысление переломных этапов российской истории будет продолжаться, на наш взгляд, по ряду направлений. Во-первых, издание фундаментальных документальных серий («Политические партии России: конец XIX – первая треть XX века»; «П. А. Столыпин: программа реформ») позволяет составить действительно впечатляющее представление об альтернативах общественного развития и путях их реализации. Во-вторых, энциклопедические проекты, посвященные истории Государственной думы, общественной мысли XVIII – начала XX вв., создают основу для консолидации научного сообщества и открывают новые возможности для развития междисциплинарных исследований. В-третьих, обилие исследований, посвященных различным аспектам истории российских регионов, позволяет, наряду с обогащением зачастую малоизвестным фактическим материалом местных архивов, уяснить специфику динамики процессов в экономической, социокультурной и политической сферах именно в их региональных измерениях. Это позволит избавиться от мифов и стереотипных суждений, по-прежнему определяющих подход ряда исследований к изучению революционного 1917 г.

Предлагаемый материал посвящен состоянию местного управления средневожских губерний, являющихся своеобразной моделью позднеимперской России (преобладание аграрного сектора экономики («Поволжье – житница России»); многонациональный и поликонфессиональный состав населения).

К 1917 г. поволжские губернии находились вдали от театра военных действий. Их стратегическое положение определялось прежде всего наличием крупных транспортных артерий (Самаро-Златоустовская, Тамбово-Уральская, Сызрано-Вяземская, Рязано-Уральская железные дороги; Волга и ее притоки), использовавшихся для перемещения личного состава, боевой техники, продовольствия, амуниции. Следует учитывать и близость к районам производства топлива и сырья (Урал, Баку и Донбасс), что, в свою очередь, создавало благоприятные возможности для изменения профиля размещавшихся в Поволжье предприятий гражданских отраслей экономики.

Особую остроту к 1917 г. приобрел продовольственный вопрос. Казалось, что аграрная специализация региона должна была минимизировать ост-

роту противоречий социально-экономического развития. Однако административному механизму пришлось столкнуться с проблемами, связанными с разногласиями по вопросу выбора эффективных методов регулирования хозяйственной деятельности.

Между тем методология государственного регулирования была основана на приверженности снабженческо-распределительной функции с целью обладания рычагами давления на частного предпринимателя. По справедливому мнению В. А. Мау, «тонкий механизм рыночного регулирования производства оказался сразу же разрушенным почти полностью»: таксы и расстройство транспорта нанесли мощный удар по производителям сельскохозяйственной продукции (при сокращении выпуска промышленных товаров и их поставок в деревню на вырученные крестьянами деньги было крайне затруднительно приобрести необходимые товары) [1].

Мероприятия продовольственной политики (введение твердых закупочных цен; разработка проекта введения карточной системы по продаже муки, сахара, мяса, представленного в Особое совещание по продовольствию 10 октября 1916 г.; переход к продовольственной разверстке, предложенный министром земледелия А. А. Рихтером 22 ноября 1916 г.), как оказалось, натолкнулись на различные преграды.

Многочисленные мобилизации обусловили «кадровый голод» в административном аппарате. Во всеподданнейшей записке министра внутренних дел Б. В. Штюрмера констатировалось, что «за призывами в войска на своих местах осталось не более 1/3 части всех чинов». «Работа призванных, сама по себе возросшая, – жаловался Б. В. Штюрмер, – по обстоятельствам военного времени падает на оставшихся, которые находятся в тяжелых условиях существования ввиду значительного вздорожания жизни» [2]. Наиболее распространенным видом наказания для лиц, утаивавших продукцию или продававших ее по ценам, превышавшим установки администраторов, стали штрафные санкции и тюремное заключение на срок до трех месяцев [3].

Принимаемые властями решения отличались прежде всего игнорированием точек зрения деловых кругов и общественности. Роковое значение имело и опаздывание с принятием мер. Оказавшись перед угрозой коллапса в подведомственной ему сфере, А. А. Риттих предпринял попытку выяснить ситуацию на хлебном рынке Поволжья. В январе 1917 г. в Самаре было проведено специальное совещание с целью принятия мер по улучшению снабжения продовольствием армии, которое сопровождалось ритуальными чествованиями. Уполномоченный Особого совещания по продовольствию К. Н. Гримм, занимавший также должность председателя Саратовской губернской земской управы, поблагодарил министра «за твердую энергию, за деловое общение с земскими людьми». Впоследствии он мог прочесть ироничную реплику саратовского журналиста местной либеральной газеты: «Бесспорно, гг. Гримм и Риттих – прекрасные люди, но от одного этого продовольственный вопрос ни на один шаг не будет лучше». Представители поволжских земств не скрывали от властей своей обеспокоенности: «Наряды хлеба едва ли будут выполнены наполовину» (Симбирск); «Овса нет. Жмыхов и отрубов нет. Пшеница и гречневой крупы нет. Картофеля мало... Разверстку по этому выполнять трудно» (Пенза) [4].

Констатируя всеобщее недовольство пензенских горожан дороговизной и низкой эффективностью борьбы с ней, вице-губернатор А. А. Толстой при-

знавал, что применение судебных преследований против торговцев, взвинчивавших цены, давало совершенно иной, обратный, эффект: купцы предпочитали закрывать лавки и магазины, что, в свою очередь, порождало слухи о прекращении продажи товаров первой необходимости [5].

Немаловажное значение приобретал еще один фактор, обусловивший падение авторитета власти. Речь шла о неопределенности в вопросе разделения функций военной и гражданской администрации, усиленной активизацией гражданско-сословных организаций на фоне сдвигов между управленческими кланами и противостоянием администраторов и общественных кругов [6].

Сбои в функционировании столичных ведомств усиливали напряженность на местах. Принятие эффективных решений осложнялось междуведомственными неувязками. Начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Старов резонно отмечал, что железнодорожное начальство оказалось не в состоянии проконтролировать перечисление денежной суммы для рабочих, которые, не дождавшись обещанной 10 % надбавки к жалованью, заявили о своем намерении остановить работу, угрожая парализовать сообщение на жизненно важной для транспортировки грузов Рязано-Уральской железной дороге. Старов констатировал откровенно пренебрежительное отношение поставщиков угля к ходатайствам властей о понижении цен на топливо, возросших только за первые две недели января 1917 г. с 10 до 24 руб. 80 коп. за погонную сажень [7].

Неэффективность местного управления становилась очевидной и в стенах столичных бюрократических кабинетов. В этих условиях в ведомстве министра внутренних дел А. Д. Протопопова был вновь извлечен проект Положения о волостном управлении, являющийся составной частью реформаторской программы П. А. Столыпина. Как отмечалось П. Н. Зыряновым, волостная реформа могла стать важным шагом на пути проведения принципа бессословности во внутренней политике и сыграть важную роль в развитии земского хозяйства. Однако реализация этих изменений была связана с сокращением дворянских привилегий. При этом, очевидно, предусматривался и правительственный надзор над волостной организацией, что должно было компенсировать утрату местной дворянской корпорацией власти над сельской глубиной. В конечном итоге, 20 мая 1914 г. Государственный Совет отклонил правительственный законопроект [8].

В письме А. Д. Протопопова, датированном 26 сентября 1916 г. и адресованном губернаторам, предписывалось дать заключение по проекту Положения [9]. В первых строках министр подчеркивал, что важно «знать местное мнение», чему и призвано было способствовать совершенствование системы управления. Исходные положения, из которых исходили авторы проекта, свидетельствовали об их намерении рассматривать волость как звено управления, закрепить за ней как хозяйственные, так и административные функции. Властями осознавалась немногочисленность полицейского аппарата в глубинке. При этом они настаивали на ограничении собственно полицейских функций волостного правления лишь принятием неотложных мер, которые «в случае отсутствия на местах соответствующих полицейских чинов и до прибытия их» необходимы для ограждения «личной и имущественной безопасности и общественного порядка».

В систему волостного управления предполагалось включить волостное собрание и волостное правление. Авторы Положения фактически оставили

нерешенным вопрос о финансировании. В то же время было заявлено о намерении обезопасить дворянство («культурные элементы волостного населения») от тяжести налогового бремени, что, в свою очередь, предполагало необходимость «лишить волостные власти права самообложения».

Вместе с тем, «в видах облегчения налогового бремени» авторы проекта предположили взять на казенное содержание председателей волостных управ, волостных старшин и волостных писарей, а также часть канцелярских расходов. Подобный жест делал верхушку волостного правления зависимой от губернской администрации. С другой стороны, волость оказывалась тесно связанной с уездным земством, в котором были традиционно сильны позиции дворянства. Это отразилось в предложении рассматривать годовую смету волостных расходов на земских собраниях, наделенных, в свою очередь, правом их утверждения [9, л. 2. об. 7]. Таким образом, извлеченный из недр ведомственной документации документ по-прежнему ограничивался принятием полумера.

Какова же была реакция на министерскую инициативу в провинции? Составить представление о ней позволяют выявленные документы. 14 октября 1916 г. под председательством пензенского вице-губернатора А. А. Толстого состоялось обсуждение вопроса о введении волостного управления. Среди участников совещания были товарищ председателя окружного суда Н. И. Хомутов, председатель губернской земской управы князь Л. Н. Кугушев, прокурор окружного суда А. А. Волжин, и. д. управляющего губернской казенной палатой А. К. Берг, члены губернского присутствия. Соглашаясь с необходимостью реформирования системы управления, они высказали замечание, ставящее под сомнение реалистичность ряда положений проекта. Представители администрации предпочли заявить о необходимости расширения территории волостной единицы. Принципиально отвергалось положение, согласно которому волостная единица должна была исполнять распоряжения правительственных и общественных учреждений, а также заниматься и охраной общественного порядка и безопасности. Наконец, подчеркивалась значимость принципа самоуправления, о котором «забыли» столичные чиновники. В этой связи участники совещания предложили: «Из ведения земского управления исключить исполнение предположений и поручений правительственных и других учреждений по делам, до земства не касающимся» [9, л. 13–14].

С мнением подчиненных согласился и пензенский губернатор А. П. Лилиенфельд-Тоаль, отметивший принципиальное значение принципа разграничения полномочий административного аппарата и местного самоуправления. Он указывал: «Создание волостного земского Органа смешанного характера... едва ли может содействовать правильному развитию как одной, так и другой стороны его деятельности». Критиковалось им и намерение финансировать содержание волостных чинов за счет государственных средств; достаточно скептически было расценено предложение наделить председателя волостной управы правом председательствования на волостном собрании. Пензенские чиновники сочли необходимым избрание председателя волостного собрания самими гласными на трехлетний срок (с последующим утверждением в должности губернатором). Наконец, в своем письме, адресованном МВД, пензенский губернатор высказался за наделение волостного земства чисто хозяйственными функциями, что могло бы способствовать его жизнеспособности [9, л. 16–17].

Проблемы, обсуждавшиеся местными администраторами, находили отражение на страницах провинциальной прессы. Впрочем, подобных публикаций было сравнительно немного. Недоверие «образованного меньшинства» к деятельности А. Д. Протопопова было достаточно очевидным. Протеже Распутина, стремившийся примирить правительство и оппозицию, он категорически отверг информацию ряда столичных газет о наличии собственной программы деятельности. Действительно, министрам иметь ее не полагалось [10]. На фоне нараставшего недовольства населения бюрократическая инициатива вызвала откровенный скепсис, влияя на тональность откликов местных изданий.

Один из читателей «Вестника Пензенского земства», подписавшийся инициалами Н. Б., воспринял предложение создать волостное земство как намерение властей решить вопрос об «образовании на местах ячеек для закупок продовольственных запасов». С этой точки зрения намерения правительства оценивались как вполне оправданные: закупками продовольствия ведали потребительские сельскохозяйственные общества, кредитные товарищества, хозяйственные советы по уборке полей мобилизованных. Таким образом, волостное земство могло преодолеть «распыление» деятельности структур, занятых решением одной задачи [11].

Отмечались и другие стороны проекта: предоставление женщинам избирательного права, ограничение административного вмешательства правом контроля над соответствием постановлений российскому законодательству. При этом критиковалось намерение наделить волостное земство даже ограниченными полицейскими функциями, что «шло бы вразрез с самой идеей самоуправления». Негативное отношение было выражено и в отношении предоставления земским начальникам права устранять от должности председателей и членов волостной управы [12].

Обобщая отклики земской печати, В. К. Андреевский высказал предложение тщательно разработать вопрос земского финансирования. Он считал необходимым расширить возможности органов местного самоуправления по взиманию налогов, для чего повысить обложение промышленных и торговых предприятий. Наконец, особо выделялась важность наделения волостного земства правом самостоятельного обложения [13].

Вопросы, поднятые В. К. Андреевским, отражали болевые точки развития финансовой системы. На фоне безудержной инфляции, роста военных расходов, запрета денежных знаков на золото требовались экстренные меры по упорядочению налоговой политики. В 1916 г. Николаем II был подписан указ о введении подоходного налога и налога на военную прибыль.

Согласно Положению о подоходном налоге [14], обложению подлежали все торговые и промышленные предприятия, монополистические объединения, товарищества, все формы прибыли, земельная собственность и денежные капиталы. Хотя на жертвы пришлось пойти и состоятельной части общества, действие закона распространялось и на те категории населения, чей годовой доход составлял не более 850 руб. – достаточно скромную сумму в условиях военного времени. Проверить эффективность этой меры властей, однако, было не суждено: закон должен был вступить в силу в 1917 г., незадолго до Февральской революции.

Немаловажное значение приобретала проблема компетентности администраторов в решении социальных вопросов. Между тем приток беженцев,

хлынувших из западных губерний в Поволжье, повлек за собой наложение новых проблем, к которым местные власти оказались не готовы. Обеспечение сотен тысяч человек питанием, одеждой, жильем приходилось осуществлять в условиях крайней ограниченности финансовых средств. Только в Саратове в 1916 г. проживало от 50 до 75 тыс. перемещенных лиц [15]. Самарский губернатор Н. В. Протасьев был в полном неведении о подготовке решения создать в губернском центре фильтрационный пункт для 40 тыс. турок, среди которых свирепствовали холера и тиф. Совершавший инспекционную поездку по стране принц А. П. Ольденбургский, возглавлявший санитарную службу, специально прибыл в Самару для ознакомления с ситуацией. По воспоминаниям А. Н. Наумова, являвшегося тогда уполномоченным Красного Креста на Востоке Европейской части страны, губернатор не решился сообщить высокому начальству об отсутствии помещений для размещения очередной партии турецких военнопленных. Благодаря находчивости А. Н. Наумова, случайно вспомнившего о пустевшем товарном пакгаузе для хранения фруктов из Туркестана, «верховный санитарный начальник» был удовлетворен разрешением проблемы. Но предотвратить распространение эпидемии в губернском центре не удалось [16].

Конфликтность провинциального общества проявлялась и во взаимоотношениях между рабочими и предпринимателями. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов предписывал дифференцированно подходить к разрешению конфликтов, рекомендуя принуждать владельцев предприятий «к немедленному улаживанию недоразумений», а в случае, если виновниками оказались рабочие, последних подвергать «самым суровым наказаниям» [17]. Воздействие подобных мер отразилось на динамике забастовочного движения. Впрочем, помимо сугубо охранительных мер, влиявших на сокращение численности стачек, следовало учитывать еще одно обстоятельство. Железнодорожники и рабочие оборонных предприятий получали отсрочку от мобилизации, что являлось одним из главных факторов, объяснявших ослабление активных способов выражения социального протеста [18].

Наращение социальной напряженности в поволжских губерниях стало особенно заметно в 1916 г. В этой ситуации губернаторами отдавались указания разработать планы мероприятий для предупреждения и подавления беспорядков. Составными частями их являлась схема распределения по частям городов полицейских и вызова воинских нарядов. Особо отмечалась важность координации действий с командирами воинских частей, призванных содействовать гражданским властям. На территории Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерний в феврале 1917 г. было расквартировано 49 пехотных полков.

Крупнейшие гарнизоны были сконцентрированы в губернских центрах или вблизи городской черты. В Саратове к 1917 г. численность населения колебалась в пределах 240–250 тыс. жителей, а местных гарнизонов насчитывал 60–70 тыс. солдат и офицеров [15, с. 23]. В ряде городов (например, в Кузнецке Саратовской губернии) численность местных гарнизонов превышала количество местного населения.

В этих условиях изоляция солдатской массы от воздействия антивоенных настроений едва ли была возможна. Изучение документов свидетельствует о том, что недовольство в солдатской среде нарастало прежде всего из-за усугубления ситуации на фронтах и ухудшения бытовых условий службы.

Результаты проведенного О. С. Поршневой контент-анализа 58 «опасных» солдатских писем, задержанных военно-цензурной комиссией Казанского военного округа в ноябре 1916 г., свидетельствовали о том, что в системе высказываний преобладали выражения усталости от войны и желания мира; представление о том, что война ведется ради интересов буржуазии и помещиков; выражение угрозы социального воздействия [20].

Пренебрежение к нуждам солдат отражалось в их обеспечении низкокачественными продуктами, отсутствии необходимого количества сапог. Свою роль играли и трения между армейскими офицерами и структурами политического сыска. Основные усилия армейской контрразведки были направлены на борьбу со шпионами. Между тем пренебрежительное отношение армейских чинов к «ищейкам-жандармам» не компенсировалось кропотливой разъяснительной работой с личным составом, изнывавшим от неурядиц и в тыловых гарнизонах. Проекты и предложения, нацеленные на совершенствование работы аппарата контрразведки [21], как оказалось, не были реализованы, что в немалой степени отразилось на состоянии воинской дисциплины.

Таким образом, местные власти Поволжья к февралю 1917 г. оказались в состоянии, близком к изоляции от элиты провинциального общества (деловые круги, общественные организации, структуры самоуправления) и от большинства населения. Поиск механизмов стабилизации положения оказался неэффективным. Наиболее прозорливые администраторы усматривали в политике уступок явно незначительные шаги, не способные внести «успокоение» в провинциальное общество, которое все более открыто выражало недовольство властями как в центре, так и на местах.

Список литературы

1. **Мау, В. А.** Реформы и догмы / В. А. Мау – М., 1993. – С. 20.
2. Совещание губернаторов в 1916 г. // Красный архив. – 1929. – Т. 2 (3). – С. 148.
3. Симбирянин. – 1915. – 18 февраля.
4. Саратовский листок. – 1917. – 2 февраля.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102.00.4 (делопроизводство). 1916. Д. 108.7.49. – Л. 12 об.
6. **Булдаков, В. П.** Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М., 1997. – С. 49.
7. ГАРФ. Ф. 102.4 (делопроизводство). 1917. Д. 60.4.2. Л. 1, 2 об.
8. **Зырянов, П. Н.** В ответ на революционные потрясения: административные реформы начала XX в. / П. Н. Зырянов // Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р. Н. Байгузина. – М., 2006. – С. 283, 318.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 53. ОП. 1. Д. 4606. Л. 2.
10. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / под ред. Б. В. Ананьича. – М., 2006. – С. 572.
11. **Н. Б.** Снова о волостном земстве / Н. Б. // Вестник Пензенского земства. – 1916. – № 38, 39. – С. 411–412.
12. **Н. Б.** Основные положения волостного земства / Н. Б. // Вестник Пензенского земства. – 1916. – № 34. – С. 389.
13. **Андреевский, В. К.** К вопросу о финансовой стороне волостной реформы / В. К. Андреевский // Вестник пензенского земства. – 1916. – № 40. – С. 421–423.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства 1916 г. I отдел. I полугодие. – СПб., 1916. – С. 899.
15. **Рейли, Д. Дж.** Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове / Д. Дж. Рейли. – Саратов, 1995. – С. 23.

16. **Наумов, А. Н.** Из уцелевших воспоминаний / А. Н. Наумов.– Нью-Йорк, 1955. – Кн. II. – С. 271–272.
17. ГАРФ. Ф.102.00. 1915. Д. 341. Л. 169.
18. ГАРФ. Ф. 102.00. 1915. Д. 167. Ч.55. Л. 1.
19. ГАРФ. Ф. 102.00. 1915. Д. 167. Ч. 70. Л. 4.
20. **Поршнева, О. С.** Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. – М., 2004. – С. 212.
21. **Галвазин, С. Н.** Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики / С. Н. Галвазин. – М., 2001.

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Анализируется теоретическое наследие российской либеральной мысли начала XX в. Делается вывод о необходимости активной роли государства в общественной жизни; важности содействия властным институтам в осуществлении задач по улучшению жизни общества.

Вопрос о роли государства в общественном развитии, о целях и задачах этого важнейшего политического института не раз становился предметом дискуссии в общественно-политической мысли, вызывая повышенный интерес в переломные исторические эпохи.

Россия один из таких сложных периодов переживала на рубеже XIX–XX вв., когда свое понимание данной проблемы предложили представители отечественного либерализма, обосновав положение о государстве как орудии общественного прогресса и одновременно его цели. «Государство является важным культурным фактором, играющим первенствующую, руководящую роль в историческом развитии общества», – писал, в частности, Н. М. Коркунов [1]. Такой подход логически вытекал из социально-политической ситуации в России начала прошлого века. Как справедливо отмечалось в ряде исследований последних лет по истории российского либерализма, прежде всего в работах В. В. Шелохаева и А. Н. Медушевского, к началу преобразований в России отсутствовали необходимые институты гражданского общества, а также социальные силы, способные стать базой для либеральных реформ. Кроме того, системную трансформацию страны нужно было провести в кратчайший исторический промежуток, что требовало максимальной концентрации усилий [2, 3].

Данная ситуация фактически повторилась в России столетие спустя, на новом витке истории. Поэтому обращение к размышлениям идеологов нового либерализма о роли государства в общественной жизни представляется весьма актуальным с практической точки зрения. Кроме того, анализ воззрений либералов будет способствовать более глубокому переосмыслению либеральной модели правового государства, разработанной в начале прошлого века, но не утратившей своей практической значимости и для современной России. И, наконец, теоретические изыскания либералов в области государственоведения, несомненно, интересны с академической точки зрения, поскольку являются существенным вкладом в развитие российской и мировой общественной мысли.

Однако, несмотря на научно-теоретическую и практическую актуальность, представления российских либеральных мыслителей о целях и задачах государственной деятельности не выступали в качестве самостоятельного объекта исследования в отечественной историографии. В связи с этим в настоящей статье ставится задача восполнить данный историографический пробел.

Источниковой базой исследования послужили труды российских либералов по общей теории государства и права, государственному праву, а также публицистические работы и мемуары либеральных деятелей.

Отмечая практическую значимость вопроса о цели государства, отечественные либералы были убеждены в том, что его рассмотрение должно лежать в конкретно-исторической плоскости, а не в области абстрактных размышлений об исторической миссии государства, уводящих в сторону от насущных проблем. Как указывал Ф. Ф. Кокошкин, для выявления цели государства необходим анализ мотивов, которыми руководствуются принимающие политические решения люди. Обобщение исторической фактологии позволило либералу утверждать, что в основе действий властвующей элиты лежит стремление к защите конкретных интересов: личных, групповых либо общественных.

По наблюдению Ф. Ф. Кокошкина, личные интересы властителя могли служить определяющим началом государственной деятельности лишь на начальном этапе формирования государства. В дальнейшем эгоистическим стремлениям властвующих лиц как сдерживающая и умеряющая сила противопоставляются требования, предъявляемые к власти подданными. Первоначально эти требования оформляются под эгидой религии. Так, в средневековой Европе, как указывал Ф. Ф. Кокошкин, церковное учение об ответственности власти перед Богом послужило основой для формирования представления о том, что власть для правителя есть не индивидуальное право, а обязанность по отношению к народу [4, с. 98]. Кроме того, с точки зрения либерального мыслителя, организация сколько-нибудь крупного государства представляет собой слишком обширный и сложный механизм для того, чтобы его можно было всецело обратить на служение интересам одного или нескольких лиц. Но если все же носители власти остаются чуждыми государственной идее и преследуют исключительно свои личные интересы, это чревато или полным разложением государственного механизма и, как следствие, государственным переворотом, или утратой юридически властвующими лицами реальной власти и фактическим переходом ее в другие руки [4, с. 98].

Более серьезное влияние, чем интересы отдельных лиц, по мнению Ф. Ф. Кокошкина, оказывают на государственную деятельность интересы преобладающего класса, но и они не могут всецело предопределить ее направление, поскольку неизбежно сталкиваются с чаяниями других социальных групп, со стремлением непосредственных носителей власти к независимости, а также с силой общественного мнения. Ф. Ф. Кокошкин резюмировал: «Направление государственной деятельности представляет собой известного рода компромисс между различными индивидуальными и групповыми стремлениями. Но компромисс между противоположными целями возможен лишь при условии признания участвующими в компромиссе сторонами высшей, объединяющей цели. Такой высшей, общепризнанной целью является общественный интерес» [4, с. 98]. Осознание этого властвующей элитой и массами, по мнению Ф. Ф. Кокошкина, может происходить под давлением практической необходимости – в силу обострения социальных антагонизмов либо в результате способности людей отрешиться от индивидуального и классового эгоизма, но так или иначе именно защита общественного интереса должна быть признана регулятивной идеей политической деятельности, а значит, и целью государства. Аналогичного взгляда придерживался Б. А. Кистяковский. «Общее благо – вот формула, в которой кратко выражаются задачи и цели государства», – писал он [5, с. 554].

Излагая свое понимание общественного интереса, либеральные мыслители отмечали, что он не может рассматриваться просто как сумма индивидуальных интересов членов общества, ибо в условиях социальной дифференциации неизбежно существование различных, зачастую диаметрально противоположных стремлений у представителей многочисленных общественных групп. Кристаллизация общественного интереса происходит в процессе взаимодействия всей совокупности личных и групповых интересов. По мнению Ф. Ф. Кокошкина, из всех попыток дать общую теоретическую формулу общественного интереса наиболее удачной следовало признать определение И. Бентама, согласно которому общественный интерес есть наибольшая сумма блага для наибольшего количества лиц.

Говоря о защите общественного интереса как об основополагающей цели государства, либералы особо подчеркивали недопустимость поправа на этом фоне интересов отдельных личностей. По глубокому убеждению идеологов нового либерализма, стремление к общественному благу должно гармонично сочетаться с охраной и действенной гарантией прав каждого гражданина. Более того, лозунг защиты общественного интереса, как, в частности, указывал В. А. Маклаков, ни в коем случае не может служить поводом для принуждения человека к забвению собственных интересов, к жертве собой ради других, иначе как по собственной воле человека. В противном случае, согласно пророческому предостережению либерального мыслителя, создается тоталитарное государство, которое под предлогом общего блага превращает людей в рабов меньшинства [6].

Не менее серьезную опасность для прав и свобод граждан, по мнению либеральных мыслителей, представлял присущий государству как некоей над-индивидуальной сущности «инстинкт политического самосохранения», проявлявшийся в стремлении к защите государственной организации от посягательств извне и изнутри [4, с. 101]. Как отмечал Ф. Ф. Кокошкин, в первом случае это предполагало защиту государством своего суверенитета, экономического потенциала, территории от внешних угроз, а во втором – охрану государственного организма от внутренних врагов. Иную интерпретацию инстинкта государственного самосохранения предложил П. Б. Струве, настаивавший на том, что государству свойственно стремление не столько к самозащите, сколько к наращиванию своего могущества, усилению своей власти внутри страны и за ее пределами. «Переставая исполнять это самое важное... назначение, власть начинает колебаться и затем падает», – писал он [7, с. 65]. Отсюда заинтересованность каждой отдельной личности в укреплении государственной мощи как гарантии сохранения государства, выступающего в истории, с точки зрения П. Б. Струве, в качестве квинтэссенции, энергетического стержня национальной культуры. Таким образом, государственное могущество являлось, согласно позиции либерального мыслителя, основой гармонизации отношений личности и государства, недаром он призывал признать государственное могущество общественной ценностью [7, с. 65].

Конкретизируя основные направления государственной деятельности, либеральные мыслители прежде всего выделяли охрану правопорядка, допуская применение принуждения по отношению к гражданам (подданным), которые теми или иными действиями создают угрозу для нормального функционирования общественной системы либо для нормальной жизнедеятельности других граждан.

Либералы утверждали, что государственное насилие носит «временный и преходящий характер», соответствует определенной стадии развития человеческого общежития [5, с. 555]. Одной из доминант общественного прогресса они считали постепенное сокращение принудительной функции государства по отношению к личности за счет усиления воспитательной и образовательной функций. Как отмечал Б. А. Кистяковский, такое понимание государства базировалось на вере в творческую созидательную силу личности, которая «не может мириться с тем, чтобы государство, долженствующее осуществлять солидарные интересы людей, занималось истреблением и уничтожением их» [5, с. 555]. Таким образом, политическим идеалом отечественных либералов выступал правовой порядок, при котором использование государством репрессивных функций сведено до минимума, определяемого правилами общественной солидарности.

Если в отношении отдельных граждан государство, по мнению либеральных мыслителей, являлось «исключительно охраняющей силой», то в плане отстаивания общегосударственных интересов оно было призвано играть активную роль [1, с. 272].

Во внешнеполитической области последняя виделась либералам в стремлении государства занять достойное место в системе международных отношений, причем П. Б. Струве утверждал, что это неизбежно предполагало внешнюю экспансию. «Всякое живое государство всегда было и будет проникнуто империализмом», – писал он [7, с. 66]. Другого мнения придерживался Ф. Ф. Кокошкин, считавший, что в мировом сообществе все более широкое признание находит идея о принципиальной несовместимости аннексий с цивилизованными нормами международного права [4, с. 101]. Но так или иначе либералов объединяло осознание обусловленности внешнеполитического авторитета государства внутренним развитием государственного организма, прежде всего уровнем национальной экономики.

Постулируя содействие государства экономическому росту как важнейшее направление государственной деятельности, идеологи нового либерализма предостерегали власть от соблазна строить свою политику, исходя из сиюминутных экономических проблем, не учитывая долгосрочную перспективу. Н. М. Коркунов писал, что государство «не может допустить хищнических способов хозяйства, приводящих в близком будущем к полному истощению естественных богатств страны, оно не может... не позаботиться о развитии в стране не одной добывающей, но и обрабатывающей промышленности» [1, с. 271]. С большим трудом эта мысль утверждается в сознании российской властвующей элиты и спустя столетие.

Высокий экономический потенциал рассматривался либералами не только как залог внешнеполитического могущества государства, но и как основа благосостояния граждан. Однако идеологи нового либерализма отмечали, что развитие свободного рынка неизбежно ведет к усилению имущественной поляризации общества. В имущественном неравенстве они видели одно из препятствий общественного прогресса, ибо, как указывал П. И. Новгородцев, для малоимущих слоев населения главный критерий прогресса – свобода личности – может остаться недосягаемым благом, закрепленным юридически, но фактически отнятым. Поэтому, по мнению либеральных мыслителей, государство должно взять на себя обеспечение материальных гарантий формально признанных прав. Предлагалось разработать комплекс

мер по сглаживанию имущественной поляризации, к числу которых относились создание рабочего законодательства, организация профсоюзов, отстаивающих права трудящихся, и т.п. П. И. Новгородцев обосновал понятие «право на достойное человеческое существование», которое, обладая нравственной природой, должно обрести четкие юридические очертания [8].

Таким образом, либералы настаивали на усилении социальной направленности деятельности государства, фактически обосновывая в качестве экономического идеала социальное рыночное хозяйство, что было существенным отличием нового либерализма от классического. Справедливость размышлений идеологов нового либерализма многократно подтверждалась в разные исторические эпохи, прежде всего в новейший период российской истории.

Как указывали либералы, сглаживая имущественное неравенство, государство выполняло роль регулятора социальных отношений, т.е. «отношений влияния и зависимости как между отдельными лицами, так и между общественными группами» [9]. «Чем совершеннее государственная организация, тем слабее зависимость одних групп от других», – писал В. В. Ивановский, отстаивая в качестве одного из показателей общественного прогресса установление гражданского равенства [9]. Для либеральных политиков гражданское равенство играло роль фундамента, на котором базировалась вся система прав личности. Особую актуальность его осуществление имело для российского общества, социальная структура которого на рубеже XIX–XX вв. сохраняла немало пережитков феодального периода. Это обусловило закрепление требования гражданского равенства в программатике российского либерализма.

Многоплановому анализу либеральные мыслители подвергли деятельность государства в сфере культуры. Отмечая широкие возможности государства в плане содействия развитию образования, науки, искусства, П. Б. Струве писал: «...многие драгоценнейшие плоды культуры... возросли именно на стволе государственности» [7, с. 77]. Вместе с тем, либералы ясно осознавали, что это содействие должно носить косвенный характер и заключаться в создании благоприятных «внешних, материальных условий», а «развить культуру силой власти» государство не в состоянии [4, с. 107; 10, с. 29]. Правда, как указывал Н. М. Коркунов, государства иногда задавались этой неосуществимой целью, но последствия всегда получались не те, каких ждали. «Принуждение в области веры приводило или к изуверству, или к омертвлению чувства веры, а в области знания – к полному упадку научного мышления», – констатировал он [1, с. 272]. А Г. Ф. Шершеневич отмечал, что никакая власть не в силах «навязать обществу как нравственное то, что общество таковым не признает. Закон может установить свободу, равенство, но братство никогда» [10, с. 28]. Вместе с тем, по мнению либералов, государство способно содействовать нравственному воспитанию масс. Так, строгое соблюдение законов самими властью предержащими, по убеждению Г. Ф. Шершеневича, весьма действенным образом сказывается на укоренении чувства законности у граждан [10, с. 29]. А Д. Н. Шипов утверждал, что все шаги государственной власти должны соотноситься с принципами христианской этики, что, в свою очередь, будет способствовать внедрению христианских добродетелей в сознание людей. Постулируя в качестве нравственного императива своей деятельности идею долга по отношению к гражданам, государство, с точки зрения либерального мыслителя, создает нравственный заслон

стремлению людей к отстаиванию личных и групповых интересов в противовес общественным и тем самым выступает мощным фактором единения людей [11]. И хотя поставленная Д. Н. Шиповым государству высокая нравственная планка вряд ли может служить ориентиром в практической политике, поднятый либералом вопрос о соотношении политики и нравственности оказывается крайне актуальным и для современности.

Важнейшее значение для осмысления роли государства в общественном развитии, с точки зрения либералов, имела проблема пределов государственного вмешательства в дела общества. Кроме того, ее разрешением фактически предопределялась модель государства, которая будет предложена обществу либеральными силами в качестве ближайшей политической цели и реализация которой станет основой их практической деятельности. Анализ позиций либералов позволяет утверждать, что критерием соотносимой с принципами либерализма степени государственного вмешательства в различные сферы общественной жизни мыслители признавали возможность свободного развития творческого потенциала личности. Выражая эту идею, М. М. Ковалевский писал: «Преследуя лишь определенные задачи, государственная власть не поглощает индивида, а открывает довольно широкий простор для его самодеятельности» [12].

В исторической перспективе либеральные политики усматривали борьбу двух противоречивых тенденций, первая из которых состояла в сокращении вмешательства государства в дела общества в результате процесса демократизации и формирования гражданского общества, а вторая, напротив, выражалась в расширении сферы государственного властвования ввиду усложнения государственной жизни [13].

Однако последнее не вызывало у либералов опасения в плане соблюдения прав и свобод личности, поскольку демократизация политической жизни, с их точки зрения, создавала условия для ведения обществом действенного диалога с властью. Как отмечал Н. М. Коркунов, «и при широком развитии государственной деятельности индивидуальная инициатива не будет подавлена, если все население одинаково будет призвано к участию в политической жизни, если каждому будет открыта возможность добиваться того, чтобы его идеи получали определяющее значение для государственной деятельности, если состав государственных учреждений не будет иметь кастовой замкнутости, если они будут доступны притоку всех живых сил общества, всех выдающихся личностей» [1, с. 273]. Более того, Коркунов отмечал, что в условиях демократии «каждое расширение государственной деятельности будет расширять... и поприще деятельности составляющим его личностям» [1, с. 273]

Наряду с демократизацией, важнейшей тенденцией общественного прогресса и одновременно препятствием для государственного произвола либералы считали утверждение в государственной деятельности правовых начал, что в итоге вело к формированию правового государства.

Однако, обосновывая правовой характер деятельности государства, представители российского либерализма исходили из разных посылок. Так, Ф. Ф. Кокошкин настаивал на первичности права по отношению к государству, обуславливая этим подчиненность второго первому. «...Право независимо от государства и ему предшествует, – писал он, – ...государственная власть основывается на праве и ограничивается правом... она есть власть

правовая, а не сверхправовая» [4, с. 203]. Г. Ф. Шершеневич и В. М. Гессен, отстаивавшие идею вторичности права по отношению к государству, объясняли правовой характер деятельности последнего иначе. В. М. Гессен был сторонником теории государственного самоограничения, сформулированной Г. Еллинеком и базировавшейся на положении о правовой связанности государства им же самим созданным правом, которое обязательно для государства так же, как и для граждан [14]. Для Г. Ф. Шершеневича идея самоограничения государства была неприемлема как наивная и неверная по существу. «Кто сам себе ставит границы, тот всегда может их переставить», – замечал он [10, с. 33]. Кроме того, положение о самоограничении государства Г. Ф. Шершеневич считал политически вредным, ибо, будучи образчиком политической романтики, оно отвлекает граждан от активной деятельности, тогда как общественное мнение и есть та сила, которая, наряду с политической целесообразностью, побуждает государство действовать в правовых рамках.

Мысль о подчиненности государства праву, сколь бы вариативно ни было ее теоретическое обоснование, легла в основу либеральной концепции правового государства, занявшей доминантное положение в программатике российского либерализма и обусловившей тактику либеральных партий.

В целом же анализ представлений отечественных либеральных мыслителей о роли государства в общественном развитии позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, постулируя в качестве цели государственной деятельности защиту общественного интереса, российские либералы отстаивали идею о недопустимости отрицания во имя целого интересов отдельной личности. Они были убеждены в возможности гармонизации общегосударственных потребностей и интересов граждан, видя в государственной организации не только гаранта индивидуальных прав и свобод, но и силу, создающую условия для реализации творческого потенциала личности.

Во-вторых, в условиях формирования в современной России правового государства особую значимость имеет положение о правовом характере государственной деятельности, о необходимости строгого соблюдения правовых норм властями всех уровней, что является одной из основополагающих идей либерализма.

В-третьих, крайне актуально обоснованное идеологами нового либерализма положение об активной социальной роли государства, в связи с чем явно прослеживается перенос акцента с репрессивной функции государства на его созидательную деятельность. Для либералов государство выступает не столько как сила принуждения, сколько как аппарат управления, гармонизации социальных отношений.

В-четвертых, весьма показательно стремление отечественных мыслителей рассматривать государствоведческие проблемы через призму нравственности. В интерпретации либералов государство предстает как мощный фактор нравственного роста не только отдельных личностей, но и общества в целом, ведь уже само осознание личностью своей принадлежности к государственному союзу, как отмечал П. Б. Струве, позволяет ей возвыситься над эгоистическими сиюминутными потребностями, жить в духовном единении с себе подобными, а не в «физическом столплении» и «физической давке» [7, с. 406]. Помимо того, либералы постоянно акцентируют внимание на нравственном аспекте политики.

В итоге в российской либеральной мысли начала XX в. государство предстает как необходимое условие общественной жизни, которое, однако, не может быть самодовлеющей целью, а призвано содействовать осуществлению высшей цели всечеловеческого бытия, постоянно ставя перед собой задачу улучшения общественной жизни ради всех своих членов [11].

Список литературы

1. **Коркунов, Н. М.** Русское государственное право / Н. М. Коркунов // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 4. Политическая мысль в России: вторая половина XIX–XX вв. – М., 1997. – С. 266.
2. **Шелохаев, В. В.** Либеральная модель переустройства России / В. В. Шелохаев. – М., 1996. – С. 11–12.
3. **Медушевский, А. Н.** Социология права / А. Н. Медушевский. – М., 2006. – С. 77.
4. **Кокочкин, Ф. Ф.** Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокочкин. – М., 1912.
5. **Кистяковский, Б. А.** Социальные науки и право / Б. А. Кистяковский. – М., 1916. – С. 554.
6. **Маклаков, В. А.** Из воспоминаний / В. А. Маклаков. – Нью-Йорк, 1954. – С. 390.
7. **Струве, П. Б.** Patriotica: политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. – М., 1997.
8. **Новгородцев, П. И.** Право на достойное человеческое существование / П. И. Новгородцев // О праве на существование. Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. – СПб.; М., 1911. – С. 3–7.
9. **Ивановский, В. В.** Вопросы государственоведения, социологии и политики / В. В. Ивановский. – Казань, 1899. – С. 47.
10. **Шершеневич, Г. Ф.** Общее учение о праве и государстве / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1908.
11. **Шипов, Д. Н.** Воспоминания и думы о пережитом / Д. Н. Шипов. – М., 1918. – С. 142.
12. **Ковалевский, М. М.** Общее учение о государстве. Лекции, читанные в 1908–1909 гг. / М. М. Ковалевский. – СПб., 1909. – С. 101.
13. **Струве, П. Б.** В чем же истинный национализм? / П. Б. Струве // На разные темы (1893–1901): сборник статей. – СПб., 1902. – С. 550.
14. **Гессен, В. М.** Общее учение о государстве. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском политехническом институте / В. М. Гессен. – СПб., 1912. – С. 57.

«ДЕЛО ОБОЛЕНСКОГО» (БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕРРОРИСТЫ)

В статье рассматривается одно из самых громких покушений начала XX в., исследуется состояние Боевой организации эсеров в первый год ее существования, проводится анализ поведения террористов, мотивации и апологии террора, его роли в Смуте конца XIX – начала XX вв.

Индивидуальный политический террор был индикатором Смуты в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Стимулируемый Смутой, он, в свою очередь, усиливал ее. Покушения и убийства совершали все революционные партии от анархистов до социал-демократов включительно. Доминировал террор партии эсеров. Он выделялся систематичностью и организованностью. Особое внимание эсеры уделяли мотивации террора. Совокупный тираж апологетической эсеровской литературы во славу «героев», «отдавших жизнь за народ», «во имя светлого будущего», исчислялся многими миллионами. Типичный образчик – «Воспоминания террориста» Б. В. Савинкова, переизданные за последние полтора–два десятилетия бесчисленное количество раз.

Начало эсеровскому террору положило убийство 2 апреля 1902 г. С. В. Балмашевым министра внутренних дел Д. С. Сипягина. На следующий день в Петербурге появилась изданная на циклографе прокламация «Боевой организации социалистов-революционеров». Идентичные прокламации были изданы в других городах. Позднее в пензенской типографии была отпечатана прокламация за подписью «Боевая организация партии социалистов-революционеров. 3 апреля 1902 г.» Боевую организацию (БО) создали Г. А. Гершуни, П. П. Крафт и М. М. Мельников. Они же на свой страх и риск инициировали покушение на Д. С. Сипягина. Никто из лидеров партии за границей не имел представления о реальной картине происшедшего [1, 2, с. 82, 83]. Балмашев во время следствия и суда ни словом не обмолвился о принадлежности к партии эсеров и ее Боевой организации.

М. Р. Гоца, В. М. Чернова, Л. Э. Шишко, а также других лидеров партии эсеров ввел в курс дела Г. А. Гершуни, появившийся за границей в начале мая 1902 г. Они санкционировали как Боевую организацию, так и покушение С. В. Балмашева. Свидетельств, что это сделал *in corpore* Саратовский ЦК, нет¹. Устав БО, составленный позднее, был, по выражению Б. В. Савинкова, «бумажкой».

Безоговорочным лидером БО являлся Г. А. Гершуни. П. П. Крафта и М. М. Мельникова он называл своими помощниками. Е. К. Брешко-Брешковская числилась «кассиром БО» [4]². Г. А. Гершуни, «диктатор» БО, дер-

¹ Скрупулезное расследование не выявило «прямых указаний на инициативу или подстрекательство членов Саратовской организации эсеров в покушении на Д. С. Сипягина» [3, с. 14]. Не выявила подобных фактов и судебно-следственная комиссия по делу Азефа. М. Р. Гоц по инициативе Г. А. Гершуни с мая 1902 г. стал заграничным представителем БО.

² Качура на допросе говорил: «В феврале 1902 г. Вейценфельд сообщил мне, что... «бабушка» была чем-то вроде кассирши «Боевой Организации», выдававшей деньги для поездок лиц, желавших примкнуть к этому кружку» [5, л. 95–96]. Летом этого же года Гершуни спрашивал Ф. К. Качуру, знаком ли он с «бабушкой» [5, л. 99].

жал все нити в своих руках, поверяя других в свои замыслы настолько, насколько находил нужным. «Исполнителями» считались С. В. Балмашев, Т. С. Бартошкин, Е. Е. Григорьев, Ю. Ф. Юрковская. Других «исполнителей» в первую половину 1902 г. не было¹. Сестры Д., Р. и Х. Рабинович регулярно привлекались Гершуни для сбора информации, издания прокламаций и т.д. Их квартира в Киеве была своеобразным пунктом, из которого Гершуни отправлялся в поездки и куда регулярно возвращался. Содействовали Боевой организации и обладали некоторой информацией о ней Е. И. Калиновская, в замужестве Блинова (Киев), Н. И. Блинов (Ефимов), С. Г. Клитчоглу (Саратов) [2, с. 88; 8, л. 22; 9].

Весна–лето 1902 г. знаменовались волнениями крестьян в Полтавской и в Харьковской губерниях. По мнению эсеров, которых захлестывали эмоции, события весны–лета 1902 г. подтвердили представления их предшественников об имманентной революционности и социалистической природе русского крестьянства, способного уже сейчас «бороться за свои права». Ввод войск, массовые аресты и порки и т.п. они квалифицировали как «кровавые злодеяния», за которые нужно отомстить.

В июне 1902 г. Гершуни вернулся в Россию и обосновался в Киеве, периодически разъезжал по России, минуя Петербург. В конце этого месяца ему представили кандидата на роль «исполнителя». Это был Ф. К. Качура – добродушный и улыбчивый, физически сильный человек. Родился он в семье чернорабочего, окончил сельскую школу. Юношей в поисках истины побывал на Новом Афоне, думал уйти в монастырь; летом 1897 г. два месяца провёл в Женеве; затем работал грузчиком в Новороссийске, а с 1900 г. – столяром в Екатеринославе. С 1897 и до конца 1901 гг. входил в социал-демократические кружки [5, л. 89, 94, 95; 10, л. 74; 11]. Свое мироощущение Качура, «яркий тип так называемого сознательного рабочего», запечатлел в наивных по содержанию рукописях «Мыслящее животное и человек», «Впечатление в поездке по России», «Мысль на Владимирской горе». Его брат, встретив его в ноябре 1901 г., поразился перемене: вместо прежней одежды простого рабочего Фома носил накрахмаленную сорочку, хороший пиджак и пальто. Ф. К. Качура сказал брату, что участвует в тайном кружке. На более подробные расспросы он со слезами на глазах отвечал: «Я не могу с тобой говорить» [5, л. 48–50; 12, л. 31, 56].

В апреле 1901 г. Ф. К. Качура познакомился с А. И. Вейценфельдом – лидером екатеринославской организации Рабочей партии политического освобождения России (РППОР), членом которой стал в конце года. Они часто встречались. Вейценфельд снабжал Качуру литературой, восторженно рассказывал о партии эсеров, терроре, Боевой организации. Говорил, что центр ее находится за границей, а отделения в Киеве и Петербурге и что, хотя сам он в ее состав не входит, может содействовать вступлению в нее. Возбужденный агитацией Вейценфельда, Качура решил стать террористом и присоединиться к БО. Вейценфельд дал ему адрес киевского знако-

¹ По версии Г. А. Гершуни накануне покушения на Д. С. Сипягина у него, наряду с Балмашевым, был на примете и второй «исполнитель», который случайно не прибыл вовремя [6, с. 68]. Е. К. Брешко-Брешковская, вроде бы, так комментировала этот рассказ: «Должно быть, просто-напросто решимость ему изменила». Впоследствии неизвестный помешался [7, л. 10–11].

мого Е. К. Брешко-Брешковской студента-медика Попова, который, по его словам, был членом киевской группы Боевой организации, и вручил 15 руб. на поездку¹ [13, л. 74].

В Киеве, куда Качура приехал в 25 февраля 1902 г., он по указанному Вейценфельдом адресу (ул. Большая Подвальная, д. 42, кв. 6.) ни Петрова, ни других боевиков не обнаружил, после чего обратился к организациям эсеров, РППОР и социал-демократов. За участие в демонстрации 21 апреля 1902 г. Качуру арестовали. Через месяц, 22 мая, освободили под гласный надзор полиции². В конце июня к Качуре неожиданно-негаданно явился Вейценфельд с известием, что, пока он находился в тюрьме, его разыскивали. Он сказал, что есть возможность либо в Киеве, либо в Харькове встретиться с представителем Боевой организации, и выдал 5 руб.

По цепочке Ф. К. Качуру доставили к Г. А. Гершуни, который приветствовал его решение вступить в БО и предложил устроить конспиративную квартиру для встреч с членами БО. На эти цели он дал Качуре 50 руб. В следующий раз они встретились в лесу. Гершуни «в сильных выражениях описывал жестокости» харьковского губернатора И. М. Оболенского при подавлении волнений крестьян. Также сказал, что накануне вечером он получил из Петербурга известие о постановлении Боевой организации убить Оболенского. Доверительно сообщил, что БО «поручила предложить исполнение этого приговора» Качуре. Фома Корнеевич колебался, но Гершуни был настойчив и добился согласия. «На память Боевой организации» он взял фотографию Качуры и, вручив 50 руб., велел отправиться в Харьков, где его должен был встретить представитель «разведочного бюро», отслеживающего Оболенского. Из Харькова Качуре следовало отправиться в Петербург, чтобы получить приговор Боевой организации. Со дня знакомства Гершуни не спускал с Качуры глаз [3, с. 10–11; 5, л. 97; 8].

Из Киева Качура выехал 23 июля³. На площади Харьковского вокзала утром 24 июля, к своему удивлению, он встретил Гершуни, который с порога объявил, что надобность ехать в Петербург отпала, поскольку оттуда «прислан член организации», Оболенского «выслеживают», «разведочное бюро» сделало все нужное», осталось лишь купить оружие и платье. Гершуни вручил Качуре 30 руб. и направил в магазин «Спорт» для покупки браунинга и 50 патронов. В магазине Качура по совету Гершуни заказал несколько охот-

---

¹ Позднее один из его бывших товарищей запальчиво доказывал, что Ф. К. Качура и до встречи с Г. А. Гершуни считал задачей «сознательных рабочих» поиски «решительных людей» – террористов, готовых «защищать массу» и убивать тех, «кто держит корону», включая царя, а когда услышал о приезде К. П. Победоносцева в Полтаву, то бросился искать деньги на покупку револьвера и поездку в Полтаву. Затем переживал: «Случай упущен» [11, 14]. В обстоятельных чистосердечных показаниях Ф. К. Качура указывал, что его террористические убеждения сформировались под влиянием А. И. Вейценфельда [5, л. 94–99]. Об этом же он говорил во время процесса Боевой организации [3, с. 10; 15, с. 9].

² Сам Качура говорил, что его арестовали 20 апреля. В «Обзоре важнейших дознаний за 1902 г.» написано: «Ф. К. Качура был арестован за участие в демонстрации 21 апреля 1902 г.».

³ Этим числом датировал свой выезд Ф. К. Качура. В «Заключении о преступном сообществе, присвоившем себе наименование Боевой организации партии социалистов революционеров» значит, что он «выбыл из Киева 19 июля, 22 июля его видели в Харькове» [5, л. 89].

ничьих ружей и револьверов. Завороженный крупным заказом, продавец выдал револьвер и патроны, не потребовав удостоверения личности. Гершуни, дождавшись на улице, забрал у Качуры браунинг и патроны.

Они виделись ежедневно. Во время встречи близь станции Дергачи 26 июля 1902 г. Гершуни известил Качуру, что приговор БО будет готов 28 июля. Он уговаривал его написать письмо о причинах, подвигнувших его к покушению на Оболенского. Качура находил это излишним, Гершуни настаивал: «Народ и рабочие должны знать». Как только Качура согласился, Гершуни тотчас же достал из кармана бумагу, чернильницу, ручку и стал диктовать «Письмо к рабочим и крестьянам», увещевая «писать по возможности четко», чтобы рукопись можно было размножить [3, с. 11; 5, л. 98].

Повествуя о разветвленной, могущественной, таинственной организации с «разведочными бюро» и другими подразделениями, с всезнающим неуловимым центром за границей и в Петербурге, А. И. Вейценфельд и Г. А. Гершуни вводили в обман, умышленно подстрекали простодушного рабочего. Вейценфельд, плохо говоривший по-русски и непосвященный во все тайны, возможно, отчасти верил в эмигрантские и петербургские центры могущественной Боевой организации. Гершуни доподлинно было известно: никакая БО в Петербурге ничего не постановляла, ничего Гершуни не поручала, никакого «члена» в Харьков не посылала и т.д. и т.п. В том же ряду мистификаций в духе «цель оправдывает средства» стояло письмо И. М. Оболенскому некоей дамы, знакомой Гершуни, с признанием в любви и приглашением на свидание в антракте спектакля в театре в саду Тиволи. Это анонимное письмо 27 июля около 7 часов вечера передала для вручения князю неизвестная, подъехавшая на извозчике к его дому¹ [7, л. 29].

28 июля Гершуни сообщил Качуре о приезде И. М. Оболенского и вручил ему «Приговор харьковскому губернатору князю Оболенскому» с пометой: «Боевая организация партии социалистов-революционеров. С.-Петербург. 22 июля 1902 г. № 2», а также браунинг, на котором было начертано: «За пролитую крестьянскую кровь. Боевая организация. Смерть царскому палачу». Браунинг был заряжен пулями, которые Гершуни, как и при покушении С. В. Балмашева, крестообразно распилил, надрез заполнил стрихнином, а сверху покрыл восковой пленкой. Он советовал попасть первой пулей, т.к. «она содержала больше яда». Испытания оружия привели Гершуни в восторг: пуля пробивала шестивершковую толщину дерева. В конце встречи он изъясил у Качуры все, по его мнению, лишнее: небольшой альбом, квитанцию на хранящуюся на вокзале корзину, автобиографию и даже гребенку [5, л. 98, 99; 12, л. 30; 16, с. 104; 17, л. 82].

Вечером 28 июля в саду Тиволи Качура встретил Оболенского, но стрелять не решился. Утром следующего дня Гершуни направил Качуру совершить покушение на Оболенского или на вокзале станции Веселая Лопань,

¹ Вот небольшой отрывок этого послания: «Что Вы со мной сделали, князь! Я сгораю со стыда, но не могу с собой совладать. Какою дьявольскою силой Вы приворожили меня и какой фатум преследует меня!.. Я решила сегодня инкогнито зайти в закрытый театр сада Тиволи. Во время первого или второго акта я пройду мимо Вашей ложи с белой розой в руке и сяду во втором ряду; я буду одета в черном, с черным же зонтиком. Меня здесь никто не знает» [5, л. 11, 12, 42; 10, л. 6; 12, л. 6; 16, с. 102, 106, 107]. По данным полицейского наблюдения, во время спектакля 29 июля Качура, «неизвестный господин» и дама гуляли в саду Тиволи.

или на даче князя около станции. Качура «по недостатку решимости» станцию миновал, доехал до Белгорода и вернулся в Харьков. На обратном пути Качура ехал в одном поезде с Оболенским и имел возможность стрелять в него на перроне вокзала, «но и тогда не хватило на это духу». Вечером 29 июля в саду Тиволи он «столкнулся» с Гершуни, который за ним следил. Усевшись рядом с Качурой на скамейку, Гершуни сообщил: князь находится в летнем театре сада, настало самое удобное время для покушения. «Теперь или никогда!» – говорил он. Взволнованный Качура хотел закурить, но Гершуни вырвал у него портсигар и папиросу. В этот момент И. М. Оболенский вышел из театра и направился в их сторону. Было около 10 часов вечера.

Князя сопровождали председатель губернской земской управы Гордеенко с супругой и член губернской земской управы А. А. Альховский. Качура приблизился к губернатору на расстояние двух шагов и выстрелил. Пуля лишь слегка контузила шею князя. «Заметив, что я промахнулся, я в состоянии какого-то столбняка стал думать, стрелять ли второй раз, но в это время меня схватили сзади за плечи», – описывал год спустя ситуацию террорист.

Согласно документам официального делопроизводства и судебно-следственным материалам, когда раздался первый выстрел, О. А. Гордеенко «быстро и крепко» схватила за руки Качуру, он выстрелил еще раз – пуля пролетела мимо¹. Подоспевшие пристав Сивиллов, околоточный надзиратель Шпигов и кандидат на полицейскую должность Клименко схватили стрелявшего и повалили на землю; пистолет, который у него пытались вырвать, он не выпускал. Раздалось еще три выстрела, одним из которых был ранен в ногу полицмейстер Бессонов.

При обыске в боковом кармане пиджака Качуры обнаружили пакет, подписанный: «Приговор Харьковскому губернатору князю Оболенскому». На допросе 30 июля 1902 г. террорист заявил, что он состоит в Боевой организации партии социалистов-революционеров, по постановлению которой покушался на жизнь князя Оболенского, и отказывается участвовать в допросах, следствии и суде. При этом подчеркнул, что ранил полицмейстера не умышленно, а в результате несчастного случая.

«Дело о преступном сообществе, присвоившем себе наименование «Боевая организация партии социалистов-революционеров» и о члене этого сообщества крестьянине с. Лузановки Черкасского уезда Киевской губернии Фоме Корнеевиче Качуре 26 лет, покушавшемся на жизнь харьковского губернатора Оболенского» рассмотрел на заседании 25 октября 1902 г. в г. Харькове Киевский военно-окружной суд. Заседание продолжалось с 11 часов утра до 3 часов пополудни. Качура отказался от защитника и сам лично не пожелал ничего сказать в свое оправдание. Подсудимый вел себя,

---

¹ Существуют две версии действий О. А. Гордеенко. По свидетельству И. М. Оболенского и О. А. Гордеенко, как только раздался первый выстрел, супруга председателя губернской земской управы, схватила Ф. К. Качуру за руку и не выпускала ее до тех пор, пока покушавшегося не свалили на землю. Остальные очевидцы происшествия не заметили «участия госпожи Гордеенко в предотвращении угрожавшей князю Оболенскому опасности». В «Обвинительном акте по делу о «Боевой организации партии социалистов-революционеров» и члене этого сообщества крестьянине с. Лузановки Черкасского уезда Киевской губернии Фоме Корнеевиче Качуре» отражена первая версия, в рапорте прокурора Харьковской судебной палаты – вторая [5, л. 10, 11, 42, 76, 77, 88, 89; 12, л. 6, 7; 16, с. 102–105].

по наблюдениям прокурора, «спокойно и прилично». Он заявил, что, будучи членом Боевой организации партии эсеров, по ее постановлению покушался на жизнь князя Оболенского, вооруженного сопротивления чинам полиции не оказывал, а ротмистра Бессонова ранил случайно. Свидетельские показания комментировал кратко: либо отрицал их, либо ограничивался фразой: «Пусть будет так, все равно». Качуре был вынесен следующий приговор: «Смертная казнь через повешение». Выслушав его, он, обращаясь к судьям, с улыбкой произнес: «Благодарю». Кассационную жалобу и прошение о помиловании он подавать отказался [17, л. 71–73].

Прощение на имя императора подал князь И. М. Оболенский: «На меня, как на должностное лицо – Харьковского губернатора, было произведено покушение. Человек, решившийся на такое дело и исполнивший все от него зависевшее, чтобы достигнуть цели, должен в интересах государства и правосудия претерпеть наказание. И какова бы ни была тяжесть этого наказания, я вступиться за его участь, конечно, не смею. Но кроме обычных наказаний, могущих ожидать покусившегося на мою жизнь, к нему может быть применена и смертная казнь. Ввиду этой возможности все мое семейство: мать моя, жена и две дочери – дерзают молить Ваше императорское величество оказать человеку этому милосердие, даровав ему жизнь, если суд приговорит его к смерти. Мы глубоко веруем, государь, чтобы эта явленная нам милость Божия рукой Вашего величества коснулась и самого виновника. Горько было бы сознавать семье моей, что их сын, отец и муж явится причиной смерти другого. Вашего императорского величества верноподданный князь Иван Оболенский». Николай II «в уважение всеподданнейшего ходатайства князя Оболенского» 7 ноября 1902 г. повелел заменить смертную казнь Ф. К. Качуре ссылкой на каторжные работы без срока [13, л. 55; 17, л. 78].

Партия эсеров озаботилась агитационным обеспечением событий 29 июля 1902 г. Суммарный тираж прокламаций, брошюр, газетных и журнальных публикаций с учетом переизданий, в том числе и местными организациями, составлял десятки и десятки тысяч экземпляров. Разнообразные по жанру публикации (заявления БО, воспоминания, письма, портретные зарисовки) были обращены к различным слоям населения. Наиболее распространяемые из них: «Приговор харьковскому губернатору И. М. Оболенскому», «Почему стреляли в харьковского губернатора», «Покушения на князя Оболенского», «Письма рабочего-героя к товарищам и крестьянам», «Жизнь рабочего-революционера Ф. К. Качуры, описанная им самим» – были либо написаны, либо продиктованы Г. А. Гершуни. Подчеркивалось, что покушение по инициативе БО партии эсеров совершил член партии [11, 18].

Эсеры представили Боевую организацию защитницей надежд и чаяний народа, «принявшей на себя охрану интересов борющейся трудящейся массы», мстительницей «за сотни опозоренных и измученных людей», по «всенародному приговору» «вынужденной выполнить лежащий на ней гражданский долг и сместить кн. Оболенского». Власть они изображали как средоточие абсолютного зла. Николай II в их представлении – «царь-недоумок», «изувер», вместе с министрами, губернаторами и войском стоящий «за фабрикантов». Министр внутренних дел В. К. Плеве – «еще худший палач», нежели Д. С. Сипягин, «главный исполнитель жестоких царских приказов», «страшный притеснитель народа», смотрящий «на народ как крепостную скотину», совершивший «столько зла, столько насилий... над людьми и их

совестью, что и перечислить их нет возможности». «Деспот», «изверг и палач», «демон-мучитель», «царский опричник», «злейший враг трудового народа» И. М. Оболенский в 1901 г., как писали эсеры, «не позволял добрым людям помогать голодающим крестьянам», в 1902 г., «пользуясь неограниченной властью, применял к крестьянам, ищущим хлеб, зверские меры». Согласно его приказу и под его «предводительством» «избивали безоружных крестьян, пороли до смерти целые деревни», в то время как он «приговаривал: «Вот видите, злонамеренные люди, социалисты вас научили бунтовать <...> а где же теперь ваши друзья-социалисты? Они спрятались за вашими спинами, они пируют на свободе».

Мрачным злодейским типам слуг самодержавия противопоставлялся светлый жертвенный образ «народного героя» Ф. К. Качуры. Особенно подчеркивалась его принадлежность к рабочим. Он «любил народ», не мог снести несправедливости, «смело и радостно пошел на верную смерть». «Его повесят, его не пощадят», – прорицали эсеровские публицисты. Завершалось все высокой трагической нотой: «И отныне чистой кровью Фомы Качуренко навеки связана крестьянская и рабочая борьба». Само покушение рисовалось эпически. Ф. К. Качура в крылатке приблизился к князю Оболенскому, «окруженному со всех сторон полицией, и бросил ему в лицо какой-то пакет», а затем выстрелил. На него набросились полицмейстер, околоточные, городовые «в числе человек 10-ти». Но Качура, «человек громадной физической силы, как щепки, раскидал нападавших на него и, жадно глядя вслед удалявшемуся губернатору, выстрелил еще раз». Полиция, как говорилось далее, «страшно избивала его». «Собравшейся толпе Качура успел крикнуть: «Помните, господа, так наша партия поступает с врагами народа». Эсеров не смущало несоответствие их изложения событий реальности [12, л. 30; 19–26].

Оппозиционно настроенные либералы благожелательно восприняли известие о покушении на И. М. Оболенского. Появление неведомой Боевой организации, покушения Балмашева и Качуры, крестьянские волнения крайне встревожили власти и побудили их приступить к реорганизации сыскных органов. Было разработано и утверждено положение об учреждении охранных отделений. А. А. Лопухина назначили директором Департамента полиции, С. В. Зубатова – начальником Особого отдела Департамента полиции, Л. А. Ратаева – заведующим заграничным охранным отделением. Был увеличен штат филеров. Летучий отряд филеров Е. П. Медникова перевели из Москвы в Петербург. От политического сыска требовали эффективных действий против Боевой организации.

Отбывая наказание в Шлиссельбургской крепости, Ф. К. Качура 15 июля 1903 г. написал заявление о своем раскаянии, был вызван на допрос и дал откровенные показания, которые затем подтвердил на процессе Г. А. Гершуни, А. И. Вейценфельда и др. Он не обелял себя и не очернял других [5, л. 92–99; 8, л. 2–17; 27]. Свое состояние накануне и во время покушения он выразил словами: «Все это было сделано мною в состоянии какого-то угара, созданного чтением революционной литературы и влиянием агитаторов». Гершуни «настолько подчинил его своей воле, что он стал слепо верить, что убийство Оболенского есть заслуга перед обществом» [5, л. 10, 11, 22, 28, 42, 99; 12, л. 6, 7; 13, л. 6, 7; 28].

Обстоятельные чистосердечные свидетельства Ф. К. Качуры во время процесса в Петербургском военно-окружном суде (18–25 февраля 1904 г.)

произвели огромное впечатление. Он говорил о вреде, который наносят своими действиями революционеры, не пытался выгородить себя и свалить вину на других. Эти показания, как огорченно признавали редакторы «Революционной России», нанесли БО удар такой же силы, какой нанесли «Народной воле» признания Рысакова. Защитники Г. А. Гершуни и А. И. Вейценфельда (Н. П. Карабчевский, Б. Г. Барт, М. Л. Мандельштам, М. В. Бернштам) просили подвергнуть Ф. К. Качуру психиатрической врачебной экспертизе. Суд отверг претензии защиты как безосновательные. Идея о психической ненормальности Качуры была подхвачена и эсерами. «Человеком теперь ненормальным, производящим страшно несчастное впечатление», называли они его [29–31]. Качуру обвиняли в неискренности, в оговоре. «Он мог бы порассказать, сколько труда ему стоило добиться санкции Боевой организации и как долго и настойчиво его уговаривали отказаться от принятого решения», – утверждал Гершуни [6, с. 78; 15, с. 6]¹.

Каторжные работы Ф. К. Качуре в апреле 1904 г. заменили ссылкой на поселение в Сибирь сроком на 10 лет. Согласно указу от 21 октября 1905 г., срок ссылки сократили до четырех лет, а 31 мая 1906 г. ему разрешили отбывать наказание по месту проживания родителей в Архангельской губернии [17, л. 102, 103, 107, 109]. С весны 1904 г. революционные издания не упоминали о «народном герое». Его имя кануло в лету.

Список литературы

1. Показания В. М. Чернова по делу Азефа // Новый журнал. – 1970. – № 100. – С. 304.
2. Письма Азефа. 1893–1917. – М., 1994.
3. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи за 1902 г. – СПб., 1903.
4. Обвинительный акт о мешчанке из ссыльных Екатерине Константиновне Брешко-Брешковской и погомственном дворянине Николае Васильевиче Чайковском // Знамя Труда. – 1911. – № 28, 29.
5. ГАРФ. Ф.124. Оп. 1902 г. Д.773.
6. Гершуни, Г. А. Из недавнего прошлого / Г. А. Гершуни. – М., 1917.
7. ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 85.
8. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 1595.
9. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Лит. А. Т. 2. Л. 32.
10. ГАРФ. Ф.102. ДП. 7-е д-во. Оп. 1902 г. Д. 1171.
11. РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 68.
12. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902 г. Д. 815.
13. ГАРФ. Ф. 102. ДП. 7-е д-во. Оп. 1902 г. Д. 1171.
14. Рабочий. Воспоминания о Фоме Качуре // Революционная Россия. – 1903. – № 28. – С. 8–13.
15. Революционная Россия. – 1904. – № 44.
16. Былое. – 1906. – № 6.
17. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993.
18. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 273. Л. 15,16.

¹ В примечании к опубликованной в этом журнале «Речи Гершуни [во время процесса Г. А. Гершуни, А. И. Вейценфельда, М. М. Мельникова и др.]» (четыре страницы газетного текста) редакторы газеты М. Р. Гоц, В. М. Чернов, Л. Э. Шишко оговаривались: «Речь эта предназначалась Г. А. Гершуни для произнесения на суде, но по слухам не могла быть произнесена целиком». Судебно-следственные материалы выступления Гершуни не содержат.

19. ОРК ГОПБ. ЦЛ 18–216. 1902. VII. 29.
20. ОРК ГОПБ. ЦЛ 18. 217. 1902. VII. 29.
21. ОРК ГОПБ. ЦЛ 18. 217. 1902. VII. 30
22. Революционная Россия. – 1902. – № 10. – С. 24.
23. Революционная Россия. – 1902. – № 11. – С. 1, 2.
24. Народное дело. – 1902. – № 1 – С. 4–10.
25. Народное дело. – 1902. – №2. – С .3–32.
26. Письма рабочего-героя к товарищам и крестьянам. – Женева, 1902. – С. 3.
27. ГАРФ. 102. ДП. Оп. 314. Д. 31. Л. 59:
28. Дело Гершуни или так называемой Боевой Организации. – СПб., 1907. – С. 39.
29. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993.
30. Революционная Россия. – 1904. – № 43. – С. 7–10.
31. Памяти Г. А. Гершуни. – Париж, 1908.

О НЕЕДИНСТВЕННОСТИ ЛОГИКИ ПРЕДИКАТОВ¹

Обоснован тезис о неединственности логики предикатов. Предложена их классификация, основанная на определении уровня и характера противоречивости логической системы.

Введение

Данная работа посвящена обоснованию тезиса о многообразии (или, как еще принято выражаться, о неединственности) логики предикатов (ЛП). Даже традиционный взгляд на эту проблему предполагает выделение, по меньшей мере, классической и интуиционистской логики предикатов по одному критерию, разграничение одноместной и многоместной логики предикатов – по другому критерию, а также различение ЛП первого порядка, второго порядка и т.д. – по третьему. Мы, однако, намерены предложить иную классификацию видов логики предикатов, основанную на определении уровня и характера противоречивости логической системы.

Для правильного понимания нашей позиции необходимо уяснить следующее. Наше понимание ЛП не вполне традиционно, и его можно назвать «философским» в противовес, условно выражаясь, «математическому». Для философа логические системы, включая формальные, предназначены для анализа рассуждений и разграничения «правильных» рассуждений от «неправильных». В связи с этим философы готовы мириться с символизацией логики и даже приветствовать ее, но лишь в той мере, в какой данная символизация способствует достижению описанной выше цели. Изучение закономерностей преобразования формализмов ради самих этих формализмов философию логики интересовать не может. Иными словами, философы, изучающие логику, должны идти *от идей к формализмам*, а не от формализмов к идеям.

В нашем случае мы рассматриваем ЛП как инструмент для анализа естественных рассуждений, понимая под таковыми рассуждения на естественном языке, которые, впрочем, могут включать в себя фрагменты специализированных математического и логического языков. При этом следует заметить, что ЛП анализирует рассуждения на естественном языке не только в том виде, в каком они реально существуют, но и в том виде, в каком они могут существовать в принципе, оставаясь, однако, естественными рассуждениями.

1 Уровень и характер противоречивости логических систем

Определение уровня и характера противоречивости логических систем обсуждалось в наших предыдущих публикациях [1]. Поэтому здесь мы лишь кратко остановимся на этом вопросе.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного фонда. Проект 07-03-21304 а/В.

Отрицание, как и утверждение, является, по нашему мнению, конструктивной процедурой. Оно не сообщает об отсутствии чего-либо, а, напротив, порождает некий конструктивный объект. Утверждение A означает: «Я выполнил мысленное построение, в результате которого был сконструирован объект A ». Отрицание A будет означать: «Я выполнил на основе общепринятого метода преобразование A , результатом которого является некий объект X , причем такой, что X отлично от A ($A \neq X$)». «Общепринятым методом» здесь назван алгоритм процедуры отрицания¹.

Данный подход позволяет выявить новые характеристики логических систем – уровень и характер контрадикторности.

Уровень контрадикторности показывает, сколько избыточных противоположностей может быть представлено в данной системе, что зависит от свойств отрицания. По этому критерию логические системы могут быть разделены на бинарные, тернарные, тетрарные и т.д. в зависимости от того, порождает ли отрицание этих систем две, три, четыре и т.д. избыточные противоположности.

Характер контрадикторности указывает на специфику отношений между противоположностями, которые можно выделить в данной системе. Эти отношения устанавливаются на основе анализа таблицы отрицания. Несовместимыми называются противоположности, которые ни в одной строке таблицы не принимают одинаковых значений. Пересекающимися называются противоположности, которые принимают одинаковые значения лишь в некоторых строках таблицы истинности. Если две противоположности принимают одинаковые значения во всех строках таблицы, то одна из них считается избыточной. Контрадикторная конструкция классической логики высказываний (ЛВ) содержит две несовместимые, а ЛВ Лукасевича – две пересекающиеся противоположности. Логика Гейтинга позволяет выделить три противоположности, из которых две (« a » и « $\sim a$ ») несовместимы, а две (« a » и « $\sim\sim a$ ») частично совместимы. Противоположности « $\sim a$ » и « $\sim\sim a$ » также являются несовместимыми.

Следовательно, по **характеру контрадикторной конструкции** логики могут быть разделены на строгие, нестрогие и полунестрогие. **Строгими** мы называем логические системы, контрадикторные конструкции которых содержат только несовместимые противоположности, т.е. здесь нет пересекающихся противоположностей. Таковой, например, является классическая ЛВ. **Нестрогими** будем называть логические системы, в которых каждая из противоположностей пересекается со всеми другими противоположностями, т.е. нет ни одной пары несовместимых противоположностей, следовательно, противоречие как таковое не представимо. Для случая бинарных логик нестрогой является логика Лукасевича 1920 г. **Полунестрогими** являются логические системы, в контрадикторных конструкциях которых есть хотя бы одна пара несовместимых противоположностей и хотя бы одна пара пересекающихся противоположностей. Таковы тернарная логика Гейтинга 1930 г., а также система Поста (при $m > 2$)².

---

¹ Впервые логическое отрицание как конструктивный процесс попытался представить А. Гейтинг. Однако, по нашему мнению, он остановился на полпути [2].

² Описание систем Лукасевича, Гейтинга и Поста см., например, в [3].

Отсюда видно, что не всякая логическая система способна представлять противоречие. **Противоречие** – это определенное отношение между противоположностями данной контрадикторной конструкции, а именно отношение несовместимости. Не всегда противоположности, составляющие данную контрадикторную конструкцию, находятся именно в таких отношениях. Так, отрицание классической логики позволяет сконструировать такую (и при этом единственную) противоположность по отношению к A , что конъюнкция A и $\sim A$ является противоречием, на что указывает невыполнимость формулы $a \wedge \sim a$ в классической логике. В то же время отрицание Лукасевича не позволяет сконструировать противоречия. Хотя A и $\sim A$ в системе Лукасевича различны, они не являются полностью несовместимыми, а формула $a \wedge \sim a$ не является невыполнимой. Вместе с тем, некоторые контрадикторные конструкции могут содержать в себе несколько противоречий и даже несколько противоречий различного уровня контрадикторности. Так, логика Гейтинга содержит одновременно и бинарное, и тернарное противоречие.

Сказанное имеет отношение и к ЛП. В основе ЛП всегда лежит та или иная ЛВ. Это накладывает отпечаток на свойства данной логико-предикатной системы. Соответствующие друг другу ЛВ и ЛП объединяет операция отрицания. Как уже было сказано, отрицание задает контрадикторный уровень данных систем. Последнее, в свою очередь, фактически означает выделение того или иного количества видов суждения по «качеству». При переходе к ЛП эта классификация дополняется выделением видов суждений по «количеству». При совмещении критериев получаем так называемую объединенную классификацию суждений. Выделенные классы суждений, имеющие одинаковые субъект и предикат, образуют определенную логическую фигуру. В классической логике это знаменитый логический квадрат Пселла. Понятно, что в других системах и «логические фигуры» будут иными. Следовательно, в основе определенных ЛВ и ЛП явно или неявно лежит некоторое неформализованное учение о видах суждений и отношениях между ними, а формализация этих отношений как раз и должна быть представлена в данных системах. Поэтому, с позиций нашей концепции, в каждой логико-предикатной системе должны наличествовать правила, которые возникают в результате формализации отношений между видами суждений в рамках данной системы. А поскольку мы рассматриваем ЛП как инструмент формализации естественных рассуждений, а неформализованное учение о видах суждений является опосредующим звеном между ними, то эти правила следует называть **системообразующими** для данной ЛП. Согласно нашим представлениям, дело обстоит не так, что мы должны ввести аксиомы и правила вывода и лишь затем проверять, будут ли доказуемыми данные формулы, а так, что сначала следует объявить эти теоремы обязательными в данной системе и лишь затем подбирать нужные аксиомы и правила вывода.

2 Логика предикатов Пселла

Начнем с классической ЛП. Эта логическая система, как мы утверждаем, основана на формализации отношений между суждениями в рамках логического квадрата Пселла.

Доказать это несложно. Прежде всего вспомним, что в классической ЛВ может быть выделено только две противоположности – A и $\sim A$, по-

скольку двойное отрицание возвращает нас к A , а тройное отрицание к $не-A$. Очевидно также, что две названные противоположности не пересекаются, поскольку не имеют общих значений ни в одной из строк таблицы истинности. Следовательно, перед нами строгая бинарная ЛВ, которая подразумевает выделение двух видов суждений по качеству: утвердительных и отрицательных.

При переходе к ЛП мы получаем четыре класса суждений: общеутвердительные (A), общеотрицательные (E), частноутвердительные (I) и частноотрицательные (O). Эти виды суждений с одинаковым субъектом и предикатом, как известно, и образуют логический квадрат Пселла.

Для их представления на языке ЛП принято вводить переменные первого типа a , областью значений которого является область D . Внутри этой области выделим два подмножества S и P . Однако затем мы можем ввести переменные второго типа x , которые пробегают только подобласть S области D [4]. Тогда наша формальная запись будет выглядеть, как показано в таблице 1.

Таблица 1

Формализация простых суждений на языке логики предикатов (ЯЛП)

Буквенное обозначение	Формальная структура	Запись на ЯЛП	Рекомендуемый способ прочтения
A	Все S есть P	$(x) P(x)$	Все x обладают свойством P
E	Ни одно S не есть P	$(x) \sim P(x)$	Все x обладают свойством $не-P$
I	Некоторые S есть P	$E(x) P(x)$	Существуют x , обладающие свойством P
O	Некоторые S не есть P	$E(x) \sim P(x)$	Существуют x , обладающие свойством $не-P$

В дальнейшем договоримся использовать только переменные второго типа, т.к. данный вид записи более лаконичен.

Условимся также о правилах употребления отрицания. Будем считать, что наличие или отсутствие отрицания перед предикатной переменной (или всей подкванторной областью) указывает на качество суждения, а наличие или отсутствие отрицания перед квантором – на предполагаемое значение истинности.

Теперь перейдем систематическому описанию отношений между суждениями в рамках логического квадрата. Выделяют четыре вида отношений: противоречия, контрарности, субконтрарности, подчинения. Зависимости между суждениями по истинности в рамках логического квадрата являются общеизвестными, поэтому мы обратим внимание только на некоторые из них.

Для суждений A и O , а также для E и I , находящихся в отношениях **противоречия**, верно, что из истинности A следует ложность O , а из истинности I – ложность E :

$$(x) P(x) \rightarrow \sim E(x) \sim P(x), \quad (1)$$

$$E(x) P(x) \rightarrow \sim (x) \sim P(x). \quad (2)$$

Как очевидно, перед нами правила преобразования универсального суждения в экзистенциальное и обратно. Согласно этим правилам, для преобразования суждений указанных видов друг в друга необходимо: 1) заменить

один знак квантора на другой; 2) поставить отрицание перед вновь введенным квантором; 3) поставить знак отрицания перед подкванторной областью. Именно это и демонстрируют формулы (1) и (2).

Далее, если мы перейдем от ложности A к истинности O , а также от ложности I к истинности E , то получим так называемые законы образования контрадикторных противоположностей:

$$\sim(x) P(x) \rightarrow E(x) \sim P(x), \quad (3)$$

$$\sim E(x) P(x) \rightarrow (x) \sim P(x). \quad (4)$$

Для суждений A и I , а также E и O , находящихся в отношениях *подчинения*, верно, что из истинности общего суждения следует истинность подчиненного ему частного суждения, что дает также один из известнейших законов классической ЛП:

$$(x) P(x) \rightarrow E(x) P(x). \quad (5)$$

В отношениях *контрарности* находятся два общих суждения, различающиеся качеством, т.е. A с E . При истинности одного из них другое является ложным, например:

$$(x) P(x) \rightarrow \sim(x) \sim P(x). \quad (6)$$

Наконец, в отношениях *субконтрарности* находятся частные суждения, отличающиеся по качеству, т.е. I с O . Из ложности одного из этих суждений следует истинность другого из них.

$$\sim E(x) P(x) \rightarrow E(x) \sim P(x), \quad (7)$$

$$\sim E(x) \sim P(x) \rightarrow E(x) P(x). \quad (8)$$

Сказанное здесь может вызвать недоумение, поскольку все приведенные формулы, как хорошо известно, являются теоремами классической ЛП. Однако мы говорим о том, что эти формулы *должны доказываться* в этой системе в любом случае, если мы хотим считать, что данная система является формализацией отношений между видами суждений по истинности в рамках логического квадрата Пселла.

3 Гипотетическая логика предикатов Лукасевича

Уже на бинарном уровне мы сталкиваемся с неединственностью логики предикатов. Помимо несовместимости двух противоположностей, как очевидно, возможен и еще один вариант – их частичная совместимость, или пересечение. В наших терминах это значит, что наряду со строгой бинарной логикой возможна и нестрогая бинарная логика. Более того, применительно к логике высказываний такая система уже существует – речь идет о трехзначной логике Лукасевича 1920 г. Опираясь на указанное исчисление, построим соответствующую логику предикатов, которую в силу этого назовем логикой предикатов Лукасевича. Еще точнее, мы выделим некоторые системообразующие теоремы данной системы, которые должны быть доказуемыми в ней по условию.

Напомним значение основных связок трехзначной логики Лукасевича, где «1» – истина, «½» – неопределенность, «0» – ложь. Значения конъюнкции, дизъюнкции и импликации отражены в таблице 2.

Таблица 2

Основные связки трехзначной ЛВ Лукасевича 1920 г.

a	b	$a \wedge b$	$a \vee b$	$a \rightarrow b$
1	1	1	1	1
1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$
1	0	0	1	0
$\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$	1	1
$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1
$\frac{1}{2}$	0	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
0	1	0	1	1
0	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	1
0	0	0	0	1

Отрицание Лукасевича задается в соответствии с таблицей 3, из которой видно, что перед нами бинарная логика, т.к. двойное отрицание нас возвращает к x , а тройное к $не-x$.

Таблица 3

Отрицание трехзначной ЛВ Лукасевича 1920 г.

x	$\sim x$	$\sim\sim x$	$\sim\sim\sim x$
1	0	1	0
$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
0	1	0	1

Из данной таблицы понятно также, что ЛВ Лукасевича является не-строгой системой, поскольку x и $не-x$ принимают одинаковые значения во второй строке таблицы. Отсюда следует, что контрадикторная конструкция логики Лукасевича может быть представлена схемой из двух пересекающихся кругов, скажем, X и $\sim X$.

При построении ЛП Лукасевича мы будем иметь дело с формализацией отношений между видами суждений в рамках логического четырехугольника. Однако указанная выше особенность контрадикторной конструкции, безусловно, должна наложить определенный отпечаток на отношения между суждениями в рамках данного четырехугольника. Поэтому данную фигуру мы будем называть логическим четырехугольником Лукасевича и отличать ее от логического квадрата Пселла.

Для выявления особенностей отношений в рамках логического четырехугольника Лукасевича еще раз обратимся к контрадикторной конструкции данной логической системы. Очевидно, что если мы (мысленно) полностью закрасим круг X , то закрасенной окажется и часть круга $не-X$, то же будет наблюдаться в обратном порядке. Это означает, что при истинности любого общего суждения, оба (!) частных суждения также будут истинными. Но можно на эту зависимость посмотреть и с другой стороны. То или иное общее суждение будет истинным, е.т.е. истинными будут оба частных суждения. Поэтому, если одно из частных суждений ложно, ложными будут оба (!) общих суждения. В этом состоит главная особенность логического четырехугольника Лукасевича.

Итак, перейдем к систематическому изложению. Отношения *подчинения* в рамках четырехугольника Лукасевича не отличаются от привычных: из истинности общего высказывания следует истинность подчиненного ему экзистенциального высказывания, а из ложности общего высказывания следует неопределенность соответствующих экзистенциальных высказываний. В обратном направлении все также привычно. Из ложности экзистенциального высказывания следует ложность подчиняющего общего высказывания, а из истинности экзистенциального – неопределенность общего.

$$(x)A(x) \rightarrow E(x)A(x), \quad (9)$$

$$\sim(x)A(x) \rightarrow E(x)A(x) \vee \sim E(x)A(x), \quad (10)$$

$$\sim E(x)A(x) \rightarrow \sim(x)A(x), \quad (11)$$

$$E(x)A(x) \rightarrow (x)A(x) \vee \sim(x)A(x). \quad (12)$$

Привычными являются и отношения *контрарности*. Истинность одного общего суждения обуславливает ложность другого, а ложность исходного общего суждения оставляет другое общее суждение неопределенным, например:

$$(x)A(x) \rightarrow \sim(x)\sim A(x), \quad (13)$$

$$\sim(x)A(x) \rightarrow (x)\sim A(x) \vee \sim(x)\sim A(x). \quad (14)$$

Особенности ЛП Лукасевича начинаются, когда мы обращаемся к отношениям *контрадикторности*. Здесь при истинности общего суждения «противоречащее» ему частное тоже оказывается истинным. Поэтому мы будем называть эти отношения отношениями *квазиконтрадикторности*:

$$(x)A(x) \rightarrow E(x)\sim A(x). \quad (15)$$

Как уже говорилось, противоположности в логике Лукасевича пересекаются. Это значит, что может существовать x , который одновременно обладает и свойством A , и свойством $\sim A$. Такой x «находится» как раз в зоне «пересечения» противоположностей. Поэтому если все x некоторой предметной области обладают свойством A , то среди них обязательно есть и такие, которые одновременно обладают свойством $\sim A$. То же самое наблюдается в обратном направлении.

Если мы соединим (15) и (14), то получим следующую удивительную зависимость:

$$(x)A(x) \rightarrow E(x)\sim A(x) \wedge E(x)A(x). \quad (16)$$

Однако вернемся к отношениям квазиконтрадикторности. Из ложности общего высказывания следует неопределенность (!) противоречащего ему частного. Если идти от частных суждений к общим, то из истинности частного суждения следует неопределенность (!) как бы противоречащего ему общего суждения. Наконец, из ложности частного высказывания следует ложность (!) квазиконтрадикторного ему универсального высказывания.

$$\sim(x)A(x) \rightarrow E(x)\sim A(x) \vee \sim E(x)\sim A(x), \quad (17)$$

$$E(x)A(x) \rightarrow (x)\sim A(x) \vee \sim(x)\sim A(x), \quad (18)$$

$$\sim E(x)A(x) \rightarrow \sim(x)\sim A(x). \quad (19)$$

Если «соединить» (19) и (11), получаем парадоксальное с точки зрения классической логики выражение:

$$\sim E(x)A(x) \rightarrow \sim(x)\sim A(x) \wedge \sim(x)A(x). \quad (20)$$

При рассмотрении отношений *субконтрарности* между *I* и *O*, мы как бы вновь возвращаемся в привычный для нас логический мир. При истинности одного частного суждения другое будет неопределенным. С другой стороны, из ложности одного из частных высказываний следует истинность другого из них.

Подведем итоги. В логическом четырехугольнике Лукасевича наблюдаются следующие зависимости. При истинности одного из общих суждений другое общее будет ложным, а оба частных – истинными. При ложности общего суждения все остальные суждения будут неопределенными. При истинности частного суждения все остальные виды суждений также будут неопределенными. А при ложности частного другое частное суждение будет истинным, а оба общих суждений – ложными.

4 Строгая тернарная логика

При переходе к тернарной логике мы сталкиваемся с еще большим разнообразием возможных логико-предикатных систем. Здесь мы рассмотрим только «основной» случай – строгую тернарную ЛП, которая, согласно нашей концепции, является формализацией отношений между простыми суждениями в рамках логического шестиугольника.

Чтобы построить логический шестиугольник, нам необходимо иметь метод построения двух видов суждений по «количеству» и трех (!) видов суждений по «качеству».

Мы будем считать нашу систему трехзначной, где «1» – истина, «½» – неопределенность, «0» – ложь. Тавтология принимает значение 1.

Отрицание, которое мы обозначим знаком «~», задается двумя равенствами:

1. $[N(x)] = [x] - \frac{1}{2}$, при $[x] \neq 0$,
2. $[N(0)] = 1$.

В нем легко распознать первое, т.е. несимметричное, отрицание системы Поста. Его значение можно представить также табличным способом (см. табл. 4).

Таблица 4

Отрицание в строгой тернарной логике

a	$\sim a$	$\sim\sim a$	$\sim\sim\sim a$
1	½	0	1
½	0	1	½
0	1	½	0

Из таблицы видно, что отрицание позволяет выделить две избыточные противоположности $\sim a$ и $\sim\sim a$, т.к. верно следующее равенство:

$$a \equiv \sim\sim\sim a. \quad (21)$$

Таким образом, контрадикторная конструкция нашей воображаемой логической системы включает в себя лишь три избыточные противоположности: a , $\sim a$ и $\sim\sim a$.

Конъюнкция рассчитывается обычным образом – по минимуму значений переменных, а дизъюнкция рассчитывается от конъюнкции по формуле, структурно аналогичной знаменитому правилу де Моргана:

$$a \vee b \equiv \sim (\sim a \wedge \sim b). \quad (22)$$

В связи с вышесказанным следует, что дизъюнкцией мы называем связку, которая истинна, е.т.е. хотя бы один из членов дизъюнкции истинен; неопределенна, е.т.е. оба члена дизъюнкции неопределенны; ложна, если либо оба члена дизъюнкции ложны, либо один из них ложен, а другой является неопределенным.

Обратный переход от дизъюнкции к конъюнкции происходит по «обратно симметричной» формуле:

$$a \wedge b \equiv \sim \sim (\sim a \vee \sim b). \quad (23)$$

Все это видно из таблицы 5.

Таблица 5

Конъюнкция и дизъюнкция в строгой тернарной логике

a	b	$\sim a$	$\sim b$	$\sim \sim a$	$\sim \sim b$	$a \wedge b$	$\sim \sim a \wedge \sim \sim b$	$\sim (\sim \sim a \wedge \sim \sim b)$	$a \vee b$	$\sim a \vee \sim b$	$\sim \sim (\sim a \vee \sim b)$
1	1	½	½	0	0	1	0	1	1	½	1
1	½	½	0	0	1	½	0	1	1	0	½
1	0	½	1	0	½	0	0	1	1	1	0
½	1	0	½	1	0	½	0	1	1	0	½
½	½	0	0	1	1	½	1	½	½	0	½
½	0	0	1	1	½	0	½	0	0	1	0
0	1	1	½	½	0	0	0	1	1	1	0
0	½	1	0	½	1	0	½	0	0	1	0
0	0	1	1	½	½	0	½	0	0	1	0

Противоречие в нашей системе будет тернарным. Оно выражается конъюнкцией всех трех противоположностей – $a \wedge \sim a \wedge \sim \sim a$. Эта формула будет противоречивой (невыполнимой). Отрицание тернарного противоречия является общезначимой формулой, отражая закон недопустимости (тернарного) противоречия.

$$\sim (a \wedge \sim a \wedge \sim \sim a). \quad (24)$$

Бинарного же противоречия наша система содержать не будет, т.к. формулы $a \wedge \sim a$, $a \wedge \sim \sim a$, $\sim a \wedge \sim \sim a$ не будут в нашей системе невыполнимыми. Как следствие, отрицание этих формул не дает общезначимых выражений (см. табл. 6).

Таблица 6

Закон непротиворечия в строгой тернарной логике

a	$\sim a$	$\sim \sim a$	$a \wedge \sim a$	$a \wedge \sim \sim a$	$\sim a \wedge \sim \sim a$	$a \wedge \sim a \wedge \sim \sim a$	$\sim (a \wedge \sim a \wedge \sim \sim a)$
1	½	0	½	0	0	0	1
½	0	1	0	½	0	0	1
0	1	½	0	0	½	0	1

По аналогии в строгой тернарной логике присутствует закон исключения четвертого, представленный дизъюнкцией всех трех противоположностей, но нет закона исключения третьего (см. табл. 7).

Таблица 7

Закон исключения четвертого в строгой тернарной логике

a	$\sim a$	$\sim\sim a$	$a\vee\sim a$	$a\vee\sim\sim a$	$\sim a\vee\sim\sim a$	$a\vee\sim a\vee\sim\sim a$
1	$\frac{1}{2}$	0	1	1	0	1
$\frac{1}{2}$	0	1	0	1	1	1
0	1	$\frac{1}{2}$	1	0	1	1

Импликацию в данной системе можно задать несколькими способами. Но мы не будем делать этого, поскольку выбор способа введения импликации зависит от тех характеристик, которыми мы хотели бы наделить логическое следование данной системы. Не желая предрешать этот вопрос, в дальнейшем мы будем использовать вместо импликации знак логического следования « $\vdash$ ».

5 Отношения между суждениями в рамках логического шестиугольника

Итак, в тернарной логике различают три вида высказываний по «качеству». Первый вид высказываний соответствует утвердительным высказываниям бинарной логики. Мы будем называть их утвердительными высказываниями (или *is*-высказываниями). Их структура имеет вид: $S \text{ is } P$. В логике высказываний они обозначаются переменной без отрицания, например a . Вторым видом высказываний – *in*-отрицательные высказывания (или просто *in*-высказывания). Они имеют структуру $S \text{ in } P$. В логике высказываний они могут обозначаться переменной с одним отрицанием – $\sim a$. Наконец, третий вид высказываний – *non*-отрицательные высказывания (или просто *non*-высказывания). Они имеют структуру $S \text{ non } P$ и обозначаются как $\sim\sim a$.

Каждый из этих видов высказываний, в свою очередь, можно разделить на универсальные и экзистенциальные по «количественному» критерию. Отсюда получаем шесть видов высказываний (см. табл. 8).

Таблица 8

Виды высказываний в строгой тернарной ЛП

№	Вид высказывания	Структура	Формула ЛП	Символ
1	Общее <i>is</i> -высказывание	Все $S \text{ is } P$	$(x) P(x)$	A
2	Общее <i>in</i> -высказывание	Все $S \text{ in } P$	$(x) \sim P(x)$	U
3	Общее <i>non</i> -высказывание	Все $S \text{ non } P$	$(x) \sim\sim P(x)$	E
4	Частное <i>is</i> -высказывание	Некоторые $S \text{ is } P$	$E(x) P(x)$	I
5	Частное <i>in</i> -высказывание	Некоторые $S \text{ in } P$	$E(x) \sim P(x)$	Y
6	Частное <i>non</i> -высказывание	Некоторые $S \text{ non } P$	$E(x) \sim\sim P(x)$	O

Лишь теперь мы можем построить логический шестиугольник. Его образуют высказывания, имеющие одинаковые субъект и предикат, но отличающиеся друг от друга по качественным и количественным характеристикам (см. рис. 1).

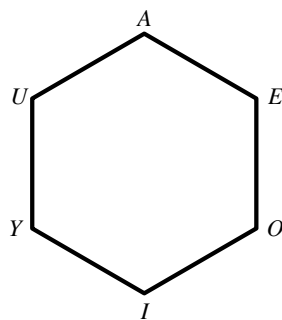

Рис. 1 Логический шестиугольник

Для представления данных видов суждений на ЯЛП условимся также, что наличие или отсутствие перед выражением (перед квантором) знака отрицания указывает на его значение истинности. Отсутствие знака отрицания говорит о его истинности, наличие одного отрицания – о его неопределенности, наличие двух отрицаний – о его ложности. Это связано с тем, что, согласно таблице отрицания, «однократное» отрицание переводит «истину» в «неопределенность», а двукратное – в «ложь». В отличие от этого наличие или отсутствие знаков отрицания перед предикатной переменной (или подкванторной областью в целом) указывает на качественную характеристику высказывания, презентированного данной формулой. Чтение выражений с отрицанием перед предикатной переменной (или всей подкванторной областью) желательно осуществлять в утвердительной форме. Выражение $(x)P(x)$ следует читать: «Все x обладают свойством P ». Выражение $(x)\sim P(x)$ означает: «Все x обладают свойством $in-P$ ». Формула $(x)\sim\sim P(x)$ показывает, что все x обладают свойством $non-P$.

В рамках логического шестиугольника можно выделить следующие виды отношений: 1) полной противоположности (контрарности); 2) частичной противоположности (субконтрарности); 3) подчинения; 4) противоречия.

Эти отношения имеют одну особенность: каждым видом отношений (кроме отношений подчинения) связываются не два, а три (!) вида высказываний. Так, в отношениях **противоречия** (если идти от общих суждений к частным), соответственно, находятся: $U - I - O$, $A - Y - O$, $E - Y - I$. Понятно, что истинность общего суждения влечет ложность обоих частных суждений. Например, из истинности A следует и ложность O , и ложность Y . Если все x обладают свойством P , то неверно, что существуют x , обладающие свойством $in-P$, и одновременно неверно, что существуют x , обладающие свойством $non-P$:

$$(x)P(x) \models \sim\sim E(x)\sim P(x)\wedge\sim\sim E(x)\sim\sim P(x). \quad (25)$$

Путем несложных преобразований получаем правило перехода от универсальных суждений к экзистенциальным:

$$(x)P(x) \models \sim\sim E(x)(\sim P(x)\wedge\sim\sim P(x)). \quad (25a)$$

Это правило гласит: для преобразования универсальных суждений необходимо: 1) заменить квантор общности квантором существования; 2) подкванторное выражение заменить конъюнкцией «однократного» и «двойного» его отрицаний (при необходимости «сократив» лишние отрицания),

поставив его в зону действия «нового» квантора; 3) поставить двойное отрицание, символизирующее ложность, перед квантором.

Если идти от частных суждений к общим, то в отношениях противоречия находятся: $Y - A - E$, $I - U - E$, $O - A - U$. И здесь истинность исходного (частного) суждения влечет ложность двух противоречащих ему (общих) суждений. Например, истинность I влечет ложность U и E :

$$E(x)P(x) \models \sim\sim(x)\sim P(x)\wedge\sim\sim(x)\sim\sim P(x). \quad (26)$$

Отсюда получаем правило преобразования экзистенциальных суждений в универсальные:

$$E(x)P(x) \models \sim\sim(x)(\sim P(x)\wedge\sim\sim P(x)). \quad (26a)$$

Это правило означает следующее. Чтобы преобразовать экзистенциальное суждение в универсальное, необходимо: 1) заменить квантор существования квантором общности; 2) поставить перед «новым» квантором двойное отрицание, символизирующее ложность; 3) подкванторное выражение заменить конъюнкцией «однократного» и «двойного» отрицания этого выражения и поставить ее (конъюнкцию) в зону действия «нового» квантора.

Другие виды отношений в рамках логического шестиугольника особой оригинальностью не отличаются. В отношениях **контрарности** находятся три общих суждения: $U - A - E$. Истинность одного из них обуславливает ложность двух других, а ложность – оставляет другие два суждения неопределенными. К этим суждениям применим закон недопустимости тернарного противоречия для случая ЛП:

$$\sim\sim((x)P(x)\wedge(x)\sim P(x)\wedge(x)\sim\sim P(x)). \quad (27)$$

В отношениях **субконтрарности** находятся три частных суждения, различающиеся «качеством»: $Y - I - O$. Они могут быть одновременно истинными, но не могут быть одновременно ложными, в силу чего к ним применим закон исключения четвертого:

$$E(x)P(x)\vee E(x)\sim P(x)\vee E(x)\sim\sim P(x). \quad (28)$$

Из ложности двух частных суждений следует истинность третьего. Но из ложности (как, впрочем, и из истинности) одного из них не следует ничего заслуживающего внимания.

Наконец, в отношениях подчинения находятся общее и частное суждение одинакового «качества»: $U - Y$, $A - I$, $E - O$. Здесь все тривиально: из истинности общего следует истинность частного, а из ложности частного – ложность соответствующего общего высказывания.

Содержательная интерпретация тернарной ЛП является самостоятельной и очень интересной проблемой. Данную систему можно рассматривать, например, как один из возможных вариантов формализации воображаемой логики Н. А. Васильева [5]. Возможны, впрочем, и другие варианты ее содержательного истолкования. Однако объем статьи, к сожалению, не позволяет нам подробнее остановиться на этом вопросе.

Список литературы

1. **Горюнов, А. В.** Как возможно небинарное мышление? / А. В. Горюнов // Философское сообщество в России: проблемы исследования / под ред. Н. Г. Баранец. – Ульяновск, 2007. – С. 140–164.

2. **Гейтинг, А.** Интуиционизм / А. Гейтинг. – М., 1965. – С. 28.
3. **Гетманова, А. Д.** Логика. Углубленный курс : учебное пособие / А. Д. Гетманова. – М. : КНОРУС, 2007. – С. 145–150.
4. **Клини, С. К.** Математическая логика / С. К. Клини ; под ред. Г. Е. Минца ; пер. с англ. Ю. А. Гастева. – М., 1973. – С. 167–170.
5. **Васильев, Н. А.** Воображаемая логика. Избранные труды / Н. А. Васильев. – М. : Наука, 1989. – С. 94–123, 126–131.

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ УСЛОЖНЯЮЩИХСЯ КОММУНИКАЦИЙ

Рассмотрена проблема осмысления усложнения коммуникаций как важнейшего сильнодействующего социокультурного фактора динамики субъекта. Сделан вывод о транснациональной специфике коммуникаций, ставящей личность в центр растущего разнообразия, что обуславливает рост ее значения для развития личности, общества.

Введение

Проблема усложнения коммуникаций как феномена социальной жизни неотделима от проблемы отношений людей, прежде всего общения, которое формирует человека как субъекта, развивающего в своей деятельности общество. М. К. Мамардашвили писал, что сущность человека раскрывается «в той мере, в какой человеческая личность поддерживает, воспроизводит и сохраняет общение. Если же этого постоянного поддерживания и воспроизводства общения нет, то нет и человека» [1, с. 142]. Человеческая способность к коммуникации часто принимается как нечто само собой разумеющееся, а осознание важности ее роли не происходит до тех пор, пока человек не оказывается в ситуации, чреватой коммуникативными сбоями. Возникает проблема осмысления усложнения коммуникаций в целом как важнейшего сильнодействующего социокультурного конструкта.

1 Современный человек в проблемной ситуации

Всеобщность происходящих в современном обществе трансформаций, разрушительных в одних случаях и созидательных в других, поставила перед человеком проблему реальной оценки современного состояния, возможностей, перспектив в решении задач выживания, воспроизводства. Само фиксирование факта массовых изменений, которые оцениваются как значимый рубеж больших эпох и исторических народов, обозначаемый «веком бифуркаций» (термин Э. Ласло), как наступление нового миропорядка (по З. Бжежинскому), задает человеку сложную задачу организации жизни в новых условиях. Достаточно перечислить наиболее характерные преобразования усложняющегося общества (такие, как глобализация, технологизация, информатизация, виртуальная экономика и т.д.), как становится ясно, что человек живет практически уже в другом историческом мире, отличном от того его состояния, которое было еще 60 и даже 20 лет назад.

Человек как субъект – это высшая системная целостность всех индивидуальных сложнейших и противоречивых качеств, его сознания и бессознательного, обеспечивающая человеку авторскую и преобразующую позицию к себе и окружающей действительности. Сущность человека такова, что для него невозможно беспроblemное существование. Важнейшей характеристикой человека является то, что он может формировать свои способности, т.е. обеспечивать собственное развитие в усложняющемся обществе.

Каждая стадия человеческого развития включает в себя субъектную составляющую, которая усиливается в процессе восхождения от индивидуаль-

ности к массовости, наращивая субъектную активность, выдвигая на первый план то одну, то другую форму проявления этой субъектности. Субъектность в целом образует ценностно-смысловое отношение человека к своей деятельности, направляет и организует его развитие. Развитие субъектности происходит внутри событийной общности, в процессе взаимоотношений диалога одного субъекта с другими субъектами, где формируются многообразные способности человека, позволяющие ему приобщаться к существующим формам культуры и самому творить новые формы культурных инноваций. Проблема динамики субъекта, развития способности накапливать культурный опыт личности в этом процессе, всех составляющих форм ее деятельности – главное направление исследования человека в данной статье.

Полноценно функционировать в информационном усложняющемся обществе сможет лишь человек, достигший высокого уровня творчества, обладающий такими качествами, как инициативность, ответственность, способность самостоятельно выйти за пределы ранее усвоенной им культуры, информации, сделать правильный выбор, принять позитивное решение. Речь идет о человеке восходящего разума, осознающего свое бытие и место в мире и определяющего свободно и ответственно свою позицию.

2 Коммуникация как понятие и как проблема

В современном быстро изменяющемся обществе изучение человека требует исследований значимых социальных факторов, определяющих динамику развития общества, а следовательно, динамику способностей людей к собственному развитию. Среди факторов, которые привлекают к себе пристальное внимание ученых, следует отметить активизацию коммуникативной человеческой деятельности, в том числе благодаря экспансии иноязычия, т.е. давления на человека многообразия естественных языков, языков культур.

Понятие «коммуникация» (от лат. *communicatio* – связь) трактуется в литературе неоднозначно и включает ряд значений. Наиболее общее из них – средство связи, сообщение. Часто также оно ассоциируется с выражением «средства массовой коммуникации» и предполагает передачу сообщения в одностороннем, монологическом порядке, хотя и рассчитано на адекватность понимания. Другими словами, имеется в виду информационная коммуникация, в которой акцент сделан на распространении, передаче. Как динамичное понятие, расширяющее свое содержание, термин «коммуникация» подвергся значительному переосмыслению. Он вобрал в себя ряд новых смыслов, связанных с таким аспектом человеческой деятельности, как общение. Коммуникация рассматривается как важнейший элемент общественных связей, социальной жизни в целом и служит средством регулирования и гармонизации межличностных отношений. Коммуникация стала обозначать состояние коммуникации как процесса, под которым понимается соучастие субъектов, их совместная деятельность. Такая коммуникация имеет диалогическую форму и рассчитана на взаимное понимание. Философский анализ коммуникации осуществляет Ю. Хабермас, который понимает коммуникацию как процессуально-созидательную, деятельностьную форму общения, направленную на выработку новых целей, творчества. Значительная роль «коммуникации как производительной силы» в терминологии Ю. Хабермаса заключается в том, что ее результатом является нарастание в языке, культуре субъекта по-

добного рода реальных напряженностей, что может привести к повышению творческого потенциала личности, к развитию ее способностей. Суть и новизна концепции Ю. Хабермаса состоит не столько в конструировании каких-то новых социальных процессов, сколько в выявлении социокультурного потенциала, который открывает возможность на основе определенным образом организованных коммуникативных связей преодолеть существующие кризисные ситуации в усложняющемся мире.

Именно в этом смысле коммуникация представляет интерес для социальной философии в данной статье.

3 Усложнение коммуникаций

Человек на протяжении своей истории вольно или невольно усложняет свой мир, в результате чего происходит наращивание потенциала собственной деятельности, способностей теоретически и практически расширять и углублять проникновение в еще вчера неосвоенный мир. Важнейшей реакцией на усложнение общества является *интенсификация коммуникаций*, под которой понимаются возрастающие по масштабам и скорости изменения характера, содержания общения людей (носителей разных языков, разных культур), формирование более глубоких смыслов. Этот процесс реализуется через возникновение потребности человека в росте своей личной коммуникабельности, превращение этой потребности в личную ценность. Интенсификация коммуникативных отношений вызывает рост напряженной *проблемности* мыслительной деятельности человека, в частности увеличивая зазор между рассудком и разумом. Осмысляя этот зазор, преодолевая его, человек создает свои проекты, которые, будучи реализованы посредством деятельности, реально изменяют тот или иной аспект природного мира и создают на его месте мир культурный. При этом на всех этапах происходит развитие способности человека критически осваивать среду, что усиливает разнообразие его деятельности. Возникает противоречие между вновь появившимися формами культуры и существующими социальными отношениями. Данное противоречие вызывает особое состояние, названное А. Ахиезером конструктивной напряженностью, «воплощение которого через воспроизводство, воспроизводственную деятельность субъекта направлено дезорганизации энтропийных процессов, на преодоление социокультурных противоречий, против превращения любого воспроизводства в деструктивное» [2, с. 230]. Конструктивную напряженность следует понимать как существенное напряжение между полюсами дуальной оппозиции; повышение этого напряжения, например, между негативным отношением к компьютерным технологиям и стремлением владеть ими в совершенстве; превращение этого напряжения в содержание сознания и деятельности личности, сообщества.

Говоря о коммуникации, следует выделить такой важный ее аспект, как *процесс* распространения информации, под которым понимается соучастие коммуникантов, их совместная деятельность, их определенная организация. Такая коммуникация имеет диалогическую форму. Именно в этом смысле она вызывает интерес Ю. Хабермаса и рассматривается им как направленная на выработку новых целей. Следовательно, в процессе такой коммуникации не просто фиксируется в понятиях социальная реальность как таковая, но поддерживается конструктивная напряженность, которая характеризуется как осо-

бая деятельность, программа человеческой активности, когда требуется отойти от того, что есть, от устоявшихся ценностных смыслов и осуществить прорыв к новым представлениям, к новым ценностям. Особенностью такого рода коммуникации как формы созидательного общения является то, что ее осуществляет коммуникативно действующий субъект, который постоянно осознает себя в сфере реальности, состоящей из повседневных действий, и который сам совершает разного рода действия, ориентированные на *Другого*. В данном случае коммуникация является тем механизмом трансляции социального в логическое, тем институтом, который обеспечивает взаимоотношения людей в их совместной жизнедеятельности, в том числе и функционирование самих коммуникативных систем. В таком контексте коммуникация выступает как определяющий фактор конструктивной напряженности, создавая предпосылки для углубленного понимания движущих сил развития личности, общества.

Интенсификация коммуникаций проявляет себя как активный фактор общественного развития, стимулирующий развитие разума. Но одновременно коммуникации могут нести противоположную тенденцию. Следовательно, интенсификация коммуникаций носит двойственный характер.

С одной стороны, возникает тенденция интенсификации коммуникативных процессов, включения в сферу своего влияния возрастающей массы людей; нарастание скорости ее получения, глубины интерпретации, диалогизации. Такие знания накапливаются в рамках отдельных наук (социологии, истории, экономики, культурологии и т.д.) и выступают как основа для формирования новых понятий. Они развиваются в рамках частных наук как результат синтеза разрозненных знаний, аспекты которого можно рассматривать как абстрактные моменты формируемого целостного понятия (научной категории). Эти понятия, разумеется, могут затем использоваться и в других науках. Например, понятие «информация» (от лат. *informatio* – сведения, разъяснения, изложение) обладает в наши дни широкой сферой употребления. Вхождению в научный обиход оно обязано гуманитарным наукам, а точнее, журналистике. В данной сфере деятельности в 20-е гг. XX в. возникла проблема социальной информации, связанной с массовой коммуникацией. Первоначальное толкование данного термина сводилось к значению «новость». Таким образом, на начальном этапе развития понятие информации приравнивалось содержательной стороне сообщения. Дальнейшее изучение информации связано с именами К. Шеннона и Н. Винера, чьи работы по теории информации дали почву для исследования количественного аспекта данного понятия. С этого момента понятие «информация» начинает расширять сферу своего применения, переходя в другие отрасли знания.

С другой стороны, роль интенсификации коммуникативных процессов в обществе столь велика, что этот подход недостаточен, необходим анализ интенсификации коммуникативных процессов как категории социальной философии. Рассматриваемое понятие по своей важности выходит за рамки отдельной науки и начинает носить характер всеобщей категории общественного целого. При интерпретации понятия «интенсификация коммуникативных процессов» как категории меняется содержание его определения, возрастает его обобщающий общесоциальный смысл, происходит возведение на другой уровень абстракции, возникает особая концепция социальной философии. В

усложняющемся мире двойственность перерастает в противоречия, накопление которых в обществе требует от личности способности им противостоять, их преодолевать. Однако усложнение несет в себе мощный потенциал повышения эффективности общества, который реализуется не автоматически, но как результат способности каждого человека превратить двойственность коммуникации в свою внутреннюю проблему, которая должна решаться личными усилиями. Интенсификация коммуникативных процессов становится важнейшим фактором развития общества, накопления его потенциала.

Усложнение коммуникаций приобретает форму развития многоязычной сети Интернет, обновления коммуникативной деятельности, получения новых знаний. Творческое их преобразование – довольно сложное и далее усложняющееся умение, которое стимулирует развитие соответствующих человеческих способностей (в первую очередь, способностей принимать эффективные решения), воплощаемых в культуре. В этой связи правомерно считать Интернет формой культуры. Проблема здесь заключается не просто в наличии разных культурных пластов и слоев в Интернете, но в существующих между ними границах и переходах, что стимулирует потоки новизны.

4 Особенность коммуникации в виртуальной реальности

В развитии коммуникационных технологий наблюдается качественный прорыв, связанный с активным распространением новых форм передачи и восприятия информации, получивших название «технологии виртуальной реальности». Виртуальная реальность, в которую человека вводит Интернет, лавинообразно охватывая все новые и новые сферы, становится своего рода символом действительности общества, на которую приходится реагировать. Данная коммуникационная система включает разнообразие систем отображения, это виртуализация реальности, где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания. Бесспорно, что Интернет способствует формированию у человека своеобразной гиперреальности, т.е. галлюцинации реальности, спектакля образов, потерявших изначальный смысл.

Поскольку общественное мнение выражается через коммуникативное поле, формируемое в большей степени Интернетом, то возникают определенные «зазоры», приводящие к тому, что случайное становится системным из-за акцента на нем в виртуальной реальности. Г. Почепцов отмечает следующую закономерность: «то, что попало в информационное поле и стало объектом внимания, становится более реальным, чем то, что не попало» [3, с. 543]. Отсюда следует, что коммуникация выступает в роли «мостика» как между разнообразием ситуаций в поле виртуальной реальности, так и между реальной и виртуальной действительностью. То есть те или иные переходы в виртуальной реальности имеют в качестве своего стимула те или иные переходы в реальной действительности и наоборот.

Особенностью коммуникации в Интернете является возможность ее существования в нетрадиционной форме. Интернет-текст не нуждается в распечатке, он позволяет связывать текстовую часть, аудио- и фотоматериалы, чертежи и карты в единое целое и создается как нелинейная форма представления и передачи знаний, воплощая переход от одной формы культуры к другой.

Развитие интернет-коммуникации, в частности электронной почты, оказывает свое влияние также на традиционные формы письменной и устной

коммуникации, а следовательно, становится фактором воздействия на культуру межличностного общения в целом, порождая противоречия между традиционными формами коммуникации и нетрадиционными. Наиболее показательными являются следующие процессы. Представляется возможным говорить о том, что электронное письмо как форма оперативного обмена информацией характеризуется сжатостью и краткостью, отказом от некоторых правил, принятых в традиционном письме. В электронном письме допустимы более простые и разговорные с точки зрения функционального стиля формулы. Следовательно, электронное письмо представляет собой диалог старого и нового, эпистолярного жанра и устной речи, обеспечивающей переход к новым формам культуры. Создается иллюзия того, что электронное письмо как бы имитирует устное общение. Однако это процесс неоднозначный. Как показывают специальные наблюдения, доступность и распространенность электронной почты приводит также к тому, что процесс устного общения (например, в рамках одной конкретной организации) вытесняется письменным общением через Интернет. В связи с этим следует отметить изменения словарного состава языка личности. Общение становится торопливым и предельно упрощенным. Как показывают исследования, смысл, извлекаемый получателем из сообщения, зависит не только от самого сообщения, но и от степени подготовленности языкового словаря получателя для восприятия такой информации. Когда человек получает какое-то сообщение, он прежде всего сравнивает содержащуюся в этом сообщении информацию со всей внутренней информацией. При этом сами механизмы поиска в глобальных сетях ведут к размыванию границ языкового словаря в предметных областях и, соответственно, снижению их объективности. Противоречие между внешней информацией и внутренней держит человека в состоянии конструктивной напряженности. Если деятельность по преодолению этого состояния конструктивна, то она приводит к установлению более прогрессивных социальных отношений, чем были ранее. Общество благодаря этому поднимается на более высокую ступень своего развития.

Таким образом, коммуникация в Интернете имеет противоречивую природу и воплощает в себе дуальную оппозицию «старое – новое», служит одновременно и продуцирующим социальный прогресс фактором, и фактором, сдерживающим чрезмерно быстрые социальные изменения.

При пользовании электронной почтой, участии в конференциях, форумах нивелируются некоторые параметры, составляющие часть личности в реальном общении (пол, раса, внешность, акцент). И еще один важный момент. Субъект в виртуальной коммуникации, как правило, пользуется псевдонимом, что не может не оказывать влияния на самоидентификацию личности. Результатом может стать развитие псевдоидентичности, т.к. в коммуникацию вступает не реальная личность, а та, за которую человек себя выдает.

С точки зрения самого процесса коммуникации важной чертой интернет-коммуникации является возможность общаться в реальном времени, преодолевая любое пространство. Новая коммуникационная система радикально трансформирует пространство и время, фундаментальные измерения социальной среды человека. Местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, вызывая к жизни пространства потоков, заменяющие пространства мест. Происходя в реальном времени, общение может быть

активным и интерактивным. По отношению к развитию временного фактора в интернет-коммуникации вполне применимо то понимание временного фактора, которое мы находим в трудах М. Бахтина. Он писал, что словесное, речевое произведение дает нам «ориентацию в данном контексте и в данной ситуации, ориентацию в становлении, а не ориентацию в каком-либо неподвижном пребывании» [4, с. 363]. В новой коммуникационной системе время стирается: прошлое, настоящее и будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом в одной и той же социальной среде.

Интернет как новая форма массовой коммуникации оказывает влияние на всю систему межличностного общения. Интернет может рассматриваться как средство развития интеллектуального и эмоционального самосознания человека, которое позволит в дальнейшем полнее раскрыть творческий потенциал саморазвития человека. Все большее распространение получает теория, согласно которой переработка и порождение идей происходит на ассоциативной основе. В этой связи многомерное пространство, которое создается формами подачи информации в Интернете (текст, звук, картинка, т.е. сочетание вербальных и невербальных форм), позволяет развивать более сложные смысловые и структурные связи на уровне его составляющих, нацеливать человека на тип конструктивной напряженности, воплощающий возможность перехода между любыми личностями, между институтами, между личностями и институтами во всех возможных вариантах. Правомерен вопрос, являются ли особенности коммуникации в Интернете развитием коммуникации, языка или, наоборот, их упрощением. С одной стороны, Интернет отражает тенденции стремительного развития, с другой – налицо негативные тенденции. В итоге становится очевидным, что тема соотношения позитивного и негативного в интернет-коммуникации требует специального исследования.

5 Интернет-перекресток культур

Интернет оказывается в центре проблематики «человеческого измерения» стремительно формирующегося информационного общества. Интернет изо дня в день сводит и сталкивает людей из разных социальных слоев и культур, дает возможность пересекать границы государств и культур. При этом люди оказываются не анонимами по отношению друг к другу, а воспринимают друг друга как конкретных личностей. Здесь следует иметь в виду Интернет в единстве всех его составных частей и аспектов, т.е., наряду с программным обеспечением, учитывать как передаваемую всевозможную информацию, так и людей и их организации (в том числе и преступные сообщества), действующих посредством сети Интернет. В этой связи, рассуждая по аналогии с примером Канта об «инструментальной» роли врача (врач может вылечить человека, а может его и погубить), можно сказать, что в целом сеть Интернет обладает потенциалом двойственности и результаты его воздействия складываются, с одной стороны, в зависимости от того, кто, что и кому передает, с другой стороны, от того, каким образом Интернет «сам по себе» влияет на человека и общество.

Интернет расширяет состав культурной аудитории, облегчает ей доступ ко всему накопленному богатству. В Интернете становятся подвижными границы между культурами и людьми, перемещающимися из одного культурного пространства в другое. Он связывает людей не какой-то единой для

всех культурой, в которой исчезают все различия, а правом каждого быть тем, кем он пожелает сам. Фактически человек оказывается на перекрестке культур, в ситуации перехода между культурами, ее основными формами: личностной культурой, локальной субкультурой, глобальной культурой. В этих условиях любая культура обретает шанс стать «моей» культурой, а граница между своим и чужим проводится личным выбором. В этом переходе субъект получает возможность обновления культуры. Возможно, происходит изменение образа жизни людей. Эту тенденцию отметил еще В. Библер, который писал, что человек «оказывается в *промежутке* различных встречных смысловых и ценностных кривых, а не точкой на единой траектории прогресса. Он должен сам решать за прошлое и на будущее» [5, с. 383]. Следовательно, налицо усиление феномена самодетерминации, когда человек самостоятельно принимает решение «быть или не быть».

Характерной чертой Интернета является то, что нет такой организации, которая могла бы быть ответственна за действия человека в коммуникативной сети в изоляции от других структур. На национальном уровне требуется взаимодействие всего общества как целого. Отсюда все возрастающее требование времени к тому, как и почему человечество все больше вовлекается в единый поток коммуникативных, культурных трансформаций при сохранении, развитии культурного многообразия.

Заключение

Массовая коммуникация стала одним из важных факторов в обществе, усиливая не только более мощные страны, но и давая шанс стать на равных странам второго и третьего мира. Рост зависимости от коммуникации наблюдается повсеместно, что вынуждает нас более внимательно относиться к ней. Резкая интенсификация коммуникативных процессов привела к новым положительным и отрицательным тенденциям в обществе. Коммуникация представляет собой особую форму массовой культуры, обладает транснациональным характером. Ее специфика заключается в том, что она заполнила собой нишу между личностью и динамикой культуры во всем ее объеме. Она ставит личность в центр растущего разнообразия, что открывает новые возможности личностного творчества, культурных инноваций. Обозначенная проблематика и является центральной, на наш взгляд, в теме усложнения, интенсификации коммуникаций, роста ее значения для развития личности, общества.

Список литературы

1. **Мамардашвили, М. К.** Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – Прогресс ; Культура, 1992. – 365 с.
2. **Ахиезер, А. С.** Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сибирский хронограф : в 2 т. – 1998. – Т. 2. – 594 с.
3. **Почепцов, Г.** Информационные войны / Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; Ваклер, 2000. – 576 с.
4. **Бахтин, М. М.** Тетралогия / М. М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 1998. – 607 с.
5. **Библер, В. С.** Замыслы : в 2 кн. – М. : РГГУ, 2002. – Кн. 1. – 879 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛОГА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Раскрыто формирование диалога в истории российской социальной философии как социокультурного явления, являющегося условием самосохранения, воспроизводства человечества. Прослеживается развитие идеи диалога от М. М. Бахтина, В. С. Библера до А. С. Ахиезера. Обосновываются характеристики многоплановости сущности диалога, указываются его потенциальные возможности как фактора динамики общества, что требует расширения и углубления познаний диалога как предмета социальной философии.

Введение

Осознание диалога как предмета искусства и философии уходит в глубокое прошлое. Оно восходит к элементу античной драмы, разговору между двумя, а со времен Софокла – тремя актерами. В центр теоретического мышления диалог попадает в древнегреческой философии: он осмысливается софистами, Сократом, Платоном, Аристотелем, философами эпохи эллинизма.

Диалог, выступая особым типом проявления общения, вбирает в себя характеристики исторически определенного общества. Античный этап развития диалога был показателем того, что мифологическое сознание оттеснялось философско-дискурсивным, критическим сознанием. Диалоги эпохи Возрождения показывают, что формируется новая парадигма, новый тип сознания, характеризующийся потребностью в осмыслении сущности человека. Это привело к открытию культуры как объекта социально-философского знания.

В. М. Межуев пишет: «Возрождение утвердило *антропоцентристскую* картину мира, в которой человек заполняет собой все пространство между природой и Богом... представляя тем самым не как сочетание двух разнородных субстанций – природной и Божественной... а как особая субстанция, несводимая к двум первым» [1, с. 49]. С этого момента возникает проблема диалога как базового концепта в социокультурном знании. И в этом плане развитие диалога как особого социокультурного явления прочно увязывается с развитием социокультурной сущности личности, путей ее формирования.

1 Диалог в концепциях классиков теории диалога

Классик теории диалога М. Бубер рассматривал бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром. Бубер считал, что диалог созидателен и спасителен, когда он осуществляется при посредстве Бога, его заповедей о нравственности и любви. Именно в этом диалоге выявляется жизненность и самого Бога. Исходным пунктом концепции Бубера служит диалогический принцип. Он провозглашает диалогическое отношение «сфера между» (*Sphäre des Zwischen*), которое есть исходная ситуация, где возникают подлинные смыслы. Человек обретает собственную сущность, только вбирая в себя всечеловеческое, соотнося себя с другими людьми. В концепции Бубера развивается диалектика человеческих взаимоотношений, где личность становится личностью путем усилий человека, изменяющегося в мире Ты-образного характера, т.е. в диалоге.

Наиболее ярким представителем русской диалогической философии является М. М. Бахтин. Система его взглядов сложилась в основном в 1920-х гг. в диалоге с важнейшими и определяющими тенденциями в развитии русской культуры и культуры Запада на рубеже XIX и XX столетий. Бахтин исследовал и творчески переосмыслил творчество Платона, Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, неокантианцев, Л. Фейербаха и других мыслителей, изучавших процесс общения, проблему диалога. Он во многом сумел опередить свое время и предугадать дальнейшие пути развития мышления: по-своему уловил и сформулировал парадигму гуманитарного мышления и бытия человека в мире, ставшую сущностной характеристикой нашего столетия. Для Бахтина «чужое я» – это не просто объект, а другой субъект. Он делал акцент на «Другом»: «Я» осознает и становится самим собой, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого; «Я» существует лишь потому, что есть «другой», для которого мое «я» – «ты» [2]. Уже здесь закладывается основа рассмотрения диалога как предмета социальной философии.

Одной из причин, почему составляющей характеристикой межличностного диалога для Бахтина служит именно равноправность и симметричность позиций вступающих в общение людей, является принципиальная невозможность достижения иным путем истинно личностного уровня общения: личность нельзя «подсмотреть, определить и предсказать» помимо ее воли, «заочно», «подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [3, с. 79]. Однако без взаимопонимания равноправие в диалоге может оказаться чисто формальным. Понимание выступает в качестве главного *средства* осуществления диалога. Поэтому проблема понимания занимает в концепции диалога Бахтина не менее важное место, чем проблема «Я и Другой».

Важной для нас оказывается мысль Бахтина о том, что диалог, диалогическое понимание есть основа не только общения между людьми в реальной действительности, но также – один из важнейших принципов и обязательных этапов в изучении человека как личности и личностных форм общения. В этом случае исследователь «сам становится участником диалога, хотя и на особом уровне (в зависимости от направления понимания или исследования)» [2, с. 305].

Бахтин разрабатывает методологию изучения взаимоотношений культур, в частности диалога культур. По Бахтину, каждая культура живет только в вопрошании другой культуры, великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Способность одной культуры осваивать достижения другой – один из источников ее жизнедеятельности. «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются... но они взаимно обогащаются» [2, с. 334–335]. Подражание чужой культуре или полное неприятие ее должны уступить место диалогу. Для обеих сторон диалог двух культур может быть плодотворным. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые

смысловые глубины» [2, с. 335]. В этом плане диалог культур может быть выдвинут как предмет интереса социальной философии.

В развитии мирового социокультурного процесса важную роль играет диалог Запада и Востока, который приобрел в современных условиях всечеловеческую значимость. В этом диалоге Россия играет особую роль, являясь своеобразным мостом, связывающим Европу и Азию. В российской культуре продолжается процесс синтеза восточных и западных культурных традиций. Двудеиная природа российской культуры позволяет ей быть посредником между Востоком и Западом. В этой связи диалог, согласно Бахтину, может переходить в синтез, слияние разных точек зрения или позиций в одну общую. Поэтому необходимость диалога является условием самосохранения, воспроизводства человечества. Это не только характеризует многоплановость сущности диалога, но и указывает на его потенциальные возможности как фактора динамики общества.

2 Новые тенденции в осмыслении диалога

Методология изучения диалога, разработанная в трудах М. М. Бахтина, положена в основу концепции В. С. Библера, предпринявшего попытку сочитать бахтинскую идею диалога культур с логикой (диалектикой).

Понятие «Другой» делается ключевым для философии Библера, поскольку личность становится личностью и познает себя как таковую только в соотнесенности с «Другим». Для личности культура выступает как «форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [4, с. 289]. Самодетерминация полагает воспроизводство субъекта при постоянном расширении и углублении его субъектной представленности, самосознания при изменении и усложнении пространства диалога. Тем самым Библиер раскрыл потенциальные возможности и роль диалога в развитии отношений в обществе. В этом плане диалог представляет интерес для социальной философии.

По Библиеру, деятельность, динамика мышления невозможны без диалога. Можно сказать, что диалог – это условие, средство, без которого любая человеческая деятельность, общество распались бы в результате разрушения общего основания. Диалог, образующий как логически, так и исторически начало человеческой деятельности, бесконечно приближается к идеалу, когда осознают его самоценность, понимают как условие, средство и цель саморазвития человека и общества.

Понять суть диалога – значит выявить его движущие силы, заставляющие человека непрерывно спорить с собой; вступать в общение с ближними и дальними и таким образом изменять себя, общество, основы человеческих отношений; развивать способности субъекта воспроизводить себя; преодолевать опасный разрыв между причинной и смысловой детерминацией своей деятельности, все, что угрожает культурному основанию диалога. Человек постоянно вступает в противоречие со смысловым аспектом деятельности, например со своей верой в содержание «исторической необходимости», с «обреченностью», со своим представлением о воле богов и т.д. Но одновременно он постоянно вступает в противоречие с причинами своей деятельности, например с принуждением внешней силы, голодом, недостаточностью ресурсов как детерминирующим факторами и т.д. Тем самым постоянно выявляется разрыв, раскол между разными аспектами культуры, деятельности,

их взаимоотталкивание. Эти процессы осваиваются культурой и тем самым становятся ее содержанием, проблемой. Отсюда неуклонно возрастающая напряженная направленность мысли на механизм этого явления. Эта угроза превращается в «логическую катастрофу» [4, с. 137], т.е. в распад ранее сложившегося всеобщего, связанной с ним логики. Опасность дезорганизации мышления личности переходит в изменение его программ деятельности, решений, что может изменять отношения между людьми внутри сообщества-субъекта.

Современная наука все чаще говорит о рисках, опасностях, угрозах катастроф разных типов. Библер объясняет причину этих тревожных толков ограниченностью логических решений. Однако он полагает, что никакая логика не приводит к абсолютному решению, каждая из них дает лишь приближенное. Попытка рассматривать целое как результат множества и одновременно попытка рассматривать множество как результат расчленения этого целого всегда в той или иной степени расходятся между собой. В любом логическом разуме образуется явление, которое Библер обозначает такими словами, как зазор, антиномия, промежуток, пропасть, лакуна. Если этот зазор перейдет некоторый порог, то возникает опасность или угроза. Возникновение опасностей, угроз в обществе – результат решений, проектов, программ, основанных на логике, ведущей к логической катастрофе. Отсюда возможность социокультурных катастроф, вплоть до национальных.

Внутренний диалог вскрывает зазоры и является механизмом возникновения новой логики. Ее появление опирается на все накопленное богатство культуры, на способность людей, погружаясь в нее, создавать произведения: не только книги, картины, идеи, но и новые связи, формы общения, диалоги. Хотя Библер говорит о произведении прежде всего как о результате внутреннего общения (внутри культуры), оно неизбежно выходит за его рамки, касается сферы связей людей, общественных отношений. Способность создавать произведения Библер рассматривал как суть культуры. Вся мировая культура предстает перед человеком как возможность получения желаемого результата через произведения, соединяющая по-новому любые элементы культуры, невзирая на пространственные и временные различия ее элементов. Культура как бы в каждый миг одновременно предстает во всей своей всемирно-исторической глубине, разнообразии, что открывает безграничные творческие возможности субъекта. Человек как бы вживляет себя в произведения искусства, в живопись, музыку, поэтическую речь, он транслирует свою способность общения, вживляя в свое бытие иное бытие. Поиск логики основывается на способности субъекта постоянно устанавливать новые связи во всем богатстве искусства, в которое он втягивается произведениями. Это непрерывно действующее массовое творчество открывает путь пытливому квалифицированному, ответственному субъекту для поиска новой логики. Но тем самым философия Библера создает принципиально новую методологическую основу для анализа общества. Библер впервые рассматривает общество с точки зрения специфики человека как субъекта логики самодетерминации.

Таким образом, идею диалога Библер перенес в сферу мышления, полагая, что каждая культура мыслит по собственной логике. Поэтому логика диалога между ними может быть только диалогом логик. А диалог разных логик – это диалогика. В этой связи диалог, который вначале рассматривался в значительной степени как внутренний диалог, должен интерпретироваться

во внешний диалог, т.е. диалог между людьми, институтами, между общественными организациями и государством. Тем самым концепция диалога, изменяющего отношения людей, приобретает ярко выраженный, социальный характер, а В. Библер признается социальным мыслителем, открывшим путь к рассмотрению диалога как категории социальной философии.

Дальнейшее развитие идея диалога получает в работах А. С. Ахиезера, который рассматривает необходимость превращения диалога в процесс *диалогизации*, в самоизменяющийся диалог в единстве формирования новых смыслов и новых отношений, их перехода друг в друга. Диалог у Ахиезера приобретает сложный исторический процесс, характеризуемый ростом значимости диалога, его организационных форм в истории общества. Этот диалог очень сложен, т.к. каждый новый виток диалога изменяет условия, предпосылки его следующего витка. Все это выдвигает проблему диалога в центр проблематики познания общества, рассмотрения диалога через методологию социальной философии. Тем самым создается предпосылка выдвижения диалога как ядра социально-философской концепции.

Культура выступает прежде всего как внутренний диалог, как работа человека над постоянным переосмыслением накопленного культурного богатства, над его саморазвитием. Это возможно лишь как процесс потенциально бесконечной интерпретации субъектом в тенденции ранее сложившейся культуры, переосмысления ранее сложившихся смыслов. Современные представления о культуре свидетельствуют, что человек практически имеет дело лишь с постоянно им самим интерпретируемой во внутреннем диалоге культурой. Без интерпретации нет освоения культуры, т.е. нет культуры как содержания личного сознания, деятельности [5]. Этот внутренний диалог переходит во внешний, т.е. облекается в форму социальных отношений.

Социально-философская концепция Ахиезера указывает на жизненную важность напряженной ориентации на способности человека к диалогизации. Суть его концепции заключается в осознании человеком, что он может существовать, воспроизводить себя лишь самореализуясь, как субъект способности к диалогизации. Развитие этих способностей требует соответствующих институтов, осознания всеми и каждым, что развитие ответственной и квалифицированной личности есть условие, средство выживаемости общества, единственный путь предотвращения опасности внутренних логических катастроф.

Ахиезер развивает идею Библера, что развитие мышления может быть понято как выявление сути переходов между различными логиками культур. Это позволяет раскрывать тенденцию диалогизации, исторического развития общества, что одновременно включает постоянное самоизменение, взаимопроникновение внутреннего и внешнего диалога, формирование вектора диалогизации, т.е. возрастание значимости диалога на всех уровнях общества, качественно изменяющего через личность все общество.

3 Диалог как фактор развития личности

Личность как субъект саморазвития складывается в процессе проблематизации общества. Проблематизация жизни общества означает, что проблемы должны решаться на основе и в связи с наиболее значимыми противоречивыми социальными процессами. В результате усложнения проблем каждая личность становится центром диалога, стимулирующего развитие твор-

ческого потенциала. Логически исходной точкой начала собственно человеческого развития индивида является момент, когда он начинает общаться с миром через самоидентификацию, самоопределение. Самоидентификация, в свою очередь, стремится к повышению уровня развития самосознания индивида, его способности осознавать себя, свое «Я», свое место в социальной среде. Погружаясь в глубины своего «Я», человек пытается критически оценить свою роль в социальной среде, мире. Формирование личности интерпретируется как способность и готовность человека идентифицировать себя в диалоге: диалоге культур, диалоге языков – внутреннем и внешнем. Диалог выступает как главная способность мышления, т.е. движения к новому смыслу в результате встречи с другим субъектом. Эта способность выступает как человеческая форма отношений, общения и одновременно как метод разрешения проблем. Функционирование в обществе инноваций подчинено закономерностям диалога. Потребность в диалоге формирует человеческую деятельность. Например, специалист в области истории философии А. Пэйси считает, что передача технологии в сферу другой культуры есть диалог [6]. Следовательно, диалог представляет собой путь формирования способностей человека разрешать все более сложные проблемы, отвечать на проблематизацию совершенствованием своих способностей проникаться инновациями.

Чтобы подняться до уровня самопонимания как самотворчества, необходимо рефлексивное, исследовательское отношение к себе и окружающей среде. Диалогическое понимание культуры предполагает наличие общения с самим собой как с другим. Внутренний микродиалог является составной частью идеи диалога культур. Переход внутреннего диалога во внешний приводит к тому, что изменение личности в усложняющемся обществе вызывает сдвиги в масштабе сообществ, общества в целом. Таким образом, диалог выступает как важнейший источник разнообразия человеческого мира, его условий, средств и целей, является условием творческого развития личности, а в конечном итоге общества в целом.

Необходимость изучения диалога в современном усложняющемся мире как все более жизненно важного общественного явления, как предмета социальной философии обусловлена значительным усложнением диалога. В частности, с одной стороны, наблюдается более выраженная разнообразная субъектная представленность участников диалога, с другой – разнообразие связей между ментальностью субъекта и культурно-историческим полем общества, обусловленное необходимостью осмысления внутренних сил и действующих факторов в формировании позиций, способностей субъектов диалога, носителей разных культурных традиций.

4. Значение социально-философского изучения диалога

Исторический опыт России показывает, что сегодня нужны новый подход, новая культурная атмосфера, формирование нового научного основания изучения все более сложного общества. Необходим поворот к идеологии, ориентированной на личностное саморазвитие, прежде всего нравственное, на повышение квалификации и углубление ответственности. Нужна работа общества над своеобразным переходом к осознанию ценности диалога как фактора саморазвития личности, диалогизации внутренних и внешних отношений. При этом следует учесть, что требования осваивать ценности диалога сами постоянно развиваются. В литературе отмечается всеобщность надежд

на диалогизм. В. С. Швырев пишет: «Пространство диалоговой коммуникативной метарациональности, ориентированной на организацию конструктивного социального взаимодействия различных претендующих на рациональность позиций, – вот форма как рациональности социального действия, так и социального познания» [7, с. 154]. Конечно, являясь одним из способов социального конструирования реальности, диалог и диалогизация не всегда способны осуществить эту функцию успешно. Возможны и неудачи. Ю. Хабермас отмечает, что «теория коммуникативного действия... направляет диалектику знания и незнания в русло удачных или неудачных попыток взаимопонимания» [8, с. 334], а не обязательно гарантирует успех. Но диалог «дает хотя бы перспективу развития» [9, с. 30]. Следовательно, диалог обладает двойственностью. С одной стороны, он является единственно возможным способом разрешения противоречий в обществе, с другой – порождает новые различия и конфликты, затрагивающие сферу культуры. Эту двойственность необходимо исследовать методами социальной философии.

Исследование диалога приобретает форму изучения диалогизации, т.е. роста масштабов и значимости диалога в обществе, усложняющемся высокими темпами. Развитие общества по пути диалогизации вносит коренные изменения в формирование проблем, решений. Диалогизация отношений на всех уровнях общества является неременным условием и предпосылкой превращения развития в предмет социальной философии, в предмет всеобщего обсуждения.

Диалог, рассмотренный как механизм изменения противоречивого единства культурных и социальных отношений, является одновременно механизмом критики представления о целом с позиций бесчисленных частей и, наоборот, частей с позиций целого. Тем самым диалог может предотвратить реальные опасности распада общества на часть и целое. Все это требует расширения и углубления познаний диалога в его динамике.

Список литературы

1. **Межуев, В. М.** Идея культуры. Очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
2. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. **Бахтин, М. М.** Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Советский писатель, 1963. – 364 с.
4. **Библер, В. С.** От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1991. – 413 с.
5. **Ахиезер, А. С.** Россия: критика исторического опыта : в 2 т. / А. С. Ахиезер – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. – Т. 2. – 594 с.
6. **Pacey, A.** Technology in World Civilization: A Thousand-Year History / A. Pacey. – Cambridge : MIT Press, 1990. – 238 p.
7. **Швырев, В. С.** Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность / В. С. Швырев. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.
8. **Хабермас, Ю.** Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2003. – 415 с.
9. **Рац, М. В.** Диалог в современном мире / М. В. Рац // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 20–32.

СОЗНАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ

Исследована категория социальности, которая рассмотрена через призму постклассического трактования сознания и деятельности. Методологической базой работы послужили идеи отечественных философов и психологов: А. В. Брушлинского, В. В. Давыдова, Ю. В. Громыко, В. С. Библера, В. А. Лекторского и В. Е. Кемерова. Сделан вывод об определяющей роли категории субъекта и субъект-субъектных взаимоотношений.

Агрессивное методологическое вмешательство теории деятельности в социальные процессы породило универсалистические настроения. В качестве универсальной социальной категории деятельность предстала в работах не только философов-марксистов (М. С. Каган, В. П. Иванов, В. П. Ярышкин, И. С. Кон, М. Я. Ковальзон), но и современных философов (К. Х. Момджян, Е. К. Быстрицкий, В. Е. Кемеров, Л. А. Зеленов, Г. В. Лобастова). Ахиллесовой пятой большинства вышеперечисленных философов является трактование социальности только как доминанты общества, без учета всех уровней взаимодействия общественного и индивидуального, особенно при пренебрежении последним. В итоге, например, такой существенной категории, как личность, предназначается только пассивная роль объекта.

За последние десятилетия в теории деятельности произошел ряд «прорывов», ценность которых еще до конца не осмыслена. В первую очередь следует выделить работы А. В. Брушлинского, В. В. Давыдова, Ю. В. Громыко, В. С. Библера и В. Е. Кемерова. Идеи, предложенные ими, позволяют отойти от классической интерпретации вопросов деятельности, сознания и социальности и сформировать новую (постклассическую) картину социальности.

«Социальность», как отмечает А. В. Брушлинский, «это социальность всех взаимодействий человека с миром (с обществом, с природой, с другими людьми и т.д.) – его индивидуальности, свободы, ответственности т.п.»; «это всегда неразрывные взаимосвязи между людьми во всех видах активности...» [1, с. 22, 93]. Каждый человек, выходя за пределы уже достигнутого уровня культуры, развивая ее далее, делает это, опираясь на уже достигнутую базу. Таким образом, любой человеческий индивид не менее социален, чем группа или коллектив.

Но Брушлинский идет дальше: у него социальна даже психика [1, с. 23]. Эта уникальная целостность природного и социального, составляющая сущность человека и его психики, возникла в ходе антропо- и социогенеза и развивается дальше в процессе истории человечества и жизненного пути каждой личности. В итоге социальное, общественное и индивидуальное соотносятся у Брушлинского как всеобщее, особенное и единичное. Основой их единства является «субъект социальности». По сути, этим снимается оппозиция между антропо- и социоцентризмом, что было отмечено Е. В. Семеновым [2].

При таком соотношении социального и общественного особенно явно выступает противоречивость индивида как деятельного субъекта. Он

всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, суверенен, относительно обособлен. Он и объект этих влияний, и субъект, в той или иной степени воздействующий на общество. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость: лишь будучи субъектом, человек может стать объектом (предметом).

«Субъект» у Брушлинского – это не отдельный человек, а «все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государства, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом». Помимо этого, «субъект – это человек, люди на высшем (специфически для каждого) уровне активности, целостности, автономности и т.д.». Следовательно, согласно выводу Брушлинского, этот высший уровень всегда «индивидуализирован» в реальных условиях [1, с. 94].

Любой человек может стать субъектом по мере «выделения» себя из окружающей действительности и противопоставления себя ей как объекту созерцания, познания, действия. Быть субъектом – «значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и добиваться необходимых результатов» [1, с. 94]. Таким образом, человек как субъект – это высшее интегративное единство всех его противоречивых качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. [1, с. 9].

Такая трактовка субъекта позволила на онтологическом уровне преодолеть сложившийся раскол на естественно-научный (Г. П. Щедровицкий, И. С. Ладенко, Н. Г. Алексеев, В. А. Костеловский) и гуманитарные (М. С. Каган, В. П. Иванов, И. С. Кон, Ф. Т. Михайлов) векторы в понимании не только категории субъекта, но и категории деятельности.

В этой связи представляются интересными исследования становления «внутреннего мира», предпринятые английским психологом Р. Харре, и идеи В. В. Давыдова об интериоризации [3, 4]. Харре показывает, что традиционное противопоставление субъективного и объективного вообще (и в психологии в частности) сейчас теряет свой смысл. Однако существование «внутреннего мира» необыкновенно важно для понятия культуры. Ибо только на основе этого «мира» и может существовать «Я» как «единство индивидуальной биографии и центр принятия свободных решений». Активно применяя идеи Выготского в составе своей концепции, Харре обосновывает неотделимость деятельности от соответствующих речевых актов, которые как бы вплетены в реальные практические действия и сами рассматриваются как действия. В свою очередь, для того чтобы возник «внутренний мир», сама идея «внутреннего» должна сначала возникнуть в культуре, осуществиться в формах коллективной деятельности.

Идея внутреннего мира означает и другое. «Возможны культуры и формы деятельности (и соответствующие им формы коммуникации), при которых индивид может участвовать как агент в коллективной деятельности и вместе с тем не обладать Я и внутренним миром как субъективно сознаваемым», – отмечает В. Лекторский [5]. Иначе этот процесс В. Е. Кемеров называет «полисубъектностью» [6]. Согласно ему, мы живем в «Мире», расколотом на множество частей, «Мире» мозаичном и лоскутном. Части мозаики не просто конкурируют между собой – они иногда отрицают друг друга. Более того, определенные части «Мира» подчас относятся к параллельным реаль-

ностям. Разные участники одновременно существуют в разных временных и пространственных координатах.

Такую постклассическую трактовку социальной реальности, позволяющую по-новому взглянуть на проблему деятельности, в настоящее время развивают В. Е. Кемеров и Т. Х. Керимов [7]. Эти авторы также развивают идею о том, что социальная реальность обладает некоторыми специфическими атрибутами: социальным временем и социальным пространством. Субстанциональной основой всей социальной реальности выступает «субъектность человеческих индивидов, а не только их присутствие в социальности» [7, с. 76]. Человеческие индивиды рассматриваются как «ядерные структуры социальности», обеспечивающие динамику социального бытия.

Такой подход к пониманию социальной реальности и социальной природы представляется весьма и весьма плодотворным.

Изменение интерпретации деятельности от производственно-трудовых к собственно жизнедеятельностным, жизнепрактическим задачам может означать только одно: сегодня предметом целенаправленных изменений становятся не просто новые объекты, а «объекты, до этого момента незыблемые: семья, системы родства, формы общежития, генетическая основа человека, сам человек с его различными способностями и функциями» [8, с. 116]. Деятельностный же подход позволяет ставить практический вопрос о воспроизводстве всех этих жизнедеятельностных предметов: субъекта, личности, семьи, структур родства (через память о родстве), мыследеятельности [8, с. 116].

Наиболее полно указанные идеи нашли свое отражение в работах Ю. В. Громыко. Опираясь на деятельностный подход, он совершенно по-новому решает проблему взаимосвязи человека и социальных институтов. Его мыследеятельностный подход позволяет представить социальные институты и человека как «систему способностей и особых деяний – действий в виде конкретных требований к организации процессов мышления, коммуникации, действия в конкретных ситуативных контекстах» [8, с. 117]. В результате этого реально изменяются границы «человеческого в человеке».

Переход от жизнедеятельностных проблем в деятельностном подходе к мыследеятельностным (а Громыко – ученик Щедровицкого) позволяет по-новому взглянуть на вопросы деятельностной теории сознания и мышления. С этой стороны важнейшим направлением изучения мышления является анализ его эволюционно-процессуальных и коммуникативно-сетевых механизмов. Так как знания – «это особые структуры и связки процессов мышления, понимания и рефлексии» [8, с. 116], мышление постепенно конденсируется, уплотняется и аккумулируется в сетевых структурах коммуникативного общения. В этих структурах накапливается «смысл», который в дальнейшем может давать эффект понимания, а затем его переход в мышление.

В. В. Давыдов, ссылаясь на работы окказионалистов (А. Гелинкс, Н. Мальбранш), предлагает ввести в этом случае идею «взрыва непосредственности», в результате которого для сознания возникают видения операциональной фактуры и организации мыслительных действий. Сам «взрыв непосредственности» происходит внутри особых идеальных структурированных действительностей, которые обладают высоким уровнем систематической структуриации и организации [9, с. 120].

С другой стороны, в процессе мышления начинает выходить конкретная личность («субъект мышления» у Брушлинского), которая одновременно

и включена в сложнейший полилогический процесс коммуникации, и в то же время сама ставит и решает свои мыслительные задачи, предъявляя ответы на них внутри коммуникативных сетевых структур.

Продвижение и развитие мыследеятельностного подхода, представлений о коллективной мыследеятельности требует развития деятельностной теории сознания. Давыдов считал, что деятельностный подход требует выдвижения абсолютно новой теории сознания, «которая:

- 1) позволяла бы схватить связь сознания с преобразующим действием;
- 2) ставила бы сознание в отношении к схемам, символам, знакам, а также различным типам семиозиса;
- 3) ...определяла бы функции сознания в системе общественных, коллективных отношений» [9, с. 140].

Эти три аспекта, определяющие необходимость разработки функции и строения сознания в деятельности, должны быть объединены с представлением В. П. Зинченко о бытийно-деятельностном слое сознания, в который входят биодинамическая ткань действия, чувственная ткань образа и рефлексивно-созерцательный слой сознания, включающий значения и смыслы [10]. С точки зрения Громыко, бытийным слоем сознания являются и процессы действия, и процессы мышления, и процессы коммуникации. У каждого из них есть своя биодинамическая и чувственная ткань, а «рефлексивно-понимающе-созерцательный слой» сознания пронизывает все эти три процесса, обособляясь от них на основе формирования особой вообразительно-созерцательной фактуры, конденсирующейся на основе сверток-результатов понимания. Результаты понимания, представленные в виде замкнутых завершенных структур, и образуют смыслы [8, с. 120].

Следующий немаловажный этап эволюции представления о сознании связан с закреплением за сознанием механизма дименсионализации – построения и введения нескольких измерений. Идеально вообразительные сферы и среды сознания могут выделяться и выступать в виде автономных систем, конденсируя на себе результаты процессов понимания и выражения их в знаках. Для того чтобы закрепить за сознанием механизм дименсионализации, сознание должно обладать определенной формой организации:

- 1) процессуально-организованное сознание, способное восстанавливать реальное протекание и осуществление процессов, имея перед собой некоторый результат;
- 2) инструментальное сознание, способное выделять на основе рефлексии средства построения и организации процессов мышления, действия, коммуникации;
- 3) сознание, обладающее полиматериальной организацией, обеспечивающее синтез и смысловое сращивание разных материалов: смыслов, схем, понятий и т.д.
- 4) сознание, создающее и удерживающее несколько разных измерений, является проблематизирующим сознанием, способным выделять и удерживать отсутствие знания, понятия, мысленного средства и тем самым разделять нормальную ситуацию (в которой применяются отработанные понятия и знания) и аномальную ситуацию (в которой нет понятий и знаний);
- 5) сознание, являющееся открытым к восприятию и пониманию других форм и типов организации сознания.

На основе описанной формы организации сознания Ю. В. Громыко совместно с Институтом учебника «Пайдейя» в монографии «Выготскианство за рамками концепции Л. С. Выготского» предложил программу изучения механизма дименсионализации [11].

Результатом этой программы стал отказ от идеи интериоризации как основного механизма развития сознания. «В ситуации коллективного мышления при организации взаимопонимания, коллективного мышления нет ничего внешнего и внутреннего, а есть, – выделяет Громыко, – постоянная система переходов от того, что индивидуализировано, к тому, что может быть обобществлено (принято и воспринято) коллективом или партнерами по коммуникации и наоборот» [8, с. 121]. Но, несмотря на такое «обобществление», сохраняются как слои и уровни сознания и осмысления («сенсомоторные коды» у В. П. Зинченко), которые не могут быть переданы в пользование коллективу, так и система представлений, освоенная общностью, но не принимаемая индивидом.

Отсюда со всей остротой встает проблема конституирования субъекта-агента коллективной деятельности, способного занимать определенную позицию и ставить четкие цели для всей коллективной общности. В сетевых структурах таким главным действующим лицом становится активная личность (креатор), вокруг которой формируются общности, союзы, коалиции. В основе этих сообществ оказываются множественные «интерфейсы» (межлицевое пространство), в которых посредством предъявляемых персональностей личности оказываются «лицом к лицу» и происходит «сочетание сознаний» (М. М. Бахтин). Через множественные интерфейсы выстраиваются практические конциенции (сюнэйдзисы у Бахтина), дающие дополнительные возможности для личности. В дальнейшем создается сообщество как институализированное усилие личностей, направленное на организацию процессов конциентизации. Этот процесс, помимо работ М. М. Бахтина, подробно анализируется в работах Э. В. Ильенкова, а на современном этапе – Ю. В. Крупнова и П. Фрейре.

Конциентизация предполагает включение личности в систему процессов, действие в структуре которых может приводить к появлению новообразований сознания и мышления, к росту и продвижению самого сознания. Каждая личность при этом может свободно институализировать себя, обрести свою форму.

Обладая изначально целостным взглядом на единство «Мира» и человека (полихотомичность «Мира» – это свойство человеческого мышления), креатор в своей деятельности использует и то, и другое как конкретный инструмент. Предлагая свою идею, он одновременно выстраивает для нее необходимые временные структуры (конструкторские, производственные, торговые) и механизмы (схемы работы), которые и воплощают его идею в жизнь.

Современный философ-практик С. Б. Чернышев любит приводить в качестве примера компьютерную корпорацию «Дэлл» – одну из крупнейших в США [12]. У «Дэлл» нет ни одного своего завода по производству компьютеров. У нее нет своих бухгалтеров, складов, дилерской сети: все эти функции выполняют фирмы-подрядчики на условиях аутсорсинга, которые «Дэлл» не принадлежат. У данной компании есть только брэнд, банковские счета и залы для заседаний. Тем не менее, акции «Дэлл» стоят больше, чем акции РАО «ЕЭС», владеющего сотнями электростанций. Почему? Потому что

«Дэлл» владеет предпринимательской схемой производства товаров и услуг. В собственности этой корпорации находится не только уникальная схема взаимоотношений между ними. «Дэлл» также имеет потенциальную возможность производства уникальных товаров.

Всеобщность, универсальность деятельности в этом случае довольно точно отмечает В. С. Библер: *«Всеобщее, универсальное в человеческой предметной деятельности имеет смысл лишь тогда, когда его вторым полюсом является уникальность каждого предмета в соответствии с данной целью, с данным индивидуальным человеком, с данным уникальным субъектом, с его особенностями»* [13].

Но у данного процесса есть и обратная сторона, прямо касающаяся теории деятельности. Воплощение идеи креатора возможно только при условии функциональной интеграции всех основных видов деятельности, их слияния в нечто единое, целостное, в универсальный поток человеческой деятельности. Таким образом, в современном обществе на смену действию все чаще приходит метадействие деятельности – метадеятельность. Косвенным фактором, подтверждающим это, может служить тот факт, что сейчас невозможно истолковать такие разнообразные феномены, как, например, культура, общение, творчество или сознание, не прибегая к понятию деятельности.

Список литературы

1. **Брушлинский, А. В.** Проблемы психологии субъекта / А. В. Брушлинский. – М. : Ин-т психологии РАН, 1994.
2. **Семенов, Е. В.** Эвристическое значение оппозиции антро- и социоцентризма / Е. В. Семенов // Психологический журнал. – 1994. – № 6. – С. 23.
3. **Харре, Р.** Социальная эпистемология: передача знаний посредством речи / Р. Харре // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 49–50.
4. **Давыдов, В. В.** Деятельностная теория мышления / В. В. Давыдов. – М., 2005. – С. 95.
5. **Лекторский, В. А.** Деятельностный подход: смерть или возрождение? / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 65.
6. **Кемеров, В. Е.** Политсубъектная реальность / В. Е. Кемеров // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия : материалы третьего Российского философского конгресса: в 5 т. – М. : Рабочие тетради, 2001. – Т. 3. – С. 76.
7. **Кемеров, В. Е.** Грани социальности: постклассический взгляд / В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – Екатеринбург : У-Фактория, 1999.
8. **Громыко, Ю. В.** Деятельностный подход: новые линии исследований / Ю. В. Громыко // Вопросы философии. – 2001. – № 2.
9. **Давыдов, В. В.** Последние выступления / В. В. Давыдов. – М. ; Рига : ПЦ «Эксперимент», 1998.
10. **Зинченко, В. П.** Психологическая педагогика : в 2 ч. / В. П. Зинченко. – Самара : Изд-во СГПУ, 1998. – Ч. 1. – С. 13–14.
11. **Громыко, Ю. В.** Выготскианство за рамками концепции Л. С. Выготского / Ю. В. Громыко. – М. : Пайдеия, 1996. – С. 139–140.
12. **Чернышев, С. Б.** Россия, собственность, идея / С. Б. Чернышев. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 86–87.
13. **Библер, В. С.** Самостоянье человека: «предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида / В. С. Библер. – Кемерово: Кемеровское кн. изд - во, 1993. – С. 68.

ОНОМАСТИКОН А. А. ДЕЛЬВИГА: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ (МАТЕРИАЛЫ К «СЛОВАРЮ ЯЗЫКА А. А. ДЕЛЬВИГА»)¹

В статье осуществлен целостный анализ особенностей использования имен собственных в художественных произведениях, литературно-критических статьях и эпистолярии известного представителя «пушкинской плеяды», издателя альманаха «Северные цветы» и «Литературной газеты» Антона Антоновича Дельвига. Проведенное исследование позволило не только установить характерные творческие предпочтения А. А. Дельвига, но и выявить особенности его работы с художественным словом, понять специфику его интереса к отечественной и зарубежной истории, российской и мировой культуре.

Введение

Литературное наследие поэта «пушкинской плеяды» А. А. Дельвига (1798–1831) включает в себя художественные произведения (стихи, драматические отрывки, прозу), критические статьи и переписку. Целью настоящего исследования является изучение ономастикона Дельвига в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта подготовки словаря языка писателя. В связи с существенными различиями круга имен собственных, использованных автором в художественных и иных текстах, рассмотрение дельвиговского ономастикона будет осуществлено в два этапа.

В первой части работы исследуются имена собственные, употребленные в художественных произведениях Дельвига. Сплошная выборка лексем в основном осуществлялась по изданию 1959 г. [1]. Приняты во внимание имена собственные, встречающиеся в поэтических сочинениях Дельвига, не вошедших в данную книгу. По первым публикациям рассмотрены «Послание к Илличевскому» [2, с. 183] и стихотворение «К И. И. Пущину (4-го мая)» [3, с. 391]. Вместе с тем нами не учтены: 1) текст ошибочно включенного в издание 1959 г. стихотворения «К Морфею» [1, с. 168–169], автором которого является Н. И. Гнедич [4, с. 17–23]; 2) тексты выполненных Дельвигом переводов драматических отрывков (второе действие трагедии Лонжпьера «Медея» и начало третьего действия трагедии Александра Гиро «Маккавей») ввиду того, что выбор имен собственных обусловлен здесь художественным оригиналом; 3) материалы ранних редакций, вариантов и планов.

Во второй части исследования осуществлено выборочное рассмотрение фактов использования Дельвигом имен собственных в литературно-критических статьях и письмах, собранных с возможной полнотой в издании 1986 г. [5].

---

¹ Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 07-04-00172а «Словарь языка А. А. Дельвига»).

1 Имена собственные в художественных произведениях А. А. Дельвига

При полном учете и систематизации ономастического материала, встречающегося в художественных произведениях Дельвига, мы исходили из следующих положений:

1. Словосочетания, включающие в себя краткие и полные прилагательные, образованные от имен собственных, типа «малороссийская мелодия», «фалернское вино», «пиндарские оды», во внимание не принимались. Исключение составляют те случаи, когда Дельвиг, акцентируя внимание на ономастической сущности притяжательного прилагательного, писал его с прописной буквы, например: «Екатеринин век», «Нарцизовой красой», «Аидова обитель», «Эротовы тайны», «Дианов гнев», «Медузиной силы», «Миконов сатир», «Гименовы свечи», «Шекспирово влияние», «Ладин конь», «Глинкины стихи», «Кипридины жертвы».

2. Наричательные употребления имени собственного не учитывались в тех случаях, когда слово написано в тексте со строчной буквы и использовано во множественном числе: «Вы ж, зоилы, трепещите, – // Помните, кто я» («Утешение бедного поэта», 1819). Если имя собственное обрело нарицательный оттенок, однако не утратило основных характеристик, оно включалось в словник. Так, в стихотворении «К Диону» символично упомянуты Ир и Крез: Ир – нищий, герой гомеровской «Одиссеи», имя которого стало нарицательным обозначением бедняка; Крез – богатый царь Лидии, символ достатка.

3. Употребление мифонима в форме единственного числа и написание его с прописной буквы становятся основанием для включения в словник: «...долго, подобно *Наяде*, // Зримая только по грудь, Амарилла стремленьем неслася» («Конец золотого века», 1828); «Несчастлива *Нимфа* воздыхает» («К поэту-математику», 1814). Упоминаемые Дельвигом «музы», «аониды», «камены», «хариты», «нимфы», «пизэриды» и т.п. не учитываются. Слово «перуны» имеет в сознании Дельвига отдаленную мифологическую связь со славянским божеством, обозначает молнию, «громовую стрелу», а потому остается вне рамок нашего исследования.

4. Имена нарицательные, употребленные возвышенно и написанные с прописной буквы (к примеру, лексема «Поэт» в одноименном стихотворении 1820 г.), не учитывались. В тех случаях, когда нарицательное существительное обретало значение имени собственного, оно принималось во внимание: житель Острова (имеется в виду Васильевский остров), Судьбина (единственное в своем роде величественное живое существо) и др.

5. Некоторые слова используются поэтом как имена античных божеств и как обычные существительные с отвлеченным значением: Гений и гений, Фортуна и фортуна, Гармония и гармония. В этом случае учитываются только имена божеств.

6. Тожественные по значению имена собственные включались нами в одно «гнездо»: Вакх – Бахус – Либер – Бассарей – Лиэй (бог вина и веселья), Киприда – Амагузия – Венера – Кипра – Киферея – Цитерея (богиня красоты и любви). Ключевым словом в этом случае становилось то, которое чаще других употреблялось в произведениях поэта. В одно «гнездо» включались также различные упоминания одного исторического лица: Кюхельбекер В. К. – Кюхельбекер – Вильгельм – Клит (лицейское прозвище); Федоров Борька (Федоров Б. М.) – Борис – Борька. В раздел «Российская топонимика» в числе

прочих включены имена собственные, содержащие топонимические элементы; они сгруппированы в «гнезда» в соответствии с принадлежностью к топонимам.

7. Фонетические варианты типа Зевс/Зевес указывались через косую черту.

8. В случае если дельвиговское начертание лексемы расходится с общепринятым в настоящее время, для облегчения понимания в скобках указывалось традиционное написание слова: Дон-Кишот (Дон-Кихот), «Федора» («Федра»), Лаэртид (Лаэртид), Ерусалим (Иерусалим) и т.п.

9. Принимались во внимание имена собственные, употребленные в пояснениях к заголовкам («С. Д. П-ой (при посылке книги «Воспоминание об Испании», соч. Булгарина)») и в пометах рядом с датой («Лицей» под стихотворением «Пиит и эхо»; «Роченсальм, в Финляндии» под «Застольной песней» («Ничто не бессмертно, не прочно...»); «Ревель» под сонетом «Что вдали блеснуло и дымится?...»).

10. Имена собственные, употреблявшиеся Дельвигом в различных значениях, включались нами в разные разделы. Например, Мозель – департамент во Франции и марка вина, Клит – полководец Александра Македонского и лицейское прозвище Кюхельбекера.

11. Встречающиеся в диалогических произведениях (стихотворение «На смерть В...ва», идиллии «Конец золотого века», «Отставной солдат», сцена «Ночь на 24 июня» и др.) мнимые имена персонажей – носителей индивидуальной речи (Солдат, Офицер, Он, Мертвая и др.) – не учитывались. Вместе с тем были учтены бесспорные имена собственные, используемые в подобных ремарках, – Елеонора, Гений, Тассо.

12. Имена собственные из сочетаний слов вычленились по формальному признаку. Если в тексте говорилось о «певце Онегина» и «певце Пиров», то в словник включались лексемы «Онегин» и «Пир», поскольку именно они были употреблены Дельвигом. Вместе с тем в указанных устойчивых сочетаниях слов подразумевались не конкретные произведения, а их авторы – А. С. Пушкин и Е. А. Баратынский.

С учетом семантических особенностей все имена собственные сгруппированы нами в четырнадцать разделов. После каждой лексемы в словнике указываются: специфика значения (по необходимости), языковое происхождение (по необходимости), число словоупотреблений. Нами использовались следующие условные сокращения: гр. – греческое, рим. – римское, англ. – английское, ит. – итальянское, исп. – испанское, нем. – немецкое, перс. – персидское, порт. – португальское, сканд. – скандинавское, слав. – славянское, фр. – французское, швейц. – швейцарское, ОЧС – общее число словоупотреблений (для лексем, входящих в «гнездо»).

Словник

1. Греко-римские мифологические имена: Аврора, рим., 2; Адонис, гр., 1; Актеон, гр., 1; Амфион, гр., 1; Аргус, гр., 3; Арей, гр., 2 – Марс, рим., 2; Борей, гр., 2 – Аквилон, рим., 1; Вакх, гр., 10 – Бахус, рим., 5 – Либер, рим., 3 – Бассарей, гр., 2 – Лизь, гр., 1: ОЧС = 21; Вулкан, рим., 1 – Гефест, гр., 1; Гармония, гр., 1; Геба, гр., 2; Гелиос, гр., 3; Гений, рим., 5; Гера, гр., 1 – Ира, гр., 1 – Юнона, рим., 1; Геркулес, рим., 1; Гимен, гр. и рим., 5 – Гименей, гр. и рим., 4: ОЧС = 9; Грация, рим., 1; Диана, рим., 4 – Делия, гр., 2 – Цинтия,

гр., 2: ОЧС = 8; Зевс/Зевес, гр., 13 + 12 – Жизнедавец, 1 – Кронион, гр., 1 – Кронид, гр., 1: ОЧС = 28; Игея, гр., 3; Кастор, гр., 1; Киприда, гр., 11 – Ама- тузия, гр., 4 – Венера, рим., 4 – Кипра, гр., 1 – Киферея, гр., 1 – Цитерея, гр., 1: ОЧС = 22; Климена, гр., 1; Леда, гр., 4; Медуза, гр., 2 – Горгона (в значении «Медуза»), гр., 1; Мельпомена, гр., 1; Мидас, гр., 1; Мом, гр., 1; Морфей, гр., 5; Нарциз (Нарцисс), гр., 1; Наяда, гр., 1; Немезида, рим., 1; Нептун, рим., 1; Нимфа, гр., 1; Океан, гр., 1; Орк, рим., 1 – Плутон, гр., 1; Орфей, гр., 2; Пал- лада, гр., 3; Пан, гр., 2; Пегас, гр., 4; Поллукс, гр., 1; Помона, рим., 1; Проме- тей/Промефей, гр., 1 + 1; Рея, гр., 2; Семела, гр., 2; Сизиф, гр., 3; Силен, гр., 1; Талия, гр., 1; Урания, гр., 2; Фазтон, гр., 1; Феб, гр., 15 – Аполлон, гр., 7: ОЧС = 22; Фетида, гр., 1; Филида (Филлида), гр., 4; Филомела (в значении «соловей»), гр., 3; Флора, рим., 1; Фортуна, рим., 3; Харон, гр., 2; Хрон, гр., 4 – Крон, гр., 3; Эндимион, гр., 1; Эол, гр., 1; Эрмий, гр., 7 – Меркурий, рим., 2: ОЧС = 9; Эрот, гр., 18 – Амур, рим., 14 – Купидон, рим., 6 – Эрос, гр., 4 – Приап (в значении «Эрот»), гр., 1 – Цифрепор (в значении «Эрот»), гр. или рим., 1: ОЧС = 44; Япет, гр., 1.

2. *Славянские и скандинавское мифологические имена*: Догода, слав., 3; Зимцерла, слав., 4; Лада, слав., 12; Лед, слав., 4; Лель, слав., 3; Проно (видо- измененное имя Перуна), слав., 1; Святовид, слав., 2; Фенрис, сканд., 1; Яга (в значении «богиня войны»), слав., 1. При описании славянских божеств по- эт использовал данные французской мифологии [см.: 6, с. 115–118].

3. *Условно-мифологические имена*: Амарилла, 16; Бавий, 1; Дамет, 4; Дамон, 7; Дафна, 18; Дафнис (имеет прочную литературную традицию), 1; Дион, 5; Дорида, 4; Зоя, 4; Лесбия (по ассоциации с названием о. Лесбос), 1; Лида, 2; Лидий, 2; Лидия, 6; Ликидас, 4; Ликориса, 7; Лида, 4; Лилета, 14; Лициний, 1; Людмила (условный антропоним в тексте со славянскими мифо- логическими именами), 1; Мелетий, 3; Микон, 12; Ниса, 2; Палемон, 7; Теми- ра, 6; Титир, 4; Фани, 2; Филинт, 3; Финиас (от имени мифологического Фи- нея, указавшего путь аргонавтам), 1; Харита (здесь – имя жестокосердной земной девушки; в греческой мифологии харитами называли прислужниц Венеры, даривших радость и очарование), 7; Хлоя (имеет прочную литера- турную традицию), 13; Цефиз, 6; Эльвира, 1.

4. *Античные названия*: Авзония, ит., 1; Айдес, гр., 3 – Аид, гр., 2; Александрийская школа, гр., 1; Алфей, гр., 3; Аркадия, гр., 4; Зефир, гр., 1; Иллис (Илис), гр., 1; Коцит, гр., 2; Лета, гр., 5; Олимп, гр., 8; Парнас, гр., 10; Пафос, гр., 1; Пинд, гр., 5; Стикс, гр., 4 – Стигийские берега, гр., 1; Троя, гр., 4; Хаос, гр., 2; Элизиум, гр. и рим., 3 – Елисейские сады, гр., 1 – Ели- сейское царство, гр., 1.

5. *Персоналии античного мира*: Алцей (Алкей), гр., 1; Анакреон, гр., 1; Виргилий (Вергилий), рим., 1; Гераклит (Гераклит из Эфеса), гр., 1; Гиппо- крат, гр., 1; Гомер, гр., 1 – Омер, гр., 1 – Омир, гр., 1; Гораций, рим., 2 – Флакк, рим., 3; Катулл, рим., 1; Клит, гр., 1; Крез, 1; Пиндар, гр., 5; Платон, гр., 2; Фидий, гр., 2.

6. *Зарубежные персоналии*: Беранже, фр., 2; Бландшард (Бланшард), фр., 1; Боало (Буало), фр., 1; Гафиз (Хафиз), перс., 1; Геснер, швейц., 1; Гете, нем., 1; Жанлис, фр., 1; Камоэнс, порт., 1; Колин (Коллин), нем., 1; Невтон (Ньютон), англ., 1; Расин, фр., 1; Руссо, фр., 1; Сади (Саади), перс., 1; Сен- Томас (Сен-Тома), фр., 1; Сервантес, исп., 1; Тассо, ит., 2 – Тасс, ит., 2 – Тор- квато, ит., 2; Шекспир, англ., 2; Элеонора, ит., 2.

7. *Отечественные персоналии (значимые фигуры общественной жизни)*: А. Е. И. (Измайлов А. Е.), 1 – Александр Ефимыч, 1; Александр (Александр I), 2; Армениус (прозвище; имеется в виду Кошанский Н. Ф. или Каченовский М. Т.), 1; Баратынский (Баратынский Е. А.), 3 – Баратынский Евгений, 1 – Евгений, 5 – Б., 1 – Е., 1: ОЧС = 11; Булгарин (Булгарин Ф. В.), 1; Василий Львович (Пушкин В. Л.), 2; В...в (Веневитинов Д. В.), 1; Витгенштейн (Витгенштейн П. Х.), 1; Глинка Ф. Н., 1 – Глинка, 1 – Федор Глинка, 1; Гнедич Н. И., 1; Горчаков (Горчаков А. М.), 1 – Г., 1; Григорович В. И., 1; Дельвиг (Дельвиг А. А.), 4; Державин (Державин Г. Р.), 11; Екатерина (Екатерина II), 1; Жуковский (Жуковский В. А.), 1; Илличевский А. Д., 2 – Илличевский, 2; Керн (Керн А. П.), 1; Княжевич (имеется ввиду Владислав Максимович Княжевич либо Дмитрий Максимович Княжевич), 1; Коншин (Коншин Н. М.), 1; Крылов (Крылов А. А.), 2; Кюхельбекер В. К., 1 – Кюхельбекер, 2 – Вильгельм, 3 – Клит (лицейское прозвище), 2: ОЧС = 8; Мария (вдовствующая императрица Мария Федоровна), 1; Мелецкий (Нелединский-Мелецкий Ю. А.), 1; Олин (Олин В. Н.), 2; Орестов (Сомов О. М.), 1; Плетнев (Плетнев П. А.), 1 – П***, 1; Пожарский (Пожарский Д. М.), 1; Пушкин А. С., 2 – Пушкин, 12: ОЧС = 14; Пушин И. И., 1 – Пушин, 1; Святослав (Святослав II), 1; Спасский Григорий (Спасский Г. И.), 1; Федоров Борька (Федоров Б. М.), 1 – Борис, 1 – Борька, 2; Хвостов (Хвостов Д. И.), 2 – Свистов, 1; Херасков (Херасков М. М.), 1; Цертелев (Цертелев Н. А.), 1; Шаховской (Шаховской А. А.), 1; Языков Н. М., 1; Яковлев (Яковлев М. Л.), 1.

8. *Отечественные персоналии (круг общения, окружение Дельвига)*: А. М. Т-ой (неизвестная женщина), 1; А. Н. В-ф (Вульф Анна Н.), 1; Агафон (Ефимов А., кучер), 2; Анна Львовна (Пушкина А. Л.), 2; Бируков (Бируков А. С.), 1 – Бирюков, 2; Волконская (Волконская Т. А.), 1 – Танюша, 1 – Т. В., 1; Гладкий (Гладков И. В.), 1; Глазунов (Глазунов И. П.), 1; И. А. Б-ому (Баратынский И. А.), 1; Карелина А. Н., 1; Кильштетова (Кильштетова Е. А., в замужестве Боровкова), 1 – Елена, 3 – Е. А. Б...вой, 1; Колосова, м<ладшая> (Колосова А. М.), 1; Красовский (Красовский А. И.), 3; Лиза (Полторацкая Е. П.), 1; Лизавета Львовна (Сонцова Е. Л.), 1; Матвей Михайлович (Сонцов М. М.), 1; Моденов (петербургский домовладелец), 1; Ольга (неизвестная женщина), 1; Ольга Сергеевна (Пушкина О. С.), 1; П. А. Спа-кой (Спаская П. А.), 1; Полторацкий (хозяин таверны в Курске), 1; Поль фон (Поль К. К. фон), 1; Пушкин Лёв (Пушкин Л. С.), 1 – Лев Сергеевич, 1; С. Г. К-ой (неизвестная женщина), 1; Савич (Савич Н. И.), 4; София (Пономарева С. Д.), 2 – С. Д. П-ой, 1; Т-ву (предположительно, Таушев А. Ф.), 1; Тимковский (Тимковский И. О.), 1; Шульгин (Шульгин И. П.), 1; Щербинина Е. П., 1.

9. *Библия и библейские имена*: Библия, 3; Бог, 1; Давид (иудейский царь), 1; Крещение, 1; Мессия (в значении «Бог»), 1; Николин день (Никола Зимний, день Святого Николая Чудотворца), 1; Саваоф (в значении «Бог»), 1; Соломон (царь Израильско-Иудейского государства), 8 (Об использовании Дельвигом библейских имен подробнее см. в [7, с. 148–151]).

10. *Континенты, страны, государства*: Азия, 1; Америка, 1; Афины (Афины Древние; город-государство в Аттике), 2 – Афиня, 1; Восток, 2; Европа, 1; Египет, 1; Запад, 1; Индостан (в значении «Индия»), 1; Иран, 1 – Персия, 1; Испания, 1; Колхида (название Западной Грузии), 1; Литва, 1; Россия, 7 – Русь, 1; Сицилия, 1; Спарта (древний полис, превратившийся в ре-

зультате завоеваний в крупное государство в южной части Пелопоннеса), 2; Средняя Азия, 1; Финляндия, 1.

11. *Зарубежная топонимика*: Альпы, 3; Дунай, 1; Ерусалим (Иерусалим), 1; Мозель (река и департамент во Франции), 1; Париж, 5; Рейн (Рейн), 1; Роченсальм, 1; Силистрия (Силистра), 1; Требио (Треббия), 1.

12. *Российская топонимика*: Бельт, 1; Вильна (Вильно), 1 – Виленская больница, 1; Волга, 3; Киев, 1; Курск, 3; Малороссия, 1; Москва, 10 – Марьяна роща, 1; Петербург, 1 – Петрополь, 1 – Питер, 1 – Конная (улица в Петербурге), 1 – Остров (Васильевский остров), 1 – Пески (район Петербурга), 3 – Семеновский полк (в значении «Пятая рота Семеновского полка», впоследствии – Рузовская ул.), 1; Ревель, 1; Сибирь, 3; Харьковский институт (Харьковский институт благородных девиц), 1; Хорол, 1; Царское Село, 1 – Царскосельский лицей, 1 – Лицей, 3 – Царский сад, 1.

13. *Литературные персонажи, названия произведений и периодических изданий*: «Алманзор» (несохранившееся лицейское сочинение В. К. Кюхельбекера), 1; Антология (в значении, тождественном названию конкретной книги – сборника стихов греческих авторов), 1; Баян (Боян), 3; «Воспоминания об Испании» (книга Ф. В. Булгарина), 1; Горацио, 1; Дон-Кишот (Дон-Кихот), 1; Душенька (главная героиня одноименной поэмы И. Ф. Богдановича), 1; «Изяслав» (несохранившееся лицейское сочинение А. М. Горчакова), 1; «Илиада», 1; Ир, 1; Лаэртид (Лаэртид), 1; «Лицейский мудрец» (рукописный журнал лицейстов), 1; Нестор, 1; Онегин, 1; Орест, 1; Офелия, 1; «Пирь» (поэма Е. А. Баратынского), 1; «Поликсена» (трагедия Коллина), 1; «Полорд» (несохранившееся лицейское сочинение С. С. Есакова), 1; Психея, 2; «Руслан и Людмила», 1; «Северные цветы» (альманах), 1; Селадон, 1; Скилийские Сирены (Скилийские сирены), 1; «Теласко» (несохранившееся лицейское сочинение В. К. Кюхельбекера), 1; «Федора» («Федра», трагедия Расина), 1; Цирцея, 1.

14. *Прочее*: Аи (сорт шампанского), 1; Алгебра, 1; Алина (вымышленное имя героини), 1; Амика (кличка собаки), 6; Ванька (вымышленное имя героя), 1; Геометрия, 1; Доминго (кличка собаки), 2; Змей (знак зодиака), 1; Коран, 1; Кузьминишна (вымышленная героиня), 1; Лев (знак зодиака), 1; Мария (вымышленное имя героини), 3; Мозель (марка вина), 1; Пронская (вымышленная героиня), 1; Рок, 1; Серебренов (вымышленный герой), 1; Скорбь, 1; Судьбина, 1; Там (имя божества, образовавшееся в результате использования приема олицетворения наречий места и времени), 6; Теперь (имя божества, образовавшееся в результате использования приема олицетворения наречий места и времени), 3; Терпенье, 1; Тур (знак зодиака), 1; Фантазия, 1.

Некоторые итоги изучения словника подведены нами в таблицах 1–3. Они позволяют получить общее представление о круге имен собственных, употребленных в художественных произведениях Дельвига.

Таким образом, в ономастиконе художественных произведений Дельвига очевидным является преобладание античных, в особенности греческих, имен собственных. «Его муза была в Греции; она воспитывалась под теплым небом Аттики; она наслушалась там простых и полных, естественных, светлых и правильных звуков лиры греческой», – писал о творчестве Дельвига И. В. Киреевский [8, с.55]. А. С. Пушкин в одном из произведений сказал о друге, что он «славянин молодой, грек духом, а родом германец» [9, с. 245]. Подтверждением приведенных цитат может стать, в частности, и наше исследование языка Дельвига.

Таблица 1

Семантическая группа	Количество слов	Процент от общего объема словника	Количество словоупотреблений	Процент от общего числа словоупотреблений	Средняя частота словоупотреблений
Греко-римские мифологические имена	95	23,99	274	30,18	2,88
Славянские и скандинавские мифологические имена	9	2,27	31	3,42	3,44
Условно-мифологические имена	32	8,08	169	18,61	5,28
Античные названия	21	5,31	63	6,94	3,00
Персоналии античного мира	16	4,04	25	2,75	1,56
Зарубежные персоналии	20	5,05	26	2,86	1,30
Отечественные персоналии: значимые фигуры общественной жизни	56	14,14	100	11,01	1,79
Отечественные персоналии: круг общения, окружение Дельвига	36	9,09	48	5,29	1,33
Библия и библейские имена	8	2,02	16	1,76	2,00
Континенты, страны, государства	20	5,05	29	3,19	1,45
Зарубежная топонимика	27	6,82	30	3,30	1,11
Российская топонимика	9	2,27	15	1,65	1,67
Литературные персонажи, названия произведений и периодических изданий	24	6,06	43	4,74	1,79
Прочее	23	5,81	39	4,30	1,70
ВСЕГО	396	100,0	908	100,0	2,29

Таблица 2

Семантическая группа	Греческие			Римские			Греко-римские		
	Количество слов	Количество словоупотреблений	Частота словоупотреблений	Количество слов	Количество словоупотреблений	Частота словоупотреблений	Количество слов	Количество словоупотреблений	Частота словоупотреблений
Греко-римские мифологические имена	70	203	2,90	21	60	2,86	3	10	3,33
Античные названия	19	59	3,11	-	-	-	1	3	3,00
Персоналии античного мира	11	17	1,55	4	7	1,75	-	-	-
Континенты, страны, государства	4	6	1,50	1	1	1,00	-	-	-
Литературные персонажи	9	10	1,11	-	-	-	-	-	-
ВСЕГО	113	295	2,61	26	68	2,62	4	13	3,25

Происхождение слов	Количество слов	Процент от общего объема словника	Количество словоупотреблений	Процент от общего числа словоупотреблений
Греческие	113	28,54	295	32,49
Римские	26	6,57	58	7,49
Греко-римские	4	1,01	13	1,43
Условно-античные	31	7,83	168	18,50
ВСЕГО	174	43,95	544	59,91

2 Имена собственные в литературно-критических статьях и эпистолярной А. А. Дельвига

Обилие имен собственных, использованных Дельвигом в литературно-критических статьях и письмах, заставило нас ограничиться обращением к избранной лексике семантических групп «Русские писатели», «Зарубежные писатели», «Периодические издания», «Художественные произведения», «Исторические лица».

В критических статьях, создававшихся в основном в 1830 г. и публиковавшихся в «Литературной газете», чаще других русских писателей упоминаются А. С. Пушкин (29 раз), Ф. В. Булгарин (16), Н. М. Карамзин (11), Н. И. Гнедич (6), А. А. Дельвиг (6), Г. Р. Державин (6), В. А. Жуковский (6), Н. А. Полевой (6), Е. А. Баратынский (5), П. А. Вяземский (5), И. А. Крылов (5), А. Ф. Мерзляков (5); названы и имена далеких литературных предшественников: А. Д. Кантемира (3), М. В. Ломоносова (3), В. К. Тредьяковского (Тредиаковского; 3), И. Ф. Богдановича (2), В. В. Капниста (2), А. П. Сумарокова (2), Д. И. Фонвизина (2), Симеона Полоцкого (1), И. И. Хемницера (1). В переписке Дельвига фамилии авторов XVIII в. отмечаются крайне редко и в связи с современными событиями: по одному разу названы И. Ф. Богданович, М. В. Ломоносов и Ф. А. Емин (Эмин). Имена литераторов-недоброжелателей упоминаются в письмах также относительно нечасто: Н. А. Полевой – 8 раз, а Ф. В. Булгарин – 10. Здесь наиболее часто употребляемыми оказались фамилии А. С. Пушкина (52), Е. А. Баратынского (38), П. А. Вяземского (26), А. А. Дельвига (20; подписи под письмами не учитывались), В. А. Жуковского (18), П. А. Плетнева (15).

Семантическая группа «Зарубежные писатели» нашла достойное отражение в дельвиговской критике. Из числа известных литераторов в статьях Дельвига упомянуты: Шекспир (13), Вальтер Скотт (10), Гораций (9), Шиллер (9), Гомер (6), Вергилий (4), Расин (3), Гете (2), Данте (2), Коцебу (2), Лафонтен (2), Мюссе (2), Овидий (2). В письмах Дельвиг редко обращался к наследию представителей зарубежной литературы: дважды названы только Д'Арленкур, К. Делафинь и Шиллер, по одному разу – Байрон, Бокачио (Боккаччо), Вольтер, Геснер, Гомер, Данте, Жанлис, Овидий, В. Скотт, Шекспир.

Внимание Дельвига-критика привлекали периодические издания литературных оппонентов: «Северная пчела» (13), «Московский телеграф» (11), «Сын Отечества» (5). О «Литературной газете» и альманахе «Северные цветы» Дельвиг упоминал существенно реже – соответственно 9 и 2 раза. Иначе обстоят дела с перепиской, основная часть которой связана именно с выпуском дельвиговских изданий: «Северные цветы» (28), «Литературная газета» (9), «Подснежник» (1), а также «Денница» (4), «Северная пчела» (1), «Сын Отечества» (1).

В литературно-критических статьях велась активная полемика с Ф. В. Булгариным и Н. А. Полевым, что отразилось на частотности упоминания произведений литературных противников: «Иван Иванович Выжигин» Ф. В. Булгарина назван 13 раз, «История русского народа» Н. А. Полевого – 9, «Димитрий Самозванец» Ф. В. Булгарина – 7. Среди произведений прошлого Дельвигом отмечены гомеровские «Илиада» (4) и «Одиссея» (2), «Золотой осел» (1) Апулея, «Гамлет» (1) и «Ромео и Юлия» («Ромео и Джульетта»; 1) Шекспира, «Телемахиды» (1) В. К. Третьяковского, «Мои Пенаты» (1) К. Н. Батюшкова, «Горе от ума» (2) А. С. Грибоедова. Дельвигом размышлял о сочинениях А. С. Пушкина, в особенности о «Борисе Годунове» (11), «Полтаве» (6), «Бахчисарайском фонтане» (3), «Евгении Онегине» (2), «Цыганах» (2). Интересным является то обстоятельство, что в переписке также преобладают названия пушкинских произведений: «Евгений Онегин» (10), «Цыгане» (6), «Борис Годунов» (3), «Кавказский пленник» (1), «Бахчисарайский фонтан» (1).

Дельвигом отмечены в статьях те исторические персоналии, которые непосредственно связаны с художественными произведениями, подвергавшимися анализу: Борис Годунов (5), Самозванец (4), Петр Великий (2), Карл XII (1), Кочубей (1), Мазепа (1). Ассоциации с прошлым вызвали упоминания в письмах Иуды Искариотского (1) и Орлова-Чесменского (1). Все остальные исторические лица, отмеченные Дельвигом (Александр I, А. Х. Бенкендорф и др.), легко соотносимы с близкой автору действительностью.

Все сказанное передает лишь частицу богатства и многообразия имен собственных, встречающихся в языке Дельвига. К примеру, в письме М. А. Максимовичу, относящемся к началу февраля 1830 г., Дельвигом используется интересную игру слов. Употребленная им лексема «Люцифер» в переводе с латинского означает «светоносец», однако в средневековой демонологии является одним из имен дьявола. В текстах статей и писем встречаются и многие хорошо знакомые по художественным произведениям слова – Парнас, Феб, Орест, Пилад, Амур, Венера и т.п. Таким образом, ономастикон Дельвига отражает не только эрудицию автора, но и его работу со словом, интерес к отечественной и зарубежной истории, российской и мировой культуре, процессам общественной жизни первой трети XIX в.

Список литературы

1. Дельви́г, А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Дельви́г. – Л. : Сов. писатель, 1959.
2. Теревенина, Р. Е. Поступления в лицейское собрание пушкинского фонда / Р. Е. Теревенина // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1972. – Т. 31. – № 2.
3. Пу́цин, И. И. Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пу́цин. – М. : ГИХЛ, 1959.
4. Вацу́ро, В. Э. История одной ошибки / В. Э. Вацу́ро // Русская речь. – 1988. – № 5. – С. 17–23.
5. Дельви́г, А. А. Сочинения / А. А. Дельви́г. – Л. : Худ. литература (Ленингр. отделение), 1986.
6. Жа́ткин, Д. Н. Мифоним как «чужое слово» в языке писателя (на материале поэзии А. А. Дельвига) / Д. Н. Жа́ткин // Александр Сергеевич Пушкин и русский литературный язык в XIX–XX веках : тез. докл. Международной научной конференции / отв. ред. М. А. Грачёв. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского гос. лингвистического ун-та, 1999.
7. Жа́ткин, Д. Н. Библейская фразеология в поэзии А. А. Дельвига и Е. А. Баратынского / Д. Н. Жа́ткин // Коммуникативно-прагматические

аспекты фразеологии : тез. докл. Международной научной конференции / под ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 1999.

8. **Киреевский, И. В.** Избранные статьи / И. В. Киреевский. – М. : Современник, 1984.
9. **Пушкин, А. С.** «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?..» // Собрание сочинений : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1959. – Т. 2.

К ВОПРОСУ О ЕДИНИЦАХ ЧЛЕНЕНИЯ ТЕКСТА

Рассмотрена актуальная проблема сегментации текста и выявления единиц его членения. В качестве основной единицы текста предлагаются сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац, предикативно-релятивный комплекс. В иерархию единиц текста включается и синтагма, которая признается универсальной единицей.

В последнее время интерес лингвистов стал привлекать речевой акт, задачей которого является воздействие на определенного адресата. Процесс общения как передача и восприятие информации невозможен без расчленения информации на относительно законченные кванты, иначе передача и восприятие информации потеряли бы смысл.

Статус основной единицы коммуникации приписывается тексту. Коммуникативная лингвистика вплотную занимается решением важнейших проблем организации текста, его смысловой и формальной структуры, в том числе и задач, позволяющих создать базу для его оправданной делимитации. Факт членения текста на дискретные единицы не вызывает сомнения, членимость текста является его имманентной категорией. Членение высказывания является одним из основных средств интонации, которое способствует оптимальному пониманию текста, его модальных и эмоциональных оттенков. В этом плане проблема сегментации текста и выявления единиц членения является чрезвычайно актуальной. Далеко не случайно Р. К. Потаповой предложено выделение сферы теоретических и практических разработок в области сегментации речи в отдельный раздел сегментологии, что призвано помочь «сконцентрировать усилия всех специалистов, занимающихся проблемами микро-, медиа- и макросегментации речевого высказывания» [1].

В качестве основных единиц звучащего текста большинство исследователей выделяет либо сверхфразовое единство, либо высказывание.

Конституентом текста считается сверхфразовое единство (СФЕ), которое понимается как сложное структурное единство, состоящее более чем из одного самостоятельного предложения, обладающее смысловой целостностью в контексте связной речи и выступающее как часть завершенной коммуникации. Существуют различные типы сверхфразовых единств, определяемые двумя факторами: видами составляющих единства предложений и характером связи между ними. Эти два фактора могут зависеть от функционально-стилевой и жанровой принадлежности текста, от индивидуальной манеры автора и т.п.

Обоснование выделения в качестве минимальной единицы именно сверхфразового единства дается при рассмотрении СФЕ и предложения, которое тоже выдвигается в лингвистике в качестве минимальной единицы текста. Предложение рассматривается только в качестве конституента сверхфразового единства. Предложение, являясь единицей более крупного отрезка высказывания, не может одновременно быть и составной частью целого, объединяющего такие отрезки. Отрезкам, которые больше, чем предложение, присущи определенные закономерности, которые и возводят их в ранг единиц языка. Сверхфразовому единству приписывается особый статус. СФЕ пред-

ставляет собой «сложную структурно-семантическую единицу, коммуникативная значимость которой не является результатом простого сложения составляющих ее самостоятельных предложений». Предложение «растворяется в СФЕ, теряет свою самостоятельность в тех случаях, когда в нем нет никаких дейктических элементов» [2, с. 70].

Как резюмирует И. Р. Гальперин, предложение – конститuent сверхфразового единства, а СФЕ – конститuent текста. «Подобно тому, как предложение способно указать на взаимодействие и взаимосвязь значений слов, его составляющих, СФЕ способно указать на взаимодействие и взаимосвязь смыслов предложений, его составляющих» [2, с. 71].

Примерно то же понимание минимального конститuenta текста, только в иных терминах, мы находим у ряда других исследователей. Предлагаемые ими единицы являются, по сути, синонимами сверхфразового единства и определяют более крупную, чем предложение, единицу.

Прозаическая строфа – это группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное, чем отдельное предложение, развитие мысли. Прозаическая строфа – наименьшая единица стиля. В художественном произведении, в публицистике именно строфа, а не предложение является наименьшим художественным целым.

Реальной синтаксической единицей связной монологической речи оказывается обычно не предложение, а группа предложений, образующих авторское высказывание. Этой группе предложений дается название «сложное синтаксическое целое» (ССЦ).

В ряде работ сверхфразовое единство отождествляется с абзацем и уже абзац принимается за минимальную единицу членения текста. Под абзацем понимается семантико-стилистическая единица, которая выражает сложное, комплексное высказывание, характеризующееся единством содержания. Членение текста на абзацы, исходя из его содержания, рассматривается как наиболее соответствующее его коммуникативному заданию.

Некоторые ученые в качестве основной единицы текста выделяют еще более крупные единства – предикативно-релятивный комплекс (ПРК), объединяющий несколько сверхфразовых единств. В качестве основного принципа выделения ПРК выступает принцип смысловой дискретности.

Таким образом, в качестве основной единицы текста предлагаются такие единицы членения, как сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац или даже более крупное единство – предикативно-релятивный комплекс, т.е. единицы, во всех случаях большие, чем предложение-высказывание.

При выявлении минимальных единиц, выступающих носителями интонационных признаков системы языка, предложенные единицы не приемлемы в силу сложности их структуры. Крупные единицы могут быть подвержены дальнейшему членению. Границы этих единиц зависят от средств и способов связи между предложениями, входящими в их состав.

Среди лингвистов существует и такая точка зрения, согласно которой минимальной единицей членения является предложение. В плане коммуникативной и когнитивной функций языка предложение оказывается минимальной синтаксической единицей – компонентом текста.

В качестве минимального отрезка текста выделяется высказывание, включающее в себя все виды предложений. Предложение (высказывание)

отождествляется с молекулой коммуникации, рассматривается в качестве единственной единицы, отличающейся формальной и смысловой самостоятельностью.

Для коммуникации с точки зрения как получателя, так и производителя, по мнению отдельных авторов, достаточно формирования одного предложения. В любом предложении будет сообщена мысль о некотором событии – факте или явлении, что и составит первый необходимый минимум взаимопонимания.

Высказывание понимается как наименьшая коммуникативная единица, законченная со стороны содержания и интонации и характеризуемая грамматической и смысловой структурой. Целостность высказывания связана с функциями этой единицы, которые определяются фундаментальной направленностью текста.

В отдельных исследованиях при фонетическом подходе к делимитации текста в качестве наименьшего конституента предстает фраза. Многочисленные наблюдения над единицами членения текста породили и другой подход к ним, и другие термины. Так, например, термин «энонсема» (образован от фр. *énoncé* – высказывание как результат использования языка), обозначает высказывание, функционально равновеликое простому неосложненному предложению. Энонсема является элементарным компонентом текста и обладает существенной характеристикой коммуникативного задания в ситуации общения (в тексте), связывающего воедино ее форму и содержание.

Выделяемая исследователями мельчайшая единица текста (высказывание, равновеликое предложению), очевидно, тоже не может быть принята в качестве мельчайшего кванта текста – носителя просодической информации языковой системы, т.к. границы высказывания в речи не находят четкого проявления и в связи с этим с трудом определяются на уровне восприятия.

Мельчайшей единицей, в которой заложена система «записи» просодических признаков системы языка, является другая, универсальная единица, простая по структуре своего образования и легко вычленимая в речевом континууме. Такой единицей, по мнению ряда лингвистов, является синтагма. Еще А. Х. Востоков в своем «Опыте о русском стихосложении» отмечал: «Таковым нескольких слов соединением под одно прозодическое начало, или под одну силу, способствуется выразительность речи как в обыкновенном разговоре, так и в возгласении» [3, с. 105]. Тем самым он показывает, что речь строится на прозодических периодах, что именно благодаря им она становится логичной и доступной для понимания. Все дальнейшие мысли А. Х. Востокова свидетельствуют о том, что автор понимал под этим синтагму.

Среди современных исследований в этом плане нельзя не обратить внимания на работу Л. М. Ждановой «Текстообразующая роль синтагмы». Автор, проводя исследование на материале французского языка, приходит к заключению, что минимальной единицей текста является синтагма. Она рассматривает ее как единицу текста, «обладающую смысловой, лексико-синтаксической и просодической целостностью, все свойства и параметры которой устанавливаются самим текстом» [4, с. 23]. В тексте, по ее мнению, синтагма выступает в качестве основной синтаксической, минимальной интонационно-смысловой, минимальной семантической единицы текста.

«Как минимальные единицы текста, синтагмы, – отмечает Л. М. Жданова, – зарождаясь и оформляясь в условиях текста, приобретают статус

функционирующих единиц, действия которых направлены на оформление текста как коммуникативного и смыслового целого» [4, с. 23].

Оценивая значимость теории синтагмы В. В. Виноградова, лингвисты отмечают, что эта теория позволяет рассмотреть синтагму как предельную единицу текста. Она дает возможность анализа синтагмы не только с точки зрения ее фонетических характеристик, но и с точки зрения ее включенности в текст. На примере синтагм ясно прослеживается связь фонетического членения с общей семантикой текста.

Таким образом, в ряде исследований в иерархию единиц текста включается и синтагма. Исследователями замечено, что в процессе вычленения синтагм большое значение имеет то окружение, в котором оформляется и функционирует синтагма, т.е. текст.

Синтагма признается универсальной единицей. Будучи частью текста, приобретая его свойства, синтагма может выступать и в роли носителя информации как о коммуникативной задаче текста, так и о его принадлежности к той или иной системе языка.

Список литературы

1. **Потапова, Р. К.** Теоретические и прикладные аспекты речевой сегментологии / Р. К. Потапова // Проблемы фонетики. – М., 1995. – С. 7–20.
2. **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 139 с.
3. **Востоков, А. Х.** Опыт о русском стихосложении / А. Х. Востоков. – СПб., 1817. – 167 с.
4. **Жданова, Л. М.** Textoобразующая роль синтагмы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Жданова. – М., 1983. – 24 с.

ПЕРИФРАЗА В ПОЭТИКЕ ИОСИФА БРОДСКОГО¹ (ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОФИЛОСОФИИ)

Статья содержит попытку исследования глубинной природы перифразы как поэтического тропа в контексте поэтики И. Бродского. Анализ показал, что характер и структура перифразы отражают комплекс идей, являющихся объектом внимания лингвофилософской мысли. На интуитивном уровне поэтом считаются глубинные языковые процессы и явления, которые воплощаются, в частности, в именном характере перифразы и ее синкретизме.

Общепринятое понимание перифразы (от греч. *periphrasis* – иносказание) как тропа заключается в замене прямого наименования описательным выражением, в котором указаны признаки не названного прямо предмета (царь зверей – лев). Перифраза – важное средство языковой и художественной выразительности, имеющее в лингвостилистическом плане и поэтике два значения. Во-первых, это замена слова или словосочетания описательным оборотом речи, в котором указаны признаки косвенно упомянутого предмета или лица. Во-вторых, перифразой считается использование писателем формы известного литературного произведения. Это может быть цитата, реминисценция, автоцитация. Подобный прием является межстилевым и часто используется в пародийных целях.

Перифраза обладает такими ценными для поэтической речи свойствами, как лаконичность и яркость выражения мысли. Кроме того, стилистический спектр употребления перифраз весьма широк.

Структурно перифраза имеет очень много общего с метафорой. Но, на наш взгляд, между ними существует важное семантическое различие: перифраза актуализирует привычные ассоциативные связи, в то время как метафора создает новые, неожиданные. Перифраза позволяет посмотреть на образ с разных сторон, метафора развивает образ, выводит его на новый, неожиданный для читателя уровень.

Перифраза – одно из характерных художественных средств выражения в отечественной и зарубежной поэзии. В большинстве случаев она заключена в сложный семантический контекст, который непосредственно влияет на понимание значения перифразы. В данной статье предпринимается попытка исследования русскоязычной и англоязычной перифразы в поэтических текстах Иосифа Бродского, а также ставится вопрос о влиянии языковых и культурных различий на характер перифразы.

Выбор в качестве объекта внимания поэзии Бродского обусловлен несколькими причинами. Во-первых, это одна из крупнейших фигур в отечественной поэзии второй половины XX в. Во-вторых, влияние английского языка и англоязычной поэзии на творческую биографию Бродского общеизвестно, но до сих пор остается дискуссионным вопрос о характере и степени этого влияния. Исследование отдельных тропов позволит выявить возможную

¹ Работа выполнена в рамках Темплана Министерства образования и науки РФ, регистрационный номер 6.17.06.

миграцию художественного опыта. В-третьих, частотность употребления перифраз позволяет говорить об этом тропе как о характерном для поэта стилистическом приеме, характерной черте его поэтики.

Необходимо принять в качестве аксиомы, что поэтический текст и образные средства, его составляющие, нуждаются в декодировке. На декодировку поэтических тропов в момент восприятия текста читателем влияет несколько факторов. Важную роль выполняет культурологический контекст. Культурологическая основа складывается из черт, составляющих национальную ментальность и языковую личность. Перифраза в большей степени опирается на культурологическую эрудицию читателя, в то время как метафора – на языковую. Например, в строках И. Бродского «Знать, в холодную пору, мертвые рощи, рта вам / Не выбирать, и скажите спасибо нам, картавым» [1, т. 2, с. 9] перифраза «картавые», замещающая ворон, основана на устойчивой ассоциации между карканьем и дефектом речи, которая существует в русской культуре. Исходя из вышеназванного различия, семантический ряд «Что же я? Брег пустой? Черный край континента? / Боже, нет! Материк!» [1, т. 2, с. 18] следует считать метафорой. Представление о человеке как о части суши наделяет понятие рядом новых признаков, осуществляет метафорический перенос смысла, кроме того, оно привнесено из образной системы английских метафизиков, в частности Джона Донна.

Из ряда перифраз следует исключить также конструкции с союзом «как». Хотя некоторые авторы классифицируют подобные обороты как перифразу [2, с. 9], на наш взгляд, такой подход слишком расширяет и размывает границы понятия. Поэтому конструкция «Садовник в ватнике, как дрозд, / По лестнице на ветки влез» [1, т. 2, с. 7] будет классифицирована как сравнение.

Перифраза замещает образ, в ряде случаев детализирует его, но не создает для него новых ассоциативных связей, не развивает его в такой степени, как метафорический перенос. Однако она позволяет сместить акценты, увеличить количество точек зрения, с которых объект может быть рассмотрен, актуализирует скрытые структурные связи объекта: «Две половинки карманной луковицы / После восьми могут вызвать слезы» [1, т. 4, с. 21].

В устойчивом выражении «карманные часы» заменен только второй элемент, замещение объекта происходит на основе местоположения и формы. Но перифраза не просто заменяет часы, с ее помощью создается художественный образ, актуализируется способность времени к метаморфозам: вещь с течением времени может менять свои качества и становиться не равной сама себе. Косвенно данная перифраза отсылает читателя к процессу старения самого человека, возрастным изменениям, в частности ухудшению зрения.

Перифраза как художественный прием направлена на использование глубин и оттенков значения слова, она доказывает многослойность значения и связана прежде всего с внутренней формой слова. История вопроса о соотношении языка, культуры и истории начинается с античности (диалоги Платона об этимологии слов и их роли в мышлении) и продолжается В. фон Гумбольдтом. Гумбольдт определяет форму языка как «одинаковое воззрение на отдельные элементы, составляющие, в противоположность ей, материю... и совокупность чувственных впечатлений и невольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается уже с помощью слова... Такая одинаковость воззрения есть в каждом языке, и каждый народ усваивает себе язык своих предков посредством этого воззрения» [3, с. 161].

Следовательно, языковая внутренняя форма – это «национально-своеобразный способ представления предметов внешнего мира, стоящий между человеком и природой и создающий особое «языковое» мировоззрение каждого народа» [4]. Во внутренней форме слова локализируются источники системы смысла в языке. В процессе исторического развития происходит постоянная динамика, свертывание-развертывание смыслов, т.е. внутренней формы слова. Смысл движется внутри постоянных параметров, источник этого движения В. В. Колесов видит в семантическом синкретизме значений корня [5, с. 12]. Следовательно, в определенный момент времени только часть смыслов слова, или констант, актуальна и востребована. Потерявшие актуальность константы не исчезают бесследно. «Они живут в медленном темпомире, продолжая оставаться ядром культуры и языка. Следует оговориться, что понятие темпомир характеризует особый случай многообразных возможных миров, по Гуссерлю, – «коррелятов сущностно возможных вариантов идеи» [5, с. 13].

Невостребованные константы остаются неизменными и сохраненными, т.к. слово само есть живой организм со своей структурой и энергией. Согласно П. А. Флоренскому, оно само концентрирует энергию духа, не требуя от человека ясного сознания его смысла. Контакт с личностью происходит уже на уровне интенции – намерения произнести слово: «Знахарка, шепчущая заговоры или наговоры, точный смысл которых она не понимает, или священнослужитель, произносящий молитвы, в которых иное и самому ему не ясно, вовсе не такие нелепые явления, как это кажется сперва; раз заговор произносится, тем самым высказывается, тем самым устанавливается и наличность соответствующей интенции, намерения произнести их... остальное пойдет уже само собою» [3, с. 273]. Передача скрытого смысла возможна, так же как и передача доступной информации, при коммуникации, одним из видов которой является восприятие поэтического текста.

Исходя из вышесказанного, роль перифразы в поэтическом тексте можно определить как способ обнаружения и актуализации возможных скрытых смыслов слова, расширение границ понятия, работу с внутренней формой слова.

Если рассмотреть перифразу на языковом уровне, то очевидно, что она обладает высокой степенью предикативности; выступая в роли приложений, сравнений, сказуемых, в контакте с определяемым словом и дистантно, она может широко применяться в поэтическом тексте, где смысловая нагрузка на слово очень велика.

Бродский использовал перифразы различных типов и разной структурной организации. Классифицировать их можно по нескольким признакам, в зависимости от выбранного критерия.

По морфологическому признаку, в зависимости от того, какой частью речи выражено главное слово, перифразы могут быть глагольными («не хочу погружаться в сознание во мрак» [1, т. 2, с. 21], «Где рыбу подают порой к столу, / Но к рыбе не дают ножа и вилки» [1, т. 2, с. 42], «паутинку тоже пальцем не снять с чела» [1, т. 4, с. 25]) и именными («двуствольных глазниц» [1, т. 2, с. 33], «кукарекающий маг» [1, т. 2, с. 64], «август – месяц ласточек и крыш» [1, т. 2, с. 51], «первый подвернувшийся овал» [1, т. 2, с. 37], «Скворчиные кремли, / Вы брошены» [1, т. 4, с. 97]).

По структурному признаку перифразы могут быть распространенными («очертания державы типа шницеля» [1, т. 4, с. 140], «монарх, замордованный штемпелем местной почты» [1, т. 4, с. 156]) и нераспространенными («к пернатым от двуногих здесь» [1, т. 2, с. 7], «так скажите спасибо нам, картавым» [1, т. 2, с. 8]).

По отношению к определяемому слову перифраза может занимать положение постпозитивное («сельскохозяйственный рабочий Бродский» [1, т. 2, с. 56]) и препозитивное («снег, этот мрамор для бедных» [1, т. 4, с. 26]). В этом случае она может быть контактной («Постоялец, несущий в кармане граппу, / Совершенный никто, человек в плаще» [1, т. 3, с. 44]) или дистантной («Я, прячущий во рту развалины почище Парфенона, / Шпион, лазутчик, пятая колонна / Гнилой цивилизации – в быту / Профессор красноречья» [1, т. 3, с. 25]). Последний пример представляет собой параллельное использование нескольких перифраз, формально образующих единую цепь. «Шпион, лазутчик, пятая колонна, профессор красноречья» относятся к определяемому местоимению «я»; «развалины почище Парфенона» – свободная перифраза, заменяющая слово «кариес». Под «гнилой цивилизацией» имеется в виду Советский Союз. В стихотворении «В озерном краю» [1, т. 3, с. 25] перифраза в первой части произведения берет на себя роль текстообразующего приема. В первой строке перифраза «в стране зубных врачей» (США) становится отправной точкой для развития стилистики и семантики последующих перифраз и метафор: «Чьи дочери выписывают вещи / Из Лондона, чьи стиснутые клещи / Вздымают вверх на знамени ничей / Зуб Мудрости». Перифразу «профессор красноречья», обозначающую должность преподавателя, продолжает другая: «Куда из недорослей местных / Был призван для вытягивания жил», замещающая сам процесс преподавательского труда. «В колледже возле главного из Пресных / Озер» – топонимическая перифраза, обозначающая Анн Арбор, штат Мичиган. Целью нагнетания перифраз не является создание комического или иронического эффекта. Предмет, описанный перифразой, теряет свою обыденность, становится увиденным будто впервые, одновременно этот прием придает взгляду поэта отстраненность.

Бродский нередко использует свободные перифразы, которые отличаются тем, что не называют в тексте определяемое имя: «к пернатым от двуногих» [1, т. 2, с. 7], «Но отборные свойства натуры / Вытесняются телом с трудом / Лишь в объем гробовой кубатуры» [1, т. 2, с. 24], «На уровне, достигнутом уже / Взлетевшими здесь некогда на воздух» [1, т. 3, с. 43], «область своих ощущений пятую» [1, т. 3, с. 16], «оседлав деревянных четвероногих» [1, т. 3, с. 161], «в виде изданного в Геттингене кирпича» [1, т. 4, с. 56], «Не говоря об ангелах, не говоря о серых / В яблоках, и поныне не утоливших жажды / В местных фонтанах» [1, т. 4, с. 27].

Между зависимыми и свободными перифразами есть одно существенное различие. Если зависимые перифразы лишь характеризуют объект с иных точек зрения, то свободные перифразы связаны скорее с процессом переименования, они одновременно называют и маскируют объект, превращаются в языковую игру и обращаются к общей и национально обусловленной культурной эрудиции читателя.

Именованье – процесс, имеющий глубокое значение в отечественной лингвофилософии. Это не только голос вещей и всего мира, но и творческий мыслительный акт, совершаемый человеком. Именоваться вещь может толь-

ко через человека, в нем «сокрыты имена всех вещей, он есть микрокосм, то существо, из которого полагаются имена» [6, с. 103], однако человек не свободен в наименовании. По мнению С. Н. Булгакова, человек «должен слушаться вещи, прислушиваться к ее самооткровению, внимать, что она ему скажет» [6, с. 104]. Перифраза есть результат творческого контакта поэта и понятия, когда вещь получает в художественном мире новое имя и иначе раскрывает свое содержание. Трансформированный таким образом смысл становится доступным через поэтический текст.

Топонимические перифразы позволяют опосредованно представить реальные географические объекты, сделать их также частью художественного мира автора, частью поэтической топонимики: «на льду Великой катанье» [1, т. 2, с. 53], «Ибо у нас, на Востоке, мебель / Служит трем поколениям кряду» [1, т. 2, с. 203], «Тонущий город /...где сфинксов северных южный брат, / Знающий грамоте лев крылатый, / Книгу захлопнув, не крикнет «ратуй!»» [1, т. 3, с. 67], «Я счастлив в этой колыбели /Муз, Права, Граций, / где Назо и Вергилий пели, / вещал Гораций» [1, т. 3, с. 209], «то, что годится в краю олив» [1, т. 2, с. 70], «я, пасынок державы дикой» [1, т. 3, с. 209]. Перифразы-топонимы приобретают хронотопическое звучание.

Поэт использует и перифразы-символы, опираясь на античную мифологию и европейскую культуру: «В сумрачный лес середины / Жизни – и в зимнюю ночь, дантову шагу вторя» [1, т. 2, с. 15], «прежде, чем в слух любви хлынет поток летейский» [1, т. 2, с. 16], «а безвестный Гефест глядит» [1, т. 2, с. 50], «новый Орфей» [1, т. 2, с. 63], «друг Полидевк, здесь все слилось в пятно» [1, т. 2, с. 93] «и новый Дант склоняется к листу» [1, т. 3, с. 35], «кто ваш строитель, / Кто ваш Сизиф?» [1, т. 4, с. 68]. Этот тип перифраз традиционен в русской классической поэзии. Их значение всегда основано на двойном толковании, на взаимодействии слова с исходной семантикой культурного символа и контекстом. В последнем примере, где речь идет об облаках, упоминание Сизифа говорит как о причудливости форм облаков, так и об их изменчивости, сохранить их – напрасный труд. В перифразе «Без меня / Ты от страстей Эдиповых избавлен, / И сны твои, мой Телемак, безгрешны» [1, т. 3, с. 27] контекст более сложный и многомерный. Миф об Эдипе послужил источником для понятия психоанализа «эдипов комплекс». Троп отсылает читательское восприятие одновременно и к мифологическому, и к общекультурному значению, одновременно поэт придает строке ироническое звучание, т.к. он никогда не был серьезным поклонником З. Фрейда и его учения.

Лишь иногда у Бродского наблюдается «заземленность» мифологической перифразы. Это снижение образа, «который проходит ряд метаморфоз в парадигме дублирующих повторов» [2, с. 56]. Можно привести следующий пример: «Уже октябрь. На носу / Ваш праздник, Эрос» [1, т. 2, с. 67]. Снижение образа придает ему ироническое и пародийное звучание. Следует заметить, что иронии не всегда сопутствует снижение образа: «Пылает в небе новый Фазтон, / С гораздо меньшим грохотом упавший» [1, т. 3, с. 61]. В перифразе, обозначающей ядерный взрыв, за счет иронии снимается драматический пафос, трагедия приобретает обыденные черты. Утверждение трагедии как части повседневности, лишение ее романтического ореола – характерная черта поэтики Бродского.

Особое место в поэзии Бродского занимают цитатные перифразы: «Перезимуем и это, выронив сыр из клюва, / Но поймав червяка», «Земной свой

путь пройдя до середины, / Я, заявившись в люксембургский сад» [1, т. 3, с. 64], «Я вас любил так сильно, безнадежно, / Как дай вам Бог другими – – – но не даст!» [1, т. 3, с. 65]. Перифразы являются цитацией из И. А. Крылова, А. Данте, А. С. Пушкина. Как в случае с перифразами-символами античной мифологии, данные тропы нуждаются в двойном декодировании. Именно несоответствие изначального и нового контекстов создает иронический или комический эффект. Для понимания этого типа перифраз еще в большей мере необходима культурная эрудиция читателя.

Характерной для поэтики Бродского чертой являются цепи контактных перифраз: «Я, прячущий во рту / Развалины почище Парфенона, / Шпион, лазутчик, пятая колонна / Гнилой цивилизации – в быту профессор красноречия» [1, т. 3, с. 25]; «В том месте, где мокрота на полу, / Где рыбу подают порой к столу, / Но к рыбе не дают ножа и вилки» [1, т. 2, с. 42]; «Смотритель лесов, болот, / Новый инспектор туч / ...бакенщик деревень» [1, т. 2, с. 53]; «Я, пасынок державы дикой / С разбитой мордой, / Другой, не менее великой, / Приеммыш гордый» [1, т. 3, с. 209]; «Коли так, гедонист, латинист, / В дебрях северных мерзнувший эллин, жизнь свою, как исписанный лист, / В пламя бросивший, – будь беспределен... это ты – однокашник, годок, / Брат молочный, наперсник, подельник» [1, т. 4, с. 59]. Цепи контактных перифраз, в частности перифраз-приложений, создают более емкий контекст и позволяют уравнивать в конкретном контексте разнородные признаки. Данный прием очень экономичен и позволяет создать развернутый образ в нескольких строках, что очень важно для искусства поэзии.

В англоязычных стихах Бродский также прибегает к перифразе. Первая строка стихотворения «The Berlin wall tune» [1, т. 4, с. 326, 327] звучит как искаженная цитация известного стихотворения «This is the house that Jack built» : «This is the house destroyed by Jack». При замене «built» на «destroyed» в перифразе вносится отрицательная семантика, которая поддерживается развитием текста: «This is the spot where the ruffled buck / stops, and where Hans gets killed. / This is the wall that Ivan built» [1, т. 4, с. 326]. «Hans» подразумевает Германию, а «Ivan» – Советский Союз. Диссонансное несопадение нового контекста с шутливым стихотворением создает шокирующий эффект, в котором смешиваются ирония и трагедия. Перифраза «Ivan» является частью топонимической перифразы «This is the wall that Ivan built», обозначающей Берлинскую стену. Очевидно, что Бродский применяет характерный для него прием параллельного использования перифраз различного типа.

«Letter to an archaeologist» [1, т. 4, с. 332] начинается с цепи контактных перифраз: «citizen, enemy, mama's boy, sucker, utter, garbage, panhandler, swine, refujew, verrucht». Бродский не меняет принципа использования этого приема, скорее, он пытается опробовать возможности иного языка. В частности, слово «refujew» не существует и является авторским неологизмом, результатом слияния слов «refugee» (человек, насильно высланный из страны по политическим или религиозным убеждениям) и «jew» (еврей).

Перифраз в англоязычной поэзии Бродского меньше, чем в русскоязычных стихотворениях, из-за меньшего количества самих текстов, а также из-за специфики писания на иностранном языке. Однако принцип использования тропа сохраняется, в частности, поэт создает цепи контактных перифраз и использует перифразы, совмещающие несколько типовых признаков.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, оно показывает преобладание именных перифраз в поэтике Бродского, что обусловлено экспрессивными возможностями именных частей речи. Во-вторых, мысль Бродского о диктате языка над человеком и определенной автономности говорящего от говорения, выраженная поэтическими средствами, свидетельствует о том, что он по-своему интерпретирует те вопросы, которыми занимается лингвофилософия. В-третьих, Бродский как поэт не может быть свободен от глубинных процессов и законов существования языка, которые он считывает на уровне поэтической интуиции и воплощает в тексте. В именованном характере перифразы интерпретируются отношения с метафизической стороной имени, с процессом наименования в его философском понимании.

Перифразы Бродского разнообразны по структурным и семантическим признакам, нередко они носят синкретичный характер, т.е. совмещают в себе характерные черты разных типов. Прием перифразы является устойчивой чертой поэтического идиостиля Иосифа Бродского.

Список литературы

1. **Бродский, И.** Сочинения / И. Бродский. – СПб. : Пушкинский фонд, 1998.
2. **Соловьева, В. С.** Система перифраз в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. С. Соловьева. – Ашгабат : РИПО «Ылхам», 1992.
3. **Флоренский, П. А.** У водоразделов мысли. – М. : Правда, 1990. – Т. 2.
4. **Павлов, В. М.** Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании. Язык и мышление / В. М. Павлов. – М. : Наука, 1967. – С. 154.
5. **Проскуряков, М.** Концептуальная структура текста / М. Проскуряков. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000.
6. **Булгаков, С. Н.** Философия Имени / С. Н. Булгаков. – СПб. : Наука, 1998.

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

В статье рассмотрены основные направления в исследовании юридической терминологии разноструктурных языков. Наряду с проблемами общей теории термина (определение его границ, функционирование межотраслевых терминов, влияние когнитивной парадигмы на терминологические исследования) автор отмечает специфику лингвистических исследований в области юридической терминологии (влияние деления науки на подотрасли права, гендерные факторы развития терминосистемы). Отмечается также, что получение новых данных для терминоведения невозможно без всестороннего учета влияния внешних и внутренних факторов на развитие терминосистем.

Различные аспекты языка права достаточно давно стали привлекать внимание российских и зарубежных лингвистов и юристов. Последнее десятилетие российской науки ознаменовалось формированием нового направления, в центре которого стоит изучение языка права с различных точек зрения. Поскольку все такие работы выполняются на стыке языкознания и правовой науки, то пока нет четкого понимания, к какой научной отрасли – лингвистике или юриспруденции – относится данное направление. Об этом свидетельствуют различные его наименования: **лингвоюридика**, **юрислингвистика**.

На наш взгляд, данное направление правильнее отнести к лингвистической науке, т.к. его цель – изучение юридического подязыка, который не является полностью обособленной подсистемой общелитературного языка, а представляет его часть, характеризующуюся теми же системными языковыми отношениями, что и общий язык в целом, хотя юридическая терминосистема имеет свою специфику.

Одной из важнейших проблем юридической лингвистики является исследование терминологичности языкового знака. Проблема проявления терминологичности в системе языка – одна из наиболее популярных и важных тем современных лингвистических исследований, в том числе и юридической лингвистики. И в отечественном, и в зарубежном языкознании существует множество работ, посвященных как теории термина, так и исследованиям отраслевых и частноотраслевых систем, их развитию, системным, лингвистическим и экстралингвистическим характеристикам, функционированию отдельных терминологических единиц.

Однако, несмотря на это, существует еще много спорных вопросов и недостаточно полно исследованных проблем. И это не удивительно, т.к. изучение каждой отраслевой терминологии не только отвечает на ряд вопросов, но и порождает другие. Каждая вновь исследованная терминосистема демонстрирует определенные отличия от уже изученных систем терминов. Тем самым уточняется общая теория термина. А поскольку, как известно, терминологическая лексика занимает в общем словарном составе литературного языка значительное место, такие исследования остаются актуальными для различных аспектов его изучения.

Существует обширная литература, охватывающая ряд проблем формирования и функционирования юридической терминологии в разных языках.

Чаще всего исследования русской юридической терминологии проводились на материале, относящемся к ранним периодам ее формирования: XI–XV вв. [1]; XV–XVI вв. [2, 3], X–XVIII вв. [4], XVIII в. [5]. Исследовалась и современная русская юридическая терминология [6–8]. Но как указанные работы, так и другие исследования, проведенные на материале юридической терминологии, основаны на изучении отдельных аспектов: соотношения русских и старославянских терминов [9], функционирования отдельных терминов [10–12], типов терминов, например составных [6, 8, 13], терминов отдельных отраслей права [14, 15].

Наиболее полно изучена русская терминология международного права. Следует, однако, отметить, что исследование данной подсистемы юридической терминологии проводилось с точки зрения формирования ее состава в определенные периоды ее развития [5, 7, 16–20], функционирования отдельных разрядов терминов (например, интернационализмов) [21], а не формирования терминологичности. Кроме того, международно-правовая терминология используется в сфере, обособленной от национальных отраслей права.

Проблемы юридической терминологии рассматривались и в ряде работ юристов. Но эти исследования также ограничивались или одной отраслью права [22], или отдельным периодом развития терминосистемы [23]. Кроме того, как отмечает автор одной из таких работ, подобные исследования написаны юристами и для юристов, а потому в них вполне возможны определенные лингвистические пробелы [22, с. 15].

Существует также ряд работ, в которых исследуются некоторые проблемы терминологии права в других языках: английском [24–26], немецком [27, 28], польском [29]. Но и в них рассматриваются преимущественно отдельные проблемы терминоведения, например некоторые вопросы формирования терминологии [25, 26, 28, 29], семантики юридического термина [24].

Тематика исследований по терминоведению переживала бум в 70–80 гг. XX в. В эти годы были разработаны требования к идеальному термину, изучены реальные лингвистические свойства многих терминологических систем языков разного типа.

Позже исследования по терминологии появлялись гораздо реже по нескольким причинам:

1) ряд проблем, которые требовали своего решения и были поставлены еще в работах основоположников терминологических школ, были достаточно сложны для рассмотрения;

2) отсутствовал интерес терминоведов к формированию новой когнитивной и антропоцентрической парадигмы в трудах зарубежных и отечественных лингвистов;

3) исследования по терминологии часто ограничивались традиционным рассмотрением системно-структурных характеристик терминологий разных языков без желания анализировать внешние (социальные, экономические, личностные и т.д.) факторы, что требовало тщательного изучения не только языковых единиц, но и достаточно глубоких знаний научной отрасли, обслуживаемой такой терминосистемой.

Для исследования терминосистем необходим учет всех указанных факторов, причем реализация комплекса современных задач исследования отрас-

левой терминологии невозможна силами одного или двух исследователей. Для тщательного исследования специфики отраслевых терминосистем необходимы коллективные усилия, особенно учитывая, что характер терминологичности языкового знака может отличаться в разных отраслевых терминосистемах.

Юридическая терминология разных языков в последнее время привлекала внимание достаточно большой группы авторов, работающих на языковых кафедрах Саратовской государственной академии права. Именно наличие коллективного интереса обусловило успешное решение ряда проблем данной терминологии.

Так, на материале этой терминологии один из важнейших вопросов терминоведения – о выделении и границах термина – был решен с использованием основополагающего положения, разработанного юристами, о структуре правовой нормы и лингвистическом выделении темы и ремы [30], т.е. при учете экстра- и интралингвистических факторов формирования данной терминосистемы. Норма в идеале состоит из трех частей:

1) *гипотезы* – элемента, указывающего на условия (время, место, субъектный состав и т. п.);

2) *диспозиции*, определяющей модель поведения субъектов с учетом установленных законом прав и обязанностей;

3) *санкции* – элемента, часто предусматривающего неблагоприятные последствия для субъекта, реализующего диспозицию (при нарушении нормы).

Классическая модель логической структуры нормы права может быть выражена в языковой формуле «если... то... а иначе...». Логично предположить, что ключевые слова или словосочетания, выражающие основу гипотезы, диспозиции и санкции, или определяемая номинативная единица дефинитивной нормы – термины, даже если они употребляются в законе в значении, на первый взгляд не отличающемся от общеязыкового. Отсутствие дефиниции у многих терминов права, особенно в начальные периоды развития юридической терминологии, восполняется операцией предципирования в каждой из статей законов, поскольку они представляют собой высказывания. Операция предципирования включает в себя два компонента: тему и рему [31]. В статьях законов гипотеза представляет собой тему высказывания, а диспозиция и/или санкция – рему. Рема, являясь ядром высказывания, по сути, определяет тему, поэтому значение термина, являющегося ключевым словом (словосочетанием) гипотезы, становится ясным для реципиента. Например:

80. О ПЕРЕВЕСЕХ. **Аже кто подотнетъ вервь в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кун** [32].

257. **Имущество крестьянского (фермерского) хозяйства принадлежит его членам на праве совместной собственности, если законом или договором между ними не установлено иное**¹ [33].

Данный подход к выделению терминов и определению их границ был успешно применен и к процедуре доказательства терминологичности глаголов и глагольных словосочетаний [34], а, как известно, проблема терминологичности разных частей речи на протяжении всего периода развития общей

---

¹ В данных примерах гипотеза выделена жирным шрифтом, диспозиция – жирным курсивом, санкция – курсивом.

теории термина была и остается одной из наиболее сложных и, как и иные проблемы терминоведения, должна решаться с учетом специфики экстралингвистической обусловленности разных терминологических систем.

До недавнего времени не получила всестороннего освещения проблема межотраслевой терминологии, которая была очерчена еще одним из основоположников отечественного терминоведения Б. Н. Головиным [35], хотя исследователи неоднократно обращались к ней. В этих работах межотраслевые термины исследовались без учета экстралингвистических факторов, специфики организации системы понятий и системы терминов, а также семантических изменений, сопровождающих процесс перехода номинативной единицы из одной терминосистемы в другую.

В исследовании Т. В. Рыженковой было убедительно доказано, что при транстерминологизации в русской и английской терминологии правоведения формируются омонимичные номинативные единицы, «причем в отношении терминологии таковыми следует считать даже те единицы, которые в своих значениях сохраняют общий семантический компонент в разных терминосистемах. Для терминологии характерна межотраслевая омонимия, в пределах одной терминосистемы она практически отсутствует. Кроме того, транстерминологизация в терминологии правоведения приводит к появлению межотраслевых терминов, то есть таких единиц, семный состав которых в этой терминосистеме не подвергается значительным изменениям, в нем появляется лишь одна правовая дифференциальная сема» [36, с. 5].

Очень важным выводом автора послужило доказательство того, что транстерминологизация может быть как выраженной, эксплицитной (когда транстермин приобретает новую дефиницию), так и имплицитной (когда термины либо не получают дефиниции вследствие прозрачности своего значения, либо функционируют в адаптирующей терминосистеме с дефиницией, полученной в другой терминосистеме). Однако на самом деле и в этом случае термин меняет свое значение. Применение современной когнитивной парадигмы при исследовании рассматриваемого феномена позволило рассматривать значение как часть концепта: семантические структуры – это просто часть концептуальных структур, та часть, которая имеет вербальное выражение [37]. Такой подход к значению термина позволяет говорить об изменении концептуального содержания транстерминологизированной единицы, поскольку она входит в новую концептосферу, а отсутствие дефиниции, которая должна отражать новые внутрисистемные отношения этой единицы, часто свидетельствует лишь о неупорядоченности терминосистемы [36, с. 6].

В терминоведении до последнего времени практически не обращалось внимания на деление каждой науки на подотрасли или подсистемы (частные отрасли со своими подсистемами терминов). Такие подотрасли существуют и в праве (например, гражданское право, уголовное право, административное право и т.д.). Частноотраслевое деление всей отрасли предопределяет использование одних и тех же единиц в разных частноотраслевых терминосистемах права. Проблема осложняется еще и необходимостью различения таких понятий, как терминологические единицы и единицы терминосистемы. Последние представлены не только терминами (терминологическими единицами), но и терминоэлементами. Рассмотрение немецкой терминологии права в указанном аспекте позволило Л. П. Шишкановой по-новому оценить роль таких единиц в терминологической системе. В своей диссертации она выдвигает

нула и подтвердила гипотезу о том, что «существуют межотраслевые единицы терминосистемы, которые формируются внутри одной системы терминов, включающей в себя их частные подсистемы, причем межотраслевые единицы могут быть как самостоятельными терминами, так и терминоподсистемами. Такие термины и терминоподсистемы могут использоваться или во всех без исключения подсистемах единой терминологии, или более чем в одной» [38]. Такой вывод был сделан благодаря обращению к исследованию экстралингвистических факторов (возможность и необходимость правового регулирования одних и тех же общественных отношений разными отраслями права, дроблением частных отраслей права на еще более специализированные и др.). Такой анализ позволил автору прийти к глубокому и нетривиальному выводу о том, что следует различать два типа внутрисистемных межотраслевых единиц: термины и терминоподсистемы. Оба типа единиц могут быть:

- а) общеправовыми, отмечаемыми во всех отраслях немецкого права;
- б) частноотраслевыми, отмеченными более чем в одной, но не во всех терминологических микросистемах [38].

Когнитивный и экстралингвистический подходы к исследованию терминов права позволил К. В. Данилову выявить специфику терминологических концептов CRIME и PUNISHMENT. Автор пришел к теоретически значимому выводу, что структура концепта предопределена особенностями терминологических номинативных единиц. «Значение термина равно понятию, и термин выражает лишь понятийную часть концепта, а несущественные признаки соответствующего предмета или явления не включены в его семантику. Исходя из этого, ряд признаков правовых концептов CRIME и PUNISHMENT выявляется только при анализе экстралингвистической информации, заключенной в различных правовых текстах» [39].

Исследование соотношения внешних и внутренних языковых факторов на процесс дифференциации специальной лексики позволил Ю. А. Анисимовой не только констатировать, что взаимодействие и взаимовлияние между кодифицированной и некодифицированной специальной лексикой (терминологией и профессионализмами) обусловлено указанными факторами, но и объяснить различие в их составе, семантике, денотативной соотнесенности и т.д. Одним из наиболее важных выводов автора, исследовавшего английские юридические термины и профессионализмы, является указание на различие в системной организации этих двух разрядов специальных единиц: ослабление синонимии, омонимии и полисемии в терминологии и их усиленное проявление в сфере профессиональной лексики. Вместе с тем, антонимические и родовидовые отношения более характерны для терминологии. Таким образом, различия между терминами и профессионализмами заключаются не только в сфере функционирования номинативных единиц (в официальном или неофициальном общении), они гораздо глубже. Кроме того, автор отмечает различие в системе денотативных значений изученных единиц и несовпадение сигнификативного значения у большинства терминов и профессионализмов [40].

Одним из важных внешних факторов, воздействующих на терминологию права, является гендерная обусловленность терминосистемы и гендерная маркированность терминов. Как показало исследование Е. В. Волгиной, гендерные характеристики лица «фиксируются и интерпретируются правом в

зависимости от того, какие представления о маскулинности и феминности доминируют в данном обществе» [41].

Гендерная маркированность термина права может быть не выражена формально, при этом гендерный характер терминов может быть обусловлен:

1) дефиницией термина;

2) эксплицированием при функционировании термина, т.е. гендерно нейтральные термины в рамках правового дискурса могут получить гендерную интерпретацию.

Гендерный фактор можно считать системообразующим для терминологии права на следующих основаниях:

1) он способствует определению практически и теоретически значимых для юристов событий, связанных с полом и возрастом людей;

2) гендерные термины могут вступать в системные отношения с другими гендерно маркированными и гендерно немаркированными терминами (иерархические, синонимические);

3) гендерный фактор обуславливает семантическое варьирование терминологической единицы (полисемию) и использование системы языковых средств английского языка для экспликации гендерных сем термина;

4) гендерный фактор влияет на формирование двух типов гендерно маркированных правовых концептов (собственно гендерных, включающих гендерные субконцепты, и семигендерных, в структуру которых входят гендерные субконцепты наряду с гендерно немаркированными субконцептами) [41].

Долгое время в лингвистике вообще и в терминоведении в частности бытовало мнение о том, что общелитературная лексика разных языков отличается от терминосистем тем, что последние в большей степени интернациональны, а общелитературная лексика чаще проявляет национально-культурную специфику. В целом такое утверждение верно по отношению к ряду терминологических систем естественных и точных наук. Что касается юридической терминологии, то ее единицы в большой степени являются культурно маркированными вследствие тесной связи права с культурой, политикой и идеологией страны. В работе Е. С. Максименко была исследована проблема национально-культурной специфики юридической терминологии британского и американского региональных вариантов английского языка. Автору удалось установить, что даже юридическая терминология разных региональных вариантов одного языка является культурно маркированной. Национально-культурная специфика термина может проявляться в системных отношениях терминов (различная структура гиперо-гипонимических таксономий, разный состав синонимических рядов, неодинаковая синтагматика терминологических единиц при образовании полилексемных номинантов и т.д.). Особенно значительные расхождения между национальными терминосистемами права обнаруживаются в наличии безэквивалентных и разноэквивалентных терминов, количество которых в исследованных вариантах английского языка достаточно велико [42].

Обращение терминоведов к исследованию взаимодействия экстра- и интралингвистических факторов дает авторам возможность выявить общие тенденции в номинировании понятий права в разноструктурных языках. Так, Н. П. Тимофеева, проанализировав влияние указанных факторов на формирование терминов-словосочетаний устойчивого типа (СУТ), пришла к заключению, что становление семантики устойчивых терминов, в том числе и правовых, происходит согласно законам развития языка, но влияние экстралин-

гвистических факторов, продуцирующих такие изменения семантики СУТ, особо проявляется в юридической терминологии и является ведущим фактором, поскольку смена общественного строя, изменения в системе административной организации, возникновение новых институтов власти требуют новых средств выражения понятий [43].

Таким образом, обращение исследователей к комплексному изучению юридических терминосистем с точки зрения влияния на них внешних и внутренних факторов развития языка позволило получить новые данные, позволяющие углубить общую теорию термина.

Список литературы

1. **Брицын, М. А.** Из истории восточнославянской лексики / М. А. Брицын. – Киев, 1965.
2. **Мишина, Е. Ф.** Юридическая лексика судебных актов XV–XVI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ф. Мишина. – Куйбышев, 1963.
3. **Уорт, Д.** О языке русского права (XV–XVI вв.) // Вопросы языкознания / Д. Уорт. – 1975. – № 2.
4. **Патралова, З. С.** О развитии терминологической системы древнерусского языка / З. С. Патралова // Проблемы развития языка. – Саратов, 1981. – С. 109–123.
5. **Волоскова, А. В.** Дипломатическая лексика начала XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Волоскова. – Л., 1966.
6. **Бальхина, Т. М.** Терминологические словосочетания в языке юридической литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Бальхина. – М., 1983.
7. **Иссерлин, Е. М.** Лексика и фразеология современных дипломатических документов / Е. М. Иссерлин. – М., 1966.
8. **Полешко, А. С.** О природе терминированности словосочетаний / А. С. Полешко // Структурная и математическая лингвистика. – Киев, 1978.
9. **Unbegaun, В. О.** Язык русского права / В. О. Unbegaun // Papers of Russian and Slavonic Philology. – Oxford, 1969.
10. **Михайловская, Н. Г.** О формировании и функционировании юридической лексики / Н. Г. Михайловская // Терминология и культура речи. – М., 1981.
11. **Петрунин, В. О.** Из истории русской юридической лексики Древней Руси и XVIII века (злодей и злодейство) / В. О. Петрунин // Лингвистические исследования. – М., 1979.
12. **Топоров, В. Н.** О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями / В. Н. Топоров // Структурно-типологические исследования в области грамматики праславянских языков. – М., 1973.
13. **Яцюк, Т.** О точности словосочетаний в языке права / Т. Яцюк // Советская юстиция. – 1991. – № 5.
14. **Ершова, Е. Б.** Терминология уголовного права: лексико-семантический и функциональный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990.
15. **Морщакова, Т. В.** Семантические характеристики терминов уголовного закона : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Морщакова. – М., 1992.
16. **Сергеев, Ф. П.** Из истории русской дипломатической лексики (XI–XVII вв.) / Ф. П. Сергеев // Лексика и фразеология. – Кишинев, 1973.
17. **Сергеев, Ф. П.** Лексика сферы международных отношений / Ф. П. Сергеев. – Киев ; Одесса, 1984.
18. **Сергеев, Ф. П.** Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. / Ф. П. Сергеев. – Кишинев : Картя молдовеняскэ, 1971.
19. **Сергеев, Ф. П.** Русская терминология международного права XI–XVII вв. / Ф. П. Сергеев. – Кишинев, 1972.
20. **Сергеев, Ф. П.** Формирование русского дипломатического языка (XI–XVII вв.) / Ф. П. Сергеев. – Львов, 1978.

21. **Солтановская, Т. В.** Интернационализмы в дипломатической терминологии современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Солтановская. – Л., 1990.
22. **Савицкий, В. М.** Язык процессуального закона: вопросы терминологии / В. М. Савицкий. – М., 1987.
23. **Пиголкин, А. С.** Пути оптимизации работы над правовой терминологией / А. С. Пиголкин, С. Н. Юсупов // Советское государство и право. – 1983. – № 12.
24. **Филлмор, Ч. Дж.** Об организации семантической информации в словаре / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: проблемы и методы лексикографии. – Вып. XIV. – М., 1983.
25. **Юровский, И. М.** Про утворення англо-американської юридичної термінології / І. М. Юровський // Питання романо-германської філології. – Київ : Вища шк., 1973.
26. **Levine, D. S.** “My client has discussed your proposal to fill the drainage ditch with partners”: Legal language / D. S. Levine // The state of the language. – Berkley, 1980.
27. **Бережа, А. С.** Семантичні групи німецьких термінів кримінального права і процесу / А. С. Бережа // Іноземна філологія. – Вып. 30.– Львів, 1973.
28. **Klenner, H.** Zur Juristensprache / H. Klenner // Verständlichkeit. Verstehbarkeit. Übersetzbarkeit. – Tübingen, 1975.
29. **Јовић, L.** Jezik zakonodavstva / L. Jovič // Pravni život. – 1982. – № 6–7.
30. **Хижняк, С. П.** Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. П. Хижняк. – Саратов, 1998. – С. 10–11.
31. **Лурия, Р. А.** Язык и сознание / Р. А. Лурия. – М., 1979. – С. 140.
32. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984.
33. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 1995. – Ч. 1.
34. **Хасина, Л. И.** Место и специфика глагольных лексем и словосочетаний в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской юридической терминологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – С. 10–11.
35. **Головин, Б. Н.** Типы терминосистем и основания их различия / Б. Н. Головин // Термин и слово. – Горький, 1981. – С. 3–10.
36. **Рыженкова, Т. В.** Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Рыженкова. – Волгоград, 2001.
37. **Jackendoff, R. S.** Semantics and cognition / R. S. Jackendoff. – Cambridge, 1983. – P. 19.
38. **Шишканова, Л. П.** Специфика внутрисистемных межотраслевых единиц в немецкой юридической терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Шишканова. – Саратов, 2006. – С. 5–6.
39. **Данилов, К. В.** Репрезентация концептов CRIME и PUNISHMENT в британской и американской юридической терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Данилов. – Саратов, 2004. – С. 5.
40. **Анисимова, Ю. А.** Соотношение юридических терминов и профессионализмов в лексической системе английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Анисимова. – Саратов, 2002. – С. 5–7.
41. **Волгина, Е. В.** Гендерные факторы формирования англо-американской правовой терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Волгина. – Саратов, 2006. – С. 5–7.
42. **Максименко, Е. С.** Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем (на материале английской и американской юридической терминологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Максименко. – Саратов, 2001. – С. 4–6.
43. **Тимофеева, Н. П.** Основы семантической трансформации устойчивых сочетаний при изменении сферы их употребления (на материале юридической и компьютерной терминологий русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. П. Тимофеева. – Саратов, 1997. – С. 15–16.

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАНИПУЛЯЦИЙ

Рассматриваются социо- и психолингвистические аспекты изучения такого вида психологического воздействия, как манипуляция. Особое внимание уделяется его социальной природе, отличительным чертам и речевой репрезентации. Приводится социопсихолингвистический анализ манипулятивного акта на примере коммуникативной ситуации, взятой из русской народной сказки.

Данной статьей обращается внимание на необходимость сочетания социального, психологического и лингвистического аспектов в изучении феномена манипуляции. В самом общем смысле под манипуляцией понимается особый вид психологического воздействия, который на протяжении уже нескольких десятилетий детально изучается как российскими, так и зарубежными учеными. Психологов в первую очередь интересуют механизмы запуска и проведения манипуляций; социологов привлекают манипулятивные приемы и тактики, оказывающие воздействие на общество и отдельных его индивидов; лингвисты изучают языковые способы и средства выражения манипулятивных актов, осуществляемых в процессе коммуникации (общения). Подобное многоаспектное изучение манипуляции связано, на наш взгляд, с осознанием и признанием того, что данный феномен стал неотъемлемой частью современного общества и требует тщательного исследования со стороны ряда гуманитарных наук.

Напомним, что психология – это «наука о психике как функции мозга, заключающейся в отражении действительности, о закономерностях психических процессов и закономерностях формирования психических свойств личности» [1, с. 268]. Социология чаще всего трактуется как «учение об обществе», определяющее своей задачей исследование структуры общества, законов его развития, различных процессов, происходящих в обществе и т.п. [1, с. 426]. Лингвистика (или языкознание) – «наука о естественном человеческом языке вообще и о всех языках мира как индивидуальных его представителях» [2, с. 618].

Ни одна наука не развивается изолированно от других наук, поэтому появление смежных наук, возникающих на стыке двух или более научных направлений, вполне закономерно. Остановимся подробнее на таких направлениях, как психолингвистика и социолингвистика. Психолингвистика – «наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносительности с системой языка» [2, с. 404]. Социолингвистика (социальная лингвистика) – «научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающая широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества» [2, с. 481].

Феномен манипуляции в статье рассматривается в первую очередь с позиций лингвистики (интерес представляют в первую очередь языковые способы и средства выражения речевых манипуляций), однако, принимая во

внимание многоаспектность данного явления, его изучение без учета социального и психологического оснований представляется невозможным.

В общенаучном плане манипуляцию следует рассматривать как одну из универсальных характеристик любого человеческого социума (общества). Как известно, основным средством общения людей, живущих в некоем социуме, является язык. Именно в языке обнаруживается наиболее полное проявление феномена манипуляции. Если мы исходим из того положения, что общество не может существовать без языка, то мы должны признать тот факт, что оно также не существует без манипуляций.

Следует подчеркнуть, что общество располагает не только основным средством осуществления манипуляции – языком, но и бесконечным множеством субъектов и объектов манипуляции. Человек, будучи существом глубоко социальным, «возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием» [3, с. 11]. Полностью соглашаясь с мыслью С. Г. Кара-Мурзы, заметим, что жить в обществе и быть свободным от общества невозможно, а потому обществу невозможно обойтись без манипулирования в процессе общения (взаимодействия) существующих в нем личностей.

Подчеркивая неразрывную связь социального и коммуникативного в процессе общения, Л. Л. Фёдорова отмечает, что «в теории речевой коммуникации принята двухуровневая модель речевого общения, включающая социологический и коммуникативный уровни. Содержанием социологического уровня общения является социальное взаимодействие собеседников, т.е. их влияние на поведение, образ мыслей и чувства друг друга. Содержанием коммуникативного уровня является передача сообщения, точнее – обмен информацией между собеседниками. Тем самым общение не сводится просто к передаче информации, но предполагает более глубокое социальное содержание» [4].

По мнению Г. Г. Почепцова, межличностное общение, или коммуникация, имеет своей целью «принуждение другого к выполнению того или иного действия. То есть для коммуникации существенен переход от говорения Одного к действиям Другого» [5, с. 14]. Считаем данное суждение правомочным как для определения процесса коммуникации в целом, так и для определения основного механизма манипуляции (как одного из явлений межличностной коммуникации) в частности.

Вслед за Е. Л. Доценко полагаем, что основанием манипуляции является «манипулятивная природа социума» [6, с. 68]. Среди предпосылок, способствующих проведению манипулятивного воздействия, Е. Л. Доценко выделяет: конфликт человека с самим собой, ощущение абсолютной беспомощности, недоверие по отношению к другим людям и пр. [6, с. 63–64]. Следовательно, манипуляция возникает из различных психологических установок людей, существующих и взаимодействующих в некоем социуме. В связи с этим манипуляция рассматривается как один из видов психологического воздействия [6–8].

Под *воздействием* в самом общем смысле понимается процесс, «который реализуется в ходе взаимодействия двух и более равнопорядоченных систем и результатом которого является изменение в структуре (пространственно-временных характеристиках), состоянии хотя бы одной из этих систем» [5, 7].

В центре внимания нашего научного исследования находится *психологическое воздействие*, которое представляется как «изменение психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения за счет использования психологических, социально-психологических закономерностей» [8, с. 491]. Однако не всякое психологическое воздействие становится манипуляцией. Понятие «*психологическое воздействие*» является родовым по отношению к понятию «*манипуляция*»; оно может быть различных видов, в том числе и манипулятивным.

Отечественные психологи предлагают несколько типологий стратегий воздействия на человека, основным критерием которых является отношение к партнеру по общению как к субъекту или как к объекту. Представляется интересным остановиться на типологии основных стратегий психологического воздействия, предложенной Г. А. Ковалёвым. По его мнению, в реальной человеческой жизнедеятельности имеют место три основные стратегии: «императивная», «манипулятивная» и «развивающая» [7].

Основными функциями императивной стратегии являются функции контроля поведения и установок человека, а также функция принуждения по отношению к объекту воздействия. Реализация императивной стратегии происходит чаще всего там, где человек в силу тех или иных обстоятельств обладает ограниченными возможностями для осуществления самостоятельного выбора поступков или решений.

Манипулятивная стратегия психологического воздействия соответствует «объектной» парадигме и тем самым максимально приближается к императивной стратегии, обезличивающей уникальную сущность человека путем целенаправленной психологической манипуляции и давления.

Развивающая стратегия воздействия представляет собой психологическое единство субъектов, в котором разворачивается творческий процесс взаимораскрытия и взаиморазвития личностей.

Пользуясь терминологией Г. А. Ковалёва, считаем возможным заключить, что в основе манипулятивного психологического воздействия находится противопоставление акциональной (интенциональной) модели психологического воздействия реактивной (пассивной) модели. Приведем некоторые суждения, определяющие понятие манипуляции в соответствии с указанной парадигмой (стратегией):

1) манипуляция – это «создание таких условий, при которых ответная реакция другого человека однозначно определяется действиями обманывающего» [9, с. 103];

2) манипуляция – это «проделка, ставящая своей целью достижение данным субъектом того или иного блага, той или иной житейской выгоды за счет кого-то Другого» [10];

3) манипуляция – это «способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении» [3, с. 19];

4) манипуляция – это «прибирание к рукам» другого человека или искусное побуждение другого к достижению (преследованию) косвенно вложенной манипулятором цели [6, с. 60];

5) манипуляция – это «псевдофилософия жизни, направленная на то, чтобы эксплуатировать и контролировать как себя, так и других» [11, с. 32].

Помимо указанных авторов, отметим также таких ученых, как Т. М. Николаева, В. И. Карасик, И. В. Сентенберг, Н. А. Купина, С. А. Мегентесов, К. Ф. Седов и др., чьи психолингвистические исследования манипулятивного влияния позволяют дать наиболее полное определение термина «манипуляция» и понять сущность изучаемого явления.

Выделим наиболее специфические черты, характеризующие манипулятивное психологическое воздействие и тем самым отличающие его от других видов воздействия:

1. Скрытость, косвенность воздействия: манипуляция имеет успех тогда, когда она остается незамеченной объектом воздействия, который не в состоянии раскрыть истинных намерений манипулятора.

2. Мастерство манипулирующего: термин «манипуляция» имеет в корне элемент латинского слова *manus* – рука, что трактуется как ловкость, сноровка в умении обращаться с предметами (объект манипуляции рассматривается манипулятором именно как вещь) [3, 6].

3. Возникновение собственного намерения или желания у объекта манипуляции: возникновение самостоятельного стремления у манипулируемого предпринять определенные акции необходимо для осуществления полного контроля его действий, от которых зависит успех/неуспех манипулятивного акта.

4. Получение выгоды (материальной или нематериальной) манипулятором: собственно то, ради чего манипулятор осуществляет психологическое воздействие.

5. Разрушительность результатов: негативный (деструктивный) характер манипуляции неизбежен, т.к. в своей основе манипуляция имеет разрушительное намерение – использовать человека как средство достижения поставленной цели.

Итак, под *манипуляцией* мы понимаем особый вид психологического воздействия, искусное исполнение которого приводит к скрытому возбуждению у объекта манипуляции желания или намерения, не являющегося его собственным и приводящего к получению определенной выгоды субъектом манипуляции за счет разрушения ее объекта.

Данное определение, по нашему мнению, отвечает большинству требований, предъявляемых психологами и социологами, однако в нем практически отсутствует лингвистический аспект. Речевая репрезентация, т.е. те языковые средства, с помощью которых манипулятивный акт оформлен в речи, является атрибутом манипуляции как способа воздействия. Именно поэтому манипуляцию следует рассматривать как явление социолингвистическое и психолингвистическое, а не просто социальное или психологическое, т.к. любое взаимодействие людей, связанное с общением (в том числе и манипулятивным [12, с. 89–113]), невозможно без языка и его средств выражения. В связи с этим считаем необходимым определить понятие *речевой манипуляции*.

Речевая манипуляция – это вербально выраженный вид психологического воздействия одного человека на другого, в результате чего у объекта манипуляции возникает желание или намерение, не являющееся его собственным и приводящее к получению субъектом манипуляции определенной, односторонней выгоды.

Полагаем, что язык, основное средство осуществления манипуляции, располагает особым набором языковых средств, которые содержат определенные манипулятивные возможности и, следовательно, способствуют созданию манипулятивного стиля говорящего. Манипулятивный стиль говорящего складывается, по-видимому, из тех языковых средств, которые содержат в себе определенную эмоциональную окраску, повышенную или сниженную эстетическую ценность, элементы повтора, отступление от нормы, избыточность элементов и пр. Подобные языковые приемы призваны, на наш взгляд, привести объект манипуляции в состояние психического дисбаланса, что должно снизить его сопротивляемость к психологическому воздействию, создать некий эффект давления, исключить способность адресата объективно разобраться в ситуации и, в результате, позволить манипулятору произвести манипулятивный акт.

Проиллюстрируем на примере, взятом из русской народной сказки «Волшебный конь», каким именно образом функционируют социальный, психологический и лингвистический аспекты в отдельно взятом акте манипуляции. В приводимом эпизоде манипулятором выступает царская знать, чья зависть к успешному продвижению по службе царского крестника Ивана заставляет пойти на следующие хитрости:

«Вот как-то созвал царь к себе знатных и близких людей на обед; как уселись все за стол, он и говорит: «Слушайте, господа генералы и министры! Как вы думаете о моем крестнике?» – «Да что сказать, ваше величество! Мы от него не видали ни худого, ни хорошего; одно дурно – больно хвастлив уродился. Уж не раз от него слыхивали, что в таком-то королевстве, за тридевять земель, выстроен большой мраморный дворец, а кругом превысокая ограда поставлена – не пробраться туда ни пешему, ни конному! В том дворце живет Настасья прекрасная королева. Никому ее не добыть, а он, Иван, похваляется ее достать, за себя замуж взять».

Царь выслушал этот оговор, приказал позвать своего крестника и стал ему сказывать: «Что ж ты генералам да министрам похваляешься, что можешь достать Настасью-королеву, а мне про то ничего не докладываешь?» – «Помилуйте, ваше величество! – отвечает Иван крестьянский сын.– Мне того и во сне не снилось». – «Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, так и дело сделай; а не сделаешь – то мой меч, твоя голова с плеч!» [13, с. 24].

Социологическое основание рассматриваемой манипуляции, по-видимому, определяется социальными факторами, одним из которых является социальное расслоение общества на бедных и богатых, тех, кто имеет власть, и тех, кто ее не имеет (или имеет в меньшей степени). Конфликтующими сторонами выступают царь и его подчиненные (генералы и министры, имеющие меньшую по сравнению с царем власть и опасющиеся потерять ее из-за стремительно поднимающегося вверх по карьерной лестнице Ивана – крестника царя). Опасения потерять материальные блага и чин побуждают царскую знать оклеветать Ивана в глазах государя и предложить выполнить ему непосильное задание – добыть Настасью прекрасную королеву.

Психологическая сторона анализируемой конситуации проявляется прежде всего в наличии межличностного конфликта между вышеперечисленными персонажами. Кроме того, действия героев в приведенной ситуации проходят все стадии психологического воздействия: 1) подготовка объекта

манипуляции, т.е. создание определенного психологического настроения: генералы и министры не разделяют воодушевления царя при разговоре о его крестнике, уходят от прямого ответа на вопрос; 2) осуществление (преимущественно за счет вербальных средств) самой манипуляции: приближенные царя ярко и красочно описывают королевство Настасьи-королевы, его недоступность и завершают описание хвастливым намерением Ивана; 3) результат (успех) манипуляции: у царя возникает желание не только взять в жены Настасью прекрасную королевну, но и заставить именно Ивана добыть ее (а в случае неудачи – убить крестника).

Приведенный пример манипулятивного акта также соответствует всем пяти выделенным нами ранее характерным чертам манипуляции:

1. Скрытость, косвенность воздействия: генералы и министры не говорят о своем истинном желании избавиться от Ивана, они порождают в душе царя другое желание, исполнение которого приведет к намеченной ими цели.

2. Мастерство манипулирующих проявляется на уровне ораторского искусства: они приводят доводы, убеждают, вызывают определенные стремления.

3. Возникновение собственного намерения или желания у объекта манипуляции, т.е. царя, очевидно: он принимает решение самому жениться на Настасье прекрасной королевне.

4. Получение выгоды: царь планирует получить как материальную, так и моральную выгоду путем устранения конкурента.

5. Разрушительность результатов: в проигрыше от осуществления желания, вызванного манипуляторами, несомненно, окажется сам царь, т.к. в лице крестника он лишится верного слуги и талантливого военачальника.

Лингвистический анализ цитируемого отрывка представляет, на наш взгляд, особый интерес. Подробно изучив реплики манипуляторов (т.е. генералов и министров), отметим употребление эмоционально окрашенной лексики (*дурно, тридевять, пробраться*); стилистического повтора (наибольшая встречаемость в отрицательных частицах *не* и *ни*); различных флексий (например, *слыхивали* – суффикс *-ива-* указывает на неоднократность действия, *превысокая* – приставка *пре-* усиливает степень качества прилагательного); сложных предложений и однородных членов в их составе, а также стилистического нарастания, или климакса («...*в таком-то королевстве, за тридевять земель, выстроен большой мраморный дворец, а кругом превысокая ограда поставлена – не пробраться туда ни пешему, ни конному! В том дворце живет Настасья прекрасная королевна. Никому ее не добыть...*»).

Экспрессивность указанных и других употребляемых манипуляторами вербальных средств не вызывает сомнений. Данные средства удерживают внимание жертвы, сосредотачивают его на нужных субъекту (в нашем примере – субъектам) манипуляции отрывках фразы (такую функцию могут выполнять оценочные лексические единицы, стилистически значимые флексии, лексические и синтаксические повторы и др.) или, наоборот, рассеивают внимание объекта манипуляции, лишают его способности понять истинный смысл услышанного (достижению такого эффекта способствуют избыточность количества элементов в составе предложений, частое, намеренное использование обособленных членов, уточняющих конструкций и т.п.).

Итак, при изучении манипуляции как вида речевого (вербального) психологического воздействия мы обязаны учитывать его социо-, психо- и собственно лингвистический аспекты:

1) манипуляция возникает в результате социального взаимодействия людей, живущих в обществе; данное явление порождается «манипулятивной природой социума» [6];

2) манипуляция является продуктом различных психологических установок индивидов, оказывающих воздействие друг на друга;

3) манипуляция предполагает использование ряда языковых средств для достижения положительного (для манипулятора) результата.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь / гл. ред. Б. А. Введенский. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – Т. 2. – 736 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. **Кара-Мурза, С. Г.** Манипуляция сознанием в России сегодня / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2001. – 544 с. – (История России. Современный взгляд).
4. **Фёдорова, Л. Л.** Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Фёдорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46.
5. **Почепцов, Г. Г.** Паблик рилейшнз / Г. Г. Почепцов. – М. : Ваклер, 2001. – 284 с.
6. **Доценко, Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М. : ЧеРо ; Изд-во МГУ, 2000. – 344 с.
7. **Ковалёв, Г. А.** О системе психологического воздействия (к определению понятия) / Г. А. Ковалёв // Психология воздействия (проблемы теории и практики) : сборник научных трудов АПН СССР. НИИ общей и пед. психологии / ред. А. А. Бодалев. – М. : 1989. С. 5–14.
8. **Куницына, В. Н.** Межличностное общение : учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казарина, В. Н. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
9. **Щербатых, Ю. В.** Искусство обмана. Популярная энциклопедия / Ю. В. Щербатых. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 544 с.
10. **Пузырёв, А. В.** Мышление, язык и человеческая судьба (к постановке проблемы) / А. В. Пузырёв // Надежность и качество: доклады Международного симпозиума. – Пенза, 1999. – С. 133.
11. **Шостром, Э.** Анти-Карнеги : пер. с англ. / Э. Шостром – Мн. : ООО «Попурри», 1999. – 400 с.
12. **Добрович, А. Б.** Воспитателю о психологии и психогигиене общения: книга для учителя и родителей / А. Б. Добрович. – М. : Просвещение, 1987. – 207 с.
13. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. – М. : Наука, 1985. –Т. 2. – 464 с.

АННОТАЦИИ

История

УДК 9(470.44–25) «1893/1913»

Зайцев, М. В.

Проведение выборов гласных Саратовской городской думы в 1893–1913 гг. / М. В. Зайцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 2–11.

Рассматривается функционирование муниципальной избирательной системы России, закрепленной Городовым положением 1892 г., на примере выборов в Саратовскую городскую думу. На основании разнообразных источников (включая архивные документы) анализируются данные о количестве саратовских избирателей, их явке, организационно-технической стороне голосования. Одно из важнейших наблюдений, сделанных в исследовании, касается складывания в среде саратовских избирателей предвыборных блоков или «партий».

УДК 94.3 (470.4/5)

Карнишин, В. Ю.

Местное управление губерний Поволжья накануне Февральской революции / В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 12–19.

В статье рассматривается ряд аспектов деятельности местных властей средневожских губерний в период Первой мировой войны. Отражены дефекты системы государственного управления в контексте нарастания кризисных явлений в экономической и социальной сферах.

УДК 930.1(470)

Вострикова, В. В.

Российские либералы о роли государства в общественном развитии / В. В. Вострикова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1 – С. 20–27.

Анализируется теоретическое наследие российской либеральной мысли начала XX в. Делается вывод о необходимости активной роли государства в общественной жизни; важности содействия властным институтам в осуществлении задач по улучшению жизни общества.

УДК 930.057.634

Леонов, М. И.

«Дело Оболенского» (Боевая организация и террористы) / М. И. Леонов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 28–36.

В статье рассматривается одно из самых громких покушений начала XX в., исследуется состояние Боевой организации эсеров в первый год ее существования, проводится анализ поведения террористов, мотивации и апологии террора, его роли в Смуте конца XIX – начала XX вв.

Ф и л о с о ф и я

УДК 161.25

Горюнов, А. В.

О неединственности логики предикатов / А. В. Горюнов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 37–49.

Обоснован тезис о неединственности логики предикатов. Предложена их классификация, основанная на определении уровня и характера конрадикторности логической системы.

УДК 004.8

Рябова, М. Э.

Человек как субъект усложняющихся коммуникаций / М. Э. Рябова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 50–57.

Рассмотрена проблема осмысления усложнения коммуникаций как важнейшего сильнодействующего социокультурного фактора динамики субъекта. Сделан вывод о транснациональной специфике коммуникаций, ставящей личность в центр растущего разнообразия, что обуславливает рост ее значения для развития личности, общества.

УДК 161.2

Шикина, Т. С.

Формирование диалога в истории российской социальной философии / Т. С. Шикина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 58–64.

Раскрыто формирование диалога в истории российской социальной философии как социокультурного явления, являющегося условием самосохранения, воспроизводства человечества. Прослеживается развитие идеи диалога от М. М. Бахтина, В. С. Библера до А. С. Ахиезера. Обосновываются характеристики многоплановости сущности диалога, указываются его потенциальные возможности как фактора динамики общества, что требует расширения и углубления познаний диалога как предмета социальной философии.

УДК 149.05

Сушков, С. В.

Сознание и деятельность в свете постклассической интерпретации социальности / С. В. Сушков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 65–70.

Исследована категория социальности, которая рассмотрена через призму постклассического трактования сознания и деятельности. Методологической базой работы послужили идеи отечественных философов и психологов: А. В. Брушлинского, В. В. Давыдова, Ю. В. Громыко, В. С. Библера, В. А. Лекторского и В. Е. Кемерова. Сделан вывод об определяющей роли категории субъекта и субъект-субъектных взаимоотношений.

Филология

УДК 82-1/29

Жаткин, Д. Н.

Ономастикон А. А. Дельвига: опыт лексикографического осмысления (материалы к «Словарю языка А. А. Дельвига») / Д. Н. Жаткин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 71–80.

В статье осуществлен целостный анализ особенностей использования имен собственных в художественных произведениях, литературно-критических статьях и эпистолярной известной представителя «пушкинской плеяды», издателя альманаха «Северные цветы» и «Литературной газеты» Антона Антоновича Дельвига. Проведенное исследование позволило не только установить характерные творческие предпочтения А. А. Дельвига, но и выявить особенности его работы с художественным словом, понять специфику его интереса к отечественной и зарубежной истории, российской и мировой культуре.

УДК 801

Родионова, О. С.

К вопросу о единицах членения текста / О. С. Родионова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 81–84.

Рассмотрена актуальная проблема сегментации текста и выявления единиц его членения. В качестве основной единицы текста предлагаются сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац, предикативно-релятивный комплекс. В иерархию единиц текста включается и синтагма, которая признается универсальной единицей.

УДК 882.09

Маслова, Ж. Н.

Перифраза в поэтике Иосифа Бродского (опыт исследования в контексте лингвофилософии) / Ж. Н. Маслова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 85–91.

Статья содержит попытку исследования глубинной природы перифразы как поэтического тропа в контексте поэтики И. Бродского. Анализ показал, что характер и структура перифразы отражают комплекс идей, являющихся объектом внимания лингвофилософской мысли. На интуитивном уровне поэтом считываются глубинные языковые процессы и явления, которые воплощаются, в частности, в именном характере перифразы и ее синкретизме.

УДК 80/81

Хижняк, С. П.

Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) / С. П. Хижняк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 92–99.

В статье рассмотрены основные направления в исследовании юридической терминологии разноструктурных языков. Наряду с проблемами общей теории термина (определение его границ, функционирование межотраслевых терминов, влияние когнитивной парадигмы на терминологические исследования) автор отмечает специфику лингвистических исследований в области юридической терминологии (влияние деления науки на подотрасли права, гендерные факторы развития терминосистемы). Отмечается также, что получение новых данных для терминоведения невозможно без всестороннего учета влияния внешних и внутренних факторов на развитие терминосистем.

УДК 801.1, 801.7

Гуляйкина, С. О.

Социо- и психолингвистические аспекты изучения манипуляций / С. О. Гуляйкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 100–106.

Рассматриваются социо- и психолингвистические аспекты изучения такого вида психологического воздействия, как манипуляция. Особое внимание уделяется его социальной природе, отличительным чертам и речевой репрезентации. Приводится социопсихолингвистический анализ манипулятивного акта на примере коммуникативной ситуации, взятой из русской народной сказки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в г. Орле).

Горюнов Алексей Владимирович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Ульяновского государственного университета.

Гуляйкина Светлана Олеговна – старший преподаватель кафедры английского языка Пензенского государственного университета.

Жаткин Дмитрий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского и иностранных языков Пензенской государственной технологической академии, академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Зайцев Максим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Карнишин Валерий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета.

Леонов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета.

Маслова Жанна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Саратовского государственного университета (филиал в г. Балашове).

Родионова Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого и французского языков Саратовской государственной академии права.

Рябова Марина Эдуардовна – доктор философских наук, профессор кафедры теории речи и перевода Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск).

Сушков Сергей Владимирович – аспирант кафедры философии Воронежского государственного педагогического университета.

Хижняк Сергей Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации Саратовской государственной академии права.

Шикина Татьяна Сергеевна – аспирантка кафедры теории речи и перевода Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск).

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- ***история***
- ***философия***
- ***филология***
- ***педагогика***

Стоимость одного номера журнала – 250 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: факс (841-2) 56-34-96, тел.: 36-82-06, 56-47-33; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку на второе полугодие 2008 г. можно также оформить по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ» «Газеты. Журналы», тематический раздел «Известия высших учебных заведений». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 2008 г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата « ____ » _____ 2008 г.